

**Преподобный
Паисий Величковский**

**Автобиография
Житие**

СВЯТО-ТРОИЦКАЯ СЕРГИЕВА ЛАВРА

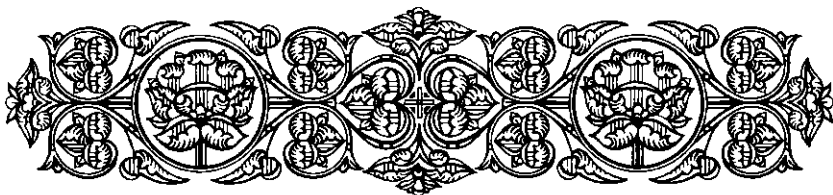
2006

*По благословению
Святейшего Патриарха Московского
и всея Руси Алексия II*

© Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006
Текст, макет, оформление

© Тахиаос А.-Е., 2006
Вступительная статья

© Некруткина Т. Ю., 2006
Перевод с английского вступительной статьи

От издательства

Замечательный памятник духовной литературы — автобиография преподобного старца Паисия Величковского, озаглавленная им «Повесть о святем соборе превозлюбленных о Господе отец и братий и чад моих духовных, собравшихся во имя Христова ко мне недостойному...» — была в течение почти 200 лет неизвестна читателю. В начале XX века русский ученый А. И. Яцимирский обнаружил ее в Библиотеке Императорской Академии наук. Вскоре после этого он сообщил о ней в своем труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» и поместил небольшие отрывки из нее в своей статье «Возрождение византийско-болгарского религиозного мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке». Однако полностью опубликована она была только в 1986 году профессором Фессалоникского университета А.–Е. Тахи́асом в сборнике под названием «Возрождение византийского мистицизма среди славян и румын в XVIII веке. Тексты, относящиеся к жизни и деятельности Паисия Величковского (1722–1794)»¹. Помимо автобиографии, составитель поместил в своем издании пространное житие

¹ Tachiaos Anthony-Emil N. The Revival of Byzantine Mysticism among Slavs and Romanians in the XVIIIth Century. Texts Relating to the Life and Activity of Paisy Velichkovsky (1722–1794). Θεσσαλονίκη, 1986. (Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς Τ. 28. Παράρτ. 43).

старца Паисия, составленное его учеником, схимонахом Митрофаном, которое до этого также ни разу не публиковалось. Этот агиографический памятник наряду с автобиографией представляет большой интерес в силу своей полноты, подробности в изложении событий жизни старца и большого количества сведений, не упоминаемых в более поздних печатных изданиях его жития. Основой для публикации автобиографии послужила рукопись № 13.3.26 Библиотеки Академии наук Российской Федерации, а жития, составленного схимонахом Митрофаном, — рукопись № 153(207) Нямецкого монастыря. Кроме того, А.-Е. Тахиаос включил в свой сборник факсимиле жития старца Паисия, изданного Нямецким монастырем в 1836 году, и найденные им в библиотеке Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря письма старца, адресованные иеромонаху Дорофею Вулизмасу, с ответами последнего. Эта переписка велась на греческом языке. Публикации составитель предпослал обширное введение на английском языке, посвященное вышеупомянутым сочинениям.

В России автобиография старца Паисия и его житие пера схимонаха Митрофана были впервые опубликованы Петром и Марией Жгун в сборнике «Прп. Паисий Величковский. Автобиография, жизнеописание и избранные творения по рукописным источникам XVIII–XIX вв.» в 2004 году. За основу была взята та же рукопись БАН, № 13.3.26 (в собрании А. И. Яцимирского она имеет номер 58). Славянский текст был ими воспроизведен с максимальной точностью, включая диакритические знаки, отсутствующие в издании Тахиаоса, особенности текста оговорены в подстрочных примечаниях. Житие, составленное схимонахом Митрофаном, было опубликовано по рукописи № 279 из собрания Санкт-Петербургской духовной академии, хранящейся

ныне в рукописном отделе РНБ, также славянским шрифтом.

В настоящем издании мы помещаем тексты из указанной публикации, предоставленные нам Петром и Марией Жгун. С целью сделать автобиографию и странное житие старца Паисия доступными для самого широкого круга читателей, мы следуем примеру изданий Оптиной пустыни XIX века, заменяя славянский шрифт старой русской графикой. Тексту этих двух произведений предшествует сделанный по разрешению А.-Е. Тахиаоса перевод его статьи из издания 1986 года, сохраняющей свое научное значение и в наши дни.

Надеемся, что предлагаемая вниманию читателей книга принесет им большую духовную пользу.

А.-Е. Тахиаос
Предисловие
к первому изданию автобиографии
и пространного жития
преподобного Паисия Величковского

Когда Паисий Величковский оставил этот мир 15 ноября 1794 года, монахи, чьим духовным пастырем являлся преподобный¹, почитали его за наставника чрезвычайной духовной силы, старца, руководителя монашеской жизни. После смерти святого память о нем жила среди них; время не только не стерло ее, но лишь укрепило через скорбь по почившему старцу. Новоприходящим монахам, которые постоянно присоединялись к братии Нямецкого монастыря; монастырей в Драгомирне и Секуле, не посчастливилось видеть Паисия при жизни, но, безусловно, они жаждали открыть для себя его жизнь и труды и, прежде всего, путь его духовного делания, аскетических подвигов, которые могли бы слу-

¹ Уже к концу жизни старца Паисия только в Нямецком монастыре жили около 700 монахов. См.: Четвериков С. Молдавский старец схиархимандрит Паисий Величковский. Его жизнь, труды и влияние на православное монашество. I. Пецери, 1938. С. 117. В жизнеописании преп. Никодима Святогорца упоминается, что старец Паисий являлся духовным наставником более 1000 монахов. См.: Βιλάλης Ν. 'Ο πρωτότυπος Βίος ἁγίου Νικοδήμου Ἀγιορείτου (1749-1809). Ἀθήναι, 1983. Σ. 22.

жить им самим в качестве образца для подражания. Не только новоначальные, но и многие старые монахи не могли близко наблюдать жизнь старца и, соответственно, мало знали о ней. Немногие подвижники из братии преподобного Паисия были близки к авве, вместе трудились с ним над переводами отеческих книг или жили с ним во времена, когда им была основана его первая монашеская община на горе Афон. Однако именно благодаря воспоминаниям этих немногих монахов разрозненные фрагменты складываются в картину, дающую полное представление о личности и жизненном пути великого подвижника. По прошествии лет нужда в воссоединении этих фрагментов только росла, и именно эта острая необходимость стала причиной создания жизнеописания старца Паисия. Страх, что со смертью свидетелей жизни старца исчезнут и драгоценные воспоминания о ней, торопил скорее приступить к делу.

История составления жизнеописания, несомненно, зависела еще от одной особенности монашеской общины преподобного Паисия. Среди монахов были и славяне, и румыны, и те и другие желали, чтобы биография была составлена на их языке. Конечно, многочисленная братия преподобного Паисия состояла не только из славян и румын, но и монахов других национальностей; несомненно, среди них было много греков¹. Однако *linguae*

¹ В рукописи № 56 библиотеки Московского Симонова монастыря, которая датируется 1841–1848 гг., говорится, что в Нямецком монастыре жили монахи около десяти национальностей: молдаване, сербы, болгары, венгры, греки, евреи, армяне, турки, великороссы и малороссы. См.: Попов Н. Рукописи Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Собрание рукописей Московского Симонова монастыря // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 2. М., 1910. С. 87.

fransaе были славянский и румынский. Уже к концу жизни преподобного Паисия основным языком общения монахов стал румынский¹. Духовное совершенство старца, обретенное им через неустанный аскетический подвиг и стяжание добродетелей, полностью освободило его от национальной ограниченности. Подобно средневековым исихастам², он поднялся над этническими различиями и был общим отцом одинаково для всех и каждого³.

Историю составления разных вариантов жизнеописания старца мы находим в предисловиях к текстам на славянском языке, появившимся в 1836 году в Немецком монастыре и в 1847 году в Оптиной пустыни. Судя по этим предисловиям, житие преподобного Паисия со-

¹ В главе XV «Правил», написанных преподобным Паисием в 1763 году для монастыря в Драгомирне, сказано: «Поскольку наша община состоит из монахов трех национальностей, то игумену положено знать три языка: греческий, славянский и молдавский. Если же ему невозможно знать все три, то хотя бы два, молдавский и славянский, знать он должен». См.: Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек (= Сборник отделения русского языка и словесности LXXIX). СПб., 1905. С. 538. Эта запись свидетельствует о том, что в последние годы Паисий отдавал предпочтение румынскому языку.

² Сырку П. К истории исправления книг в Болгарии в XIV веке. Т. 1. Время и жизнь патриарха Евфимия Терновского. СПб., 1898. С. 354–367. Ταχιάος Α.-Ε. 'Νουχαστικά ἐπιγράσεις εἰς τὴν ἐκκλησιαστικὴν πολιτικὴν ἐν Ρωσίᾳ 1328-1406. Θεσσαλονίκη, 1962. Σ. 91-102.

³ В румынском издании жития Паисия Величковского, появившемся в 1817 г. в Немецком монастыре, в связи с этим читаем: «Ибо Господень апостол говорит верным: *„Нестъ иудей, ни эллин, несть раб, ни свободъ, несть мужеский пол, ни женский, но все вы едино о Христе Иисусе“*. Так и у преподобного не было молдаванина и малоросса, не было румына и москаля, не было грека и болгарина, но все были едины, как сыны его святости, будучи сынами послушания».

здавалось следующим образом. Более 20 лет спустя после кончины старца у братии Нямецкого монастыря родилось желание составить житие основателя обители. Для этой цели был выбран монах Митрофан, имевший в сравнении с другими два важнейших преимущества: он был не только одним из первых учеников преподобного Паисия, но и опытным переписчиком рукописей и при этом хорошо разбирался в грамматике славянского языка. Митрофан с любовью принялся за дело и сумел составить первый вариант жития своего наставника. К несчастью, преклонный возраст и ухудшающееся зрение помешали ему отредактировать черновик. Вскоре после завершения работы над первым вариантом жития преподобного Паисия Митрофан скончался.

С кончиной Митрофана работа над составлением жития была прервана до тех пор, пока монах Исаак по просьбе других братий не возобновил ее и не переписал житие заново. Поскольку Исаак был родом из Румынии, то на сей раз текст был написан на румынском языке и, кроме того, расходился по содержанию с трудом Митрофана. Как и его предшественник, Исаак скончался, не успев отредактировать второй, исправленный вариант жития. Братия монастыря, румыны по происхождению, боялись, что текст Исаака постигнет та же судьба, что и житие, составленное Митрофаном, и он останется неисправленным, поэтому обратились к ученому дьякону Григорию, будущему митрополиту Угро-Валашскому (1823–1834)¹, с просьбой пересмотреть и сократить слишком длинное повествование. Вняв прось-

¹ Об этом известном лице и его широкой и разнообразной духовной и культурной деятельности см.: G. Moisescu, Ș. Lupșa, A. Filipașcu. *Istoria Bisericii Române*. II. București, 1957. P. 403–424 (включая библиографию).

бам братии, Григорий в конце концов составил краткое житие, назвав его «Повесть вкратце от жития блаженного отца нашего Паисия»¹. Текст ее был представлен на рассмотрение митрополиту Молдавскому Вениамину Костахи и господарю Скарлату Калимаху. Публикация текста была ими разрешена, и житие было напечатано в типографии Нямецкого монастыря в 1817 году. Похоже, что расхождение опубликованного текста и труда Митрофана вызвало некоторое недовольство среди монахов-славян, которые считали, что поскольку духовный отец и основатель их монастыря был пастырем одинаково и для монахов-славян и для монахов-румын, то и житие его должно быть одним и тем же и на румынском, и на славянском языке. Общее собрание братии одобрило это мнение, и монаху Платону, который трудился вместе с преподобным Паисием в качестве переписчика, было поручено составить новое житие на основе текстов Исаака и Митрофана. Платон выполнил порученное ему дело, и конечный вариант жития был напечатан на двух языках в типографии Нямецкого монастыря в 1836 году с предисловием игумена монастыря, архимандрита Мардария. Это житие получило большую популярность и быстро разошлось. Потребовалась допечатка. Однако переиздать житие 1836 года не представлялось возможным по двум основным причинам: во-первых, церковно-славянские буквы становились все менее привычными для широкого круга читателей, во-вторых, число монахов-славян, принадлежавших школе старца Паисия, в

¹ Povestire din parte a vieții Prea Cuviosului Părintelui nostru Paisie. Это житие упоминается в прим. 3 на с. 8. Подробнее об этом труде см.: Hodoș N., Simonescu D. Bibliografia românească veche 1508–1830. T. III: 1809–1830. București, 1912–1936. Neudr.: Kraus Reprint Ltd. Nendeln; Liechtenstein, 1968. № 930. S. 178–181.

Румынии быстро сократилось¹. Поэтому переиздание жития только на славянском языке стало возможным лишь в 1847 году, через 11 лет после первого издания. Оно было выпущено в свет в России монастырем Опти-на пустынь². Вернее, житие было напечатано еще в 1845 году, в 12-м выпуске «Москвитянина», под редакцией русского мыслителя И. В. Киреевского. Успех опубликованного в нем жития преподобного Паисия привел к тому, что два года спустя уже Оптиной пустынью было выпущено отдельное издание жития³. Оно оказалось столь популярным, что не прошло и года, как понадобилось новое издание. Житие преподобного Паисия в нем было дополнено рядом других трудов, принадлежащих перу самого Паисия, а также старца Василия Поляно-мерульского и других авторов круга старца Паисия. Оно было переиздано в таком виде в 1892 году, а затем в 1902 году. Это житие представляло собой переработанную версию текста 1836 года, изданного Нямецким мо-

¹ Подробнее об этом упадке сказано в трудах: А.И. Яцимирский. Возрождение религиозного византийско-болгарского мистицизма и славянской аскетической литературы в XVIII веке // Почеть. Сборник статей, посвященных проф. М.С. Дринову. Харьков, 1908. С. 201–203. Ταχιάος Α.-Ε. 'Ο Παῖσιος Βελιτσκόφσκι (1722-1794) καὶ ἡ ἀσκητικοφιλολογικὴ σχολή του. Θεσσαλονίκη, 1964. Σ. 119-130.

² Историческое описание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Издание второе, исправленное и дополненное, оной пустыни и [еромонахом] Л[еоном]. СПб, 1962.

³ И[еромонах] Л[еоном]. Сказание о жизни и подвигах блаженная памяти старца Оптиной Пустыни иеросхимонаха Макария. М., 1861. С. 162–163. А[рхимандрит] Н[икодим]. Старцы: отец Паисий Величковский и отец Макарий Оптинский и их литературно-аскетическая деятельность. Москва, 1909. С. 32–33, 39–40, 80–81. Четвериков С. Оптина Пустынь. Исторический очерк и личные воспоминания. Париж, 1926. С. 107–108. В этом издании жития Величковского часто встречаются прямые и косвенные ссылки на письма Н.П. Киреевской к старцу Макарию, которые приведены на с. 144–155 в книге Четверикова.

настырем, и было напечатано с использованием гражданского шрифта.

Житие преподобного Паисия стало известно во многом благодаря изданию Оптиной пустыни. Даже несмотря на сухое изложение, книга приобрела большую популярность. Русский славист А. И. Яцимирский в своем фундаментальном труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек», опубликованном в 1906 году, посвятил обширный раздел славянским рукописям, принадлежащим перу преподобного Паисия и его учеников, а также дал подробное описание жизни и трудов старца¹. В своей книге Яцимирский сообщает, что в Библиотеке Императорской Академии наук ему удалось обнаружить до тех пор не известную рукопись с автобиографией преподобного Паисия. Автор подробно ее пересказывает, приводя из нее отрывки (с. 516–527)². Как мы увидим дальше, три составителя жития преподобного Паисия — Митрофан, Исаак и Григорий — знали о существовании этой автобиографии, но до обнаружения Яцимирским рукописи никто о ней не упоминал. Тем не менее автобиография преподобного Паисия, безусловно, является важнейшим биографическим источником.

Автобиография преподобного Паисия

Яцимирский был полностью прав, написав, что автор текста, изданного в Нямецком монастыре в 1839 году, Григорий, «обезличил фигуру замечательного стар-

¹ Яцимирский А.И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. С. 515–583.

² Этот отрывок из книги Яцимирского об автобиографии Паисия был переведен на румынский язык Штефаном Беречетом и издан им в виде отдельной небольшой книги: *Autobiografia starețului Paisie Velicikovskii*. Iași, 1918. P. I – VII + 1–27.

ца и из живого и симпатичного человека дал какой-то абстрактный образ сухого подвижника со всеми книжными и строго каноническими чертами»¹. В издании Оптиной пустыни эти черты были еще более размытыми и сухими, в то время как в тексте самого преподобного Паисия мы видим совершенно иного человека.

Автобиография Паисия Величковского была найдена в рукописи № 13.3.26 Библиотеки Императорской Академии наук, теперь бывшей Академии наук СССР, архив № 58 (собрание Яцимирского). Первоначально рукопись принадлежала священнику Феофилу Гепецкому, затем попала в руки Яцимирского, который в свою очередь передал ее Библиотеке Академии наук².

Рукопись содержит не только автобиографию Паисия Величковского, но также ряд других трудов, которые, возможно, принадлежат его школе³. Сама автобиография занимает листы 1–113 (об.) и написана рукой одного человека, хотя длина строк и их количество на странице нерегулярны. Не вызывает сомнений то, что текст был написан не рукой преподобного. Наверху каждой страницы присутствует надпись: Повѣсть блаженнаго отца нашего старца Паїїа, выполненная тем же почерком, что

¹ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи... С. 516.

² Сам А.И. Яцимирский в своей книге «Славянские и русские рукописи румынских библиотек» говорит о том, что рукопись принадлежала собранию Гепецкого (С. 516, сноска 1). Однако в библиотеке, где сейчас находится автобиография, рукопись значителен как ранее принадлежавшая собранию А. Яцимирского. Подробнее о последней см.: Бельчиков Н. Ф., Бегунов Ю. К., Рождественский Н. П. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.–Л., 1963. С. 76, 89.

³ Над второй частью рукописи (л. 115–145) трудились, по крайней мере, четыре разных человека. Она включает: толкование на «Господи, помилуй» (л. 115–120); чин принятия раскольников в православную веру (л. 121–138), переписанный из книги 1742 г.; короткие главы из Патерика (139–142); отрывок из похвалы монаха и пресвитера Григория всем святым (л. 142 об.–145).

и основной текст. Несомненно, с этим трудом связано немало загадок, самая главная из них касается того факта, что автобиография не пользовалась популярностью, в отличие от пережившего несколько переизданий жития, которое, как мы увидим, сохранилось в нескольких рукописях. Несомненно, для будущих поколений читателей гораздо интереснее был бы текст, написанный самим старцем о своем жизненном пути, душевной борьбе, чувствах, чем сухой, блеклый текст жития, составленного монахом Григорием. Не вызывает сомнений, что эта автобиография написана самим старцем. Живость и душевность языка, многочисленные подробности из личной жизни преподобного, раскрытые тайные мысли и переживания, которые, по-видимому, не мог знать никто из окружавших Паисия, исключают малейшую возможность того, что авторство неподлинно. В этом не возникает ни малейших сомнений. Однако под вопросом остается, почему до настоящего времени сохранилась лишь одна копия¹, тогда как школа Паисия Величковского дала десятки превосходных переписчиков и можно было ожидать существования нескольких экземпляров. Это странное положение вещей, наверное, могут объяснить две причины: одна практическая, другая теоретическая.

Мы знаем, что в работе над составлением жизнеописания преподобного монах Митрофан мог пользоваться автобиографией старца, поэтому часто к ней прибегал. Несомненно, он держал ее у себя, и после его смерти рукопись перешла к Исааку, который также не замедлил ею воспользоваться. Таким образом, поскольку автобиография являлась важнейшим источником информации для составления жизнеописания, то переписать ее не представлялось возможным долгое время. Прини-

¹ В недавнее время исследовательница В. Пелин заявила о находке автографа «Автобиографии» и о вероятной последующей публикации. — *П. Жгун*.

мая во внимание, что преподобный скончался в 1794 году, а окончательный вариант его жития вышел в свет в 1836 году, мы приходим к выводу, что автобиография оставалась неизвестной для широкого круга читателей 42 года — почти полвека. Сохранившаяся копия, должно быть, появилась в 20-х годах XIX столетия, в то время, когда был напечатан текст монаха Исаака на румынском языке. Однако и эта копия, по-видимому, создавалась как подспорье в подготовке биографии преподобного Паисия, а не для чтения как отдельный труд.

Вторая, теоретическая причина заключается в отсутствии интереса к такому виду текстов в монашеских общинах Драгомирны и Нямца. Автобиография — труд целиком личного характера. Кроме того, она не охватывает полностью жизнь автора. Монашеской братии требовался краткий текст с равномерно распределенным материалом, со структурой синаксаря. Такие тексты общего содержания, без деталей, испещренные красочными выражениями и эпитетами, характерными для синаксаря, использовались для литургических и иных целей, к примеру, читались во время богослужения или за монастырской трапезой. Растянутая и полная подробностей автобиография, будучи незавершенным и полным деталей эмоциональным повествованием, не соответствовала принципам составления синаксаря и, таким образом, не годилась для основных нужд монастыря. Поэтому этот жанр и был невостребован.

Автобиография Паисия Величковского — в своем роде уникальное произведение славянской православной литературы конца XVIII века. Безусловно, XVIII век — эпоха расцвета этого литературного жанра, особенно на Западе¹. Славянскому православному миру он

¹ См.: Hubatsch W. *Biographie und Autobiographie — Das Problem von Quelle und Darstellung* // XIII internationaler Kongress der historischen Wissenschaften. Moskau, 1970.

был известен¹, но в это время, несомненно, развивался по своему пути². Два современника старца Паисия, епископ Парфений Павлович и Досифей Обрадович, оба из Сербии (правда, первый из них на самом деле являлся выходцем из Болгарии), написали автобиографии, в которых отчетливо прослеживается влияние западных литературных традиций. Автобиография Павловича охватывает период его жизни с 1746 по 1757 год и отчасти напоминает дневник³. Обрадович писал свой труд с определенной целью, стремясь оправдать свое обращение к идеалам Просвещения и защитить собственные прогрессивные идеи⁴. Его автобиография делится на две части. Первая, охватывающая период его жизни по 1760 год, была опубликована в Лейпциге в 1783 году. Вторая охватывает период с 1760 по 1788 год и, в отличие от предыдущей, написанной в повествовательной форме,

¹ За сто лет до Паисия знаменитый протопоп Аввакум написал свою биографию, представляющую собой обширный богословский и полемический труд. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / Под общей редакцией Н.К. Гудзия. М., 1959. С. 31, и далее. (Предисловие В.Е. Гусева.)

² Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire de la littérature balkanique slave du XVIIIème siècle // 'Αριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς. 19. 1975. Σ. 429-437. Боева Л. Развитие жанров в русской и болгарской литературе XVII и XVIII вв. София, 1983. С.122–136.

³ Опубликован Б. С. Ангеловым в: Ангелов. Б. С. Савременици на Паисий. II. София, 1964. С. 5–59. Ср.: Boiadjev P. Chronologie de la vie et de l'Autobiographie de Partenij Pavlovič // Bulletin de l'Assosiation Internationale pour l'étude du sud-est européen. XIII-XIV. 1975–1976. P. 73–92. Он же. Партений Павлович. Балкански културни взаимоотношения. София, 1980. (= Studia balcanica. 15.) С. 56–80. Велчев В. Проблемата за образа на повествователя в Автобиографията на Партений Павлович // Език и литература. XXXVI/2. 1981. С. 50–60.

⁴ Tachiaos A.-E. L'Autobiographie en tant que genre littéraire... P. 431, 435.

представлена в эпистолярном жанре¹. Разница между двумя жизнеописаниями заключается в том, что труд Обрадовича имеет яркую идеологическую направленность и, в сущности, является декларацией взглядов и убеждений автора. С хронологической точки зрения, автобиография преподобного Паисия была третьим по счету произведением этого жанра в славянской православной литературе XVIII столетия, что является прецедентом. За этими тремя трудами последовала автобиография болгарского епископа Софрония Врачанского².

В предисловии к своей автобиографии преподобный Паисий объясняет причину ее написания. Жизнь его подходила к концу, и святой понимал, что «всякая вещь, писанію не предаемая, всесовершенному предаваема бываетъ забвенію». Только поэтому авва решился написать повествование о своем жизненном пути и передать его монахам в письменной форме. Тем не менее, опасаясь обвинений в том, что истинной причиной написания автобиографии стали его личные амбиции, ста-

¹ Самое последнее издание всей автобиографии находится в собрании его сочинений: Доситеј Обрадовић. Сабрана дела / Изд. Dj. Гавела. Т. I. Београд, 1961. С. 73–168, 171–284. Детальный анализ автобиографии Обрадовича и его взглядов проводит М. Костич в своем фундаментальном труде: Костич М. Доситеј Обрадовић у историјској перспективи XVIII–XIX века. Београд, 1952. (= Српска Академија Наука. Посебна издања. Књ. СХС. Историјски Институт. Књ. 2).

² Автобиография Софрония была опубликована А. Теодоровым-Балан: Софроний Врачански. За стогодишнината на новата българска печатна книга (1806–1906). София, 1906. (= Българска библиотека. Брой. 8). С. 1–39. Существует и более современное издание Н.М. Дылевского и А.Н. Робинсона: Софроний Врачанский. Жизнеописание. Л., 1976. Ср.: Sofroni Vrachanski. Vie et tribulations du pécheur Sofroni // Introduction, traduction et notes établies par Jack Feuillet. Sofia, 1981. Ср.: Лихачов Д. С. Автобиографии на Софроний Врачански и Авакум Петров (опит да се обяснят техните различия) // Литературна мисал. 1978/10. С. 89–85.

рец Паисий ясно дает понять, что им двигали исключительно духовные побуждения. В первую очередь, ему хотелось рассказать монахам об истории создания своей монашеской общины, о «ее истоках». И поскольку он сам стоял у ее истоков, то должен был поведать о себе в своем труде. Во-вторых, им двигало желание передать подлинные факты из собственной жизни и защитить круг своих учеников от злонамеренного искажения правды и клеветы со стороны еретиков¹.

По-видимому, Паисий Величковский изначально хотел написать подробную и объемную автобиографию, чему помешала его кончина. Труд, им оставленный, охватывает период длительностью в 24 года, с его рождения до того момента, когда им овладело твердое желание уйти на гору Афон, то есть с 1722 по 1746 год. Если принять во внимание количество страниц, посвященных этим 24 годам, то сколько святой посвятил бы остальным 48 своей жизни! В повествовании нет и следа поспешности или стремления его сократить; напротив, автор сосредотачивает внимание на незначительных деталях, что время от времени приводит в восхищение читателя.

Язык повествования абсолютно естествен и не обнаруживает каких-либо следов постороннего влияния. Часто в нем сквозит детская наивность и произвольная порывистость, что не только оживляет текст, но и делает его весьма убедительным и оставляющим глубокое впечатление. По автобиографии мы составляем истинный портрет ее автора. Его правдивость вместе с искренним желанием открыться читателю пронизывает весь текст с начала до конца и подчеркивает характерные черты его личности. Автор вспоминает слабость

¹ Паисий опасался клеветы и подозрений от недоброжелателей, сомневавшихся в искренности его веры, с одной стороны, так как в жилах его матери текла еврейская кровь, а с другой стороны, так как, будучи малороссом, он мог происходить из семьи униатов.

своего характера, детские страхи, внутреннюю борьбу и чувствительность. Он свободно говорит о своей неповоротливости, недостатке практических навыков, и много раз упоминает об отсутствии у себя осторожности и благоразумия в духовной жизни, которые являются одними из главных монашеских добродетелей. Эта автобиография, написанная им уже в преклонном возрасте, рисует нам истинное лицо святого, лишившего себя перед читателем идеализированного образа, который создается славой и всеобщим признанием. Однако самоуничтожение указывает на невероятную духовную силу подвижника и величие его души. Благодаря самообличению автора мы видим преподобного совершенно иным, нежели в сухом издании Оптинского монастыря. Перед нами является естественная духовная красота, красота, олицетворяющая правду¹.

Безусловно, автобиография была задумана и как образец для подражания монахов. В ней отчетливо прослеживается дидактический элемент, однако эффект на-

¹ Короткое, но весьма интересное описание внешности Паисия находим у Константина Караджи, который был в гостях у преподобного в 1780 году. «Тогда-то я и узрел неприкрытое воплощение добродетели, скромности и простоты. Черты его были невероятно изящны, цвет лица ровный и белый, седая борода его сияла чистотой, облачение было безупречно и опрятно, как и толстые шерстяные пледы, укрывавшие кресла и кушетки в его комнате. Речь его была крайне сладостна и нелицемерна. И казалось мне, что рядом со мной не человек, но неземное создание». (Papadopoulos-Kerameus A. Texte grecești privitoare la istoria românească. București, 1909. P.109 (=E. de Hurmuzaki, Documente privitoare la istoria Romanilor. XIII). Cp.: Suttner E. Chr. Paisij Veličkovskij im Spiegel des geistlichen Testaments seines Schülers Georgehe de la Cernica // Ostkirchlichen Studien. 22. 1973. S. 184–189. Idem. Beiträge zur Kirchengeschichte der Rumänen. Vienna-Munich, 1978. S. 278–283. Что касается внешности преподобного, см.: Racoveanu G. Gravura în lemn la Mănăstirea Neamțul. București, 1940. (XIV, XV). Costescu E. L'art roumain et l'art bulgare aux XVIIIème et XIXème siècle // Revue des études sud-est européennes. VIII. 1970. P. 61–63.

ставления достигается через самоуничтожение автора. Может быть, как раз для дидактической цели, в своем труде преподобный Паисий несколько преувеличивает свои духовные испытания. Однако это могло быть и просто данью моде в автобиографическом жанре того времени. Во всяком случае, такой суровый подвижник, как старец Паисий, не мог переступить через внутреннюю преграду, так как для него превозношение в принципе было недопустимо. И уж если в тексте и встречается нечто подобное, то причина на то может быть только объективной, но никак не субъективной. Эта объективная причина, должно быть, связана с положением старца Паисия как духовного пастыря и наставника весьма обширной монашеской общины. С тех пор как эта община признала его своим создателем и духовным руководителем, членам ее необходимо было знать все подробности его жизни, обучаться на примере внутренних и внешних подвигов учителя, которые монахи еще не совершили. Преподобный Паисий считал, что, основывая монашескую общину, он выполняет повеление Господа. Воля Божия жила в нем с самого его рождения, и действием ее уже на ранних жизненных этапах святого стали скорби и выбор монашеского пути в юности. Следовательно, поскольку жизнь монахов Секульского, Драгомирнского и Нямецкого монастырей была тесно связана со старцем Паисием и его жизненным путем, то, посвятив себя духовным чадам, ради них преподобный написал свою автобиографию. Только ради этого, ради духовных нужд монахов, преподобный мог составить свое жизнеописание. В этом и заключается различие между трудом старца Паисия и произведениями его современников.

Преподобный Паисий уже ощущал бремя прожитых лет к тому времени, когда приступил к работе над автобиографией. Это видно из его же слов: «видя азъ себе уже къ концу жизни моя приближающаяся». Об этом же

свидетельствуют и сентиментальные нотки в повествовании. Уже в преклонном возрасте он с печалью вспоминает детские и юношеские годы, передавая далекие события и происшествия с поразительной ясностью и в мельчайших деталях. Тщательность при описании молодых лет, по-видимому, объясняет, почему автобиография не была им закончена. Если бы Паисий менее подробно останавливался на событиях начала своей жизни, повествование могло бы охватить и поздние годы, известные его активной духовной деятельностью. Но и в настоящем виде автобиография старца крайне ценна как исторический документ по истории русского монашества первых десятилетий XVIII века. Сведения, которые можно найти в житиях русских святых и в монастырских типиконах об атмосфере русских монастырей и жизненных условиях монахов, весьма достоверно представлены в тексте преподобного Паисия Величковского.

Житие, составленное монахом Митрофаном

В то время как автобиография преподобного Паисия дошла до наших дней только в одном экземпляре, житие его, составленное монахом Митрофаном, очевидно, было весьма хорошо известно, несмотря на то, что ни разу не было напечатано в оригинале. Его популярность подтверждается наличием по крайней мере четырех сохранившихся копий¹, две из которых хранятся в

¹ Во всяком случае, столько рукописей я сумел отыскать и изучить. Известно, что существует еще 2 варианта составленной Митрофаном биографии преподобного. Одна, без номера, принадлежала когда-то Секульскому монастырю, вторая же, под номером 279, — Санкт-Петербургской духовной академии. См.: Четвериков С. Молдавский старец Паисий Величковский. Его жизнь, учение, и влияние на православное монашество. Париж. С. 287–288. Ср. английское издание: Chetverikov S. Starets Paisii Velichkovskii. His Life, Teachings, and Influence on Orthodox Monasticism / Transl. by V. Lickwar, A. I. Lisenko. Belmont, Mass., 1980. P. 323–324.

облиотеке Нямецкого монастыря и еще две — в монастырских библиотеках на горе Афон: в скиту Святого пророка Или и монастыре Хиландар. О скитской рукописи мало что известно, ее описание не встречается ни в одном печатном источнике. Ей присвоен номер 234/IX/21–105, она датируется началом XIX века, а ее размеры — 225 x 175 мм. Рукопись отличается характерными чертами, типичными для стиля переписчиков Нямецкого монастыря, и поэтому ее содержание стоит рассмотреть более подробно. Она неоднородна и состоит из трех чистых листов, добавленных переплетчиком, 24-х листов, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и 150-ти листов, пронумерованных арабскими цифрами. Иными словами, манускрипт состоит всего из 175-ти листов, на которые я буду ссылаться, используя арабские цифры и не принимая во внимание церковнославянскую нумерацию. Листы 29 и 30 отсутствуют. Вплоть до листа 140 бумага белого цвета, все остальные листы голубовато-серые. На первом чистом листе есть следующая пометка: Книга, посланіе ко іереев Дмитрію: Архіим[андрита] Паусія Величковскаго, и житіе его. Книга Ильинскаго скита 1767 года. На третьем чистом листе помечено: *Сїа книжка дана шть Свѣтовознесенскаго монастыря Намца во свѣтъи Ялонскѣи горѣ, въ скитѣ свѣтаго Пророка Іліи.* Таким образом, нам становится известно, что рукопись была подарена Нямецким монастырем скиту Святого пророка Или. Особое внимание привлекает дата: 1767 год. Учитывая, что рукопись с житием преподобного Паисия, написанная рукой Митрофана, появилась не ранее 1814 года, время, указанное неизвестным монахом, неверно. Возможно, дата была приписана библиотекарем скита, который совершил ошибку в подсчетах. Нельзя забывать, что в 1767 году преподобный еще не прибыл в Нямецкий монастырь, а обосновался в нем только в августе 1779.

Содержание рукописи следующее:

Лист 1а: Авраамскихъ дѣлъ подражателю, заповѣдей Божіихъ усерднѣе, а дѣла телею, своимъ вседражайшемъ добромъ, господинъ отцѣ Димитрію иереев, ш Господѣ радоватисл.

Начало: Ш имени Господа нашего Исуса Христа...

Конец: ...спасеніа желаниій добръ. Конецъ н Богъ слава.

Этот текст был опубликован в книге «Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского» (Оптина, 1847. С. 238–259).

Лист 25: Глава .д. ш сватомъ Григоріи Синаитѣ.

Ш сватомъ же Григоріи Синаитѣ еже пишешн ко мнѣ глагола: пакш совоклупнхсл со отцы иже читантъ сватагш Григоріа Синаита, но н они по бычачю сватыа горы послѣдуютъ, пакш сватый Григорій учитъ, пѣти спасенію пакже егш просвети Богъ, но не побъчетъ да не читантъ правнаа церковнагш, н пръчла.

Начало: Штвѣчачю к' тебѣ такш, слѣпецъ ннкогда же...

Конец: ...єинко возможно тебѣ об'лвхъ.

Лист 28: Побъченіе на постриженіе монашескагш чина: какш должны сѣтъ воевати всегда противъ тріеухъ врагш.

Начало: Шкоже вшнни мира сегш сходати ко бранн...

Конец: ...ни что дастъ измѣнѣ дѣшѣ свом.

Лист 34: Часть втораа. Ш началѣ иноческомъ и что знаменуетъ ннокъ.

Начало: Инокъ єсть исполнитель всѣхъ заповѣдей Христовыхъ.

Конец: ...со Отцемъ н Духомъ Сватымъ нынѣ н присиш н во вѣки вѣкш. Аминь.

Лист 41: Мєсаца ноемвриа в .єі. день. Житіе н подвиги блаженнагш отца нашегш старца Паисіа, вѣжаніе штъ мира, странствіа егш, собраніе къ немъ братіи, н сожитіе съ нимн.

Начало: Єже учешу благыа мъжы похваалати, н вѣнцы имъ пласти...

Конец: ...нынѣ н присиш н во вѣки вѣкш, аминь.

Лист 171 об.: Прєставнсл блаженный отецъ нашъ, ѡшчд года, ноемвриа .єі.

Лист 172: Надгробное рыданіе старцѣ Паисію штъ всѣхъ чадѣ егѡ дѣховныхъ.

Начало: Образъ лица твоегѡ Паисіе чѣдній...

Конец: ...да внидемы въ радость вѣчнѣ предстатель намѣ бѣди. Яминь.

Этот метрический текст, включающий 11 стихов, является сочинением Иоанна Дьяковского и был впервые напечатан в Нямецком монастыре вместе с житием преподобного Паисия в 1836 году (листы 46 об. — 48). Он же был опубликован позже славистом А. И. Яцимирским в «Чтениях в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1899(II), с. 12–13).

Вторая рукопись, содержащая житие преподобного, составленное монахом Митрофаном, находится в монастыре Хиландар на Афоне и помечена номером 290¹. Ее появление датируется концом XVIII века. Житие занимает все 114 листов рукописи. Она озаглавлена так же, как и манускрипт из скита Святого пророка Илии. На последнем, 114-м листе рукописи найдена пометка: *Тѣло блаженнаго старца Паисіа погребено въ Молдавіи, въ монастырѣ въ Нямцѣ, въ великой соборной церквѣ Вознесенія Господня на мѣстѣи странѣ гробъ его покрытъ мраморнымъ камнемъ.*

Далее на трех отдельно пронумерованных листах сохранились стихи Ефрема Дьяковского с последующей пометкой: *Сочинены иеромонахомъ Ефремомъ Діаковскимъ, въ сѣнѣхъ преименованномъ Іоаннѣ, мѣжъ сей бѣше высокаго ученія, и Богословія не краемъ перта кондѣвильс, былъ и проповѣдникомъ свѣтлы Гофін в Кіевѣ. Который по четьрехъ мѣсѣцѣхъ послѣ старца Паисіа и преставилъ в' томже монастырѣ Нямцѣ в' Молдавіи. 1794 года.*

Эти две пометки ясно указывают на то, что текст был написан в Нямецком монастыре (впрочем, об этом свидетельствуют и особенности почерка), но предназна-

¹ Богдановић Д. Каталог ћирилских рукописа Манастира Хиландара. Београд, 1978. С.127.

чался для отправки в другое место. По ним же мы делаем вывод, что преподобный Паисий и Дьяковский жили и трудились вместе. Не возникает сомнений, что оба текста, из скита Святого пророка Илии и монастыря Хиландар, были списаны с жития, хранящегося в Нямецком монастыре.

Оригинальный текст жития преподобного Паисия, составленного Митрофаном, сохранился в двух рукописях, находящихся в Нямецком монастыре. Их краткое описание было составлено А.И. Яцимирским в труде «Славянские и русские рукописи румынских библиотек»¹. В старом монастырском рукописном справочнике эти манускрипты помечены номерами 153 и 156, в наши дни их номера — 207 и 212². Прежде чем перейти к рас-

¹ Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 561, 562.

² При нумерации рукописей Нямецкого монастыря каталог слависта Яцимирского и более ранние учетные записи не принимались во внимание. Следовательно, можно полагаться лишь на немногие ссылки к другим манускриптам, описание которых встречаем у Яцимирского. Большинство древнейших монастырских рукописей были переданы Румынской Академии наук в Бухарест и могут быть упомянуты в каталоге П. Панайтеску: Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca Academiei RPR. T. I. București, 1959. Большая часть оставшихся в монастыре рукописей принадлежит школе Величковского. Может показаться, что в период между посещением монастыря Яцимирским и выходом в свет последнего каталога в 1961–1962 гг. была произведена еще одна ревизия, следы которой иногда встречаются в отдельных рукописях. Однако автор новой системы нумерации рукописей и тут не обратил внимания на этот промежуточный каталог. Сегодня в библиотеке 297 рукописей, то есть больше, чем у Яцимирского. Новый монастырский рукописный каталог — *Inventarul manuscriselor din Biblioteca Mănăstirii Neamț, 1961–1962* — включает 297 славянских рукописей (С. 1–28), 38 греческих (С. 29–31) и 246 румынских (С. 32–52). Несмотря на приложенные усилия, мне не удалось обнаружить рукопись № 161(13) из Ново-Нямецкого монастыря в Молдавии, где содержатся труды Величковского (А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи... С. 570–572).

смотрению содержания текста монаха Митрофана, следует описать эти рукописи¹.

Текст MS 153(207) включает 163 листа, пронумерованных вместо цифр буквами церковнославянского алфавита, и еще три листа без нумерации. На пронумерованных листах содержится житие преподобного Паисия точно под тем же названием, что и в рукописи скита Святого пророка Илии. Нумерация листов нарушена. За 10-м листом сразу следует 33-й, при этом повествование не прерывается. Кроме того, после листа 25 следуют 24 и снова 25, после листа 26 нумерация обрывается и продолжается листом 39. Несмотря на путаницу в нумерации, текст остается цельным по содержанию. Отгадку находим в пометке на полях листа 39: *Здѣ вынулъ 28 листовъ тотъ который и житіе сие сочинилъ, и прочитавъ и поправивъ переписъ сѣмъ схимонахъ Митрофанъ*. Это значит, что монах Митрофан, который не только написал житие, но и перечитывал и исправлял его, вынул из рукописи 28 листов. Первоначально Митрофан пронумеровал лист цифрой 22, но впоследствии переправил ее на 28. В тексте встречается великое множество исправлений, особенно на листах 1–39. Далее исправления тоже присутствуют, но гораздо реже. Непронумерованные листы в конце содержат стихи Дьяковского с последующими пометками, написанными двумя почерками: *Сѣмъ стѣхнъ сочинилъ ерохимо-нахъ Іωαννης Δίαковскій. Родимецъ Мало Россійскій Градо Лѣбенскій*. Манускрипты написаны рукописным полууставом, характерным для школы Паисия Величковского.

Вторая рукопись — № 156 (212) — состоит из 85-ти листов, также пронумерованных вместо цифр буквами

¹ Относительно сказанного здесь см. также: Ταχιάος Α.-Ε. Σύμμεικτα περὶ τῆς σχολῆς τοῦ Παϊσίου Βελιτσκόφου. Ἀριστοτέλειον Πανεπιστήμιον Θεσσαλονίκης. Ἐπιστημονικὴ Ἐπετηρὶς Θεολογικῆς Σχολῆς. 10. 1965. Σ. 673-83.

церковнославянского алфавита, и содержит исключительно житие старца. Почерк более разборчив и понятен, чем в предыдущей.

Что касается дат создания обоих текстов, А.И. Яцимирский придерживается того мнения, что рукопись 153(207) была написана приблизительно в конце XVIII или начале XIX века, а 156(212) — в начале XIX века. Похоже, Яцимирский не заострял на этом свое внимание. Известно, что Митрофан приступил к работе над житием преподобного Паисия двадцать лет спустя после его кончины. Учитывая этот факт и то, что Паисий умер в 1794 году, приходим к выводу, что Митрофан не мог написать биографию ранее 1814 года. Таким образом, эта дата становится границей (*terminus a quo*), ранее которой написание биографии и, соответственно, появление рукописей 153 и 156, не представляются возможными. Поскольку автор рукописи 156(212) учел все исправления и изменения в 153(207), внесенные Митрофаном или иными переписчиками, мы делаем вывод, что последний труд появился раньше.

Сравнительный анализ текстов жития преподобного Паисия в рукописях 153(207) и 156(212) показывает, что первый представляет текст примерно в таком виде, как он был написан Митрофаном. Конечно, это не означает, что он принадлежит руке самого Митрофана, так как какой был бы ему тогда смысл прибавлять стихи Дьяковского к своему собственному творению. Скорее всего, это жизнеописание было первой копией с необработанного текста уже состарившегося биографа преподобного Паисия. Более того, эта рукопись, по-видимому, была передана Митрофану для внесения нужных, на его взгляд, исправлений. Тогда-то он и вынул листы, которые отсутствуют до сегодняшнего дня, и переписал текст, внося в повествование уточнения. Совершенно

точно и то, что и другой переписчик или ученый монах Нямецкого монастыря мог также внести в текст свои исправления.

В рукописи 156(212) переписчик не только учел поправки в манускрипте 153(207), но и дополнительно внес свои собственные изменения, что указывает на вторичное редактирование, выполненное уже после смерти Митрофана. В случае с рукописью 156(212) мы встречаемся с типичным примером искажения оригинала, когда первоначальный вариант жития преподобного, составленный Митрофаном, был переделан в сухой, строгий текст печатной версии. С другой стороны, рукопись 153(207) сохранила в большей степени близость к оригиналу, а пометка на полях внизу листа 39 только это подтверждает. Следовательно, для дальнейшего изучения жития преподобного Паисия должна использоваться только рукопись 153(207).

Митрофан объясняет причину, побудившую его приступить к работе над житием старца, следующими словами: «Хощу уже братіямъ моимъ послѣжде въ соборъ нашъ пришедшымъ, и лица его не видѣвшымъ, и прочіимъ всѣмъ на пользу прочитающимъ, повѣсть сотворити», и далее перечисляет источники, послужившие основой для его написания:

1. Свои собственные воспоминания о том, что он видел и слышал о Паисии;
2. Письма преподобного;
3. Автобиографию старца, из которой он позаимствовал «мало»;
4. Рассказы старых монахов о своем учителе.

Митрофан сетует на свою неспособность и ограниченность, из-за которых он недостоин писать житие столь великого и святого человека, как старец Паисий, но добавляет, что, как ученик старца, считает своей обязанностью прославлять учителя по мере своих сил.

Когда на Митрофана было возложено послушание написать биографию преподобного, он захотел украсить свое творение изящным прологом, а не с первых же строк приняться за изложение фактов из жизни Паисия, как делали те, которые впоследствии исказили этот труд, что видно, например, в издании Оптиной пустыни. Однако Митрофан не обладал ни талантом писателя, ни красноречием, и ему, по-видимому, было очень тяжело придумать пролог наподобие тех, которые мы находим в византийских житиях святых. Митрофан решил эту задачу простым способом, списав вступление из жития Григория Синаита. Этот выбор не случаен, так как автором жития Григория Синаита, великого проповедника молитвы Иисусовой, был его любимый ученик Каллист, впоследствии Патриарх Константинопольский. Здесь, таким образом, ситуация совершенно аналогичная, так как и Паисий постоянно пребывал в «непрестанной молитве». Более того, в кругу учеников Паисия Величковского житие Григория Синаита было весьма популярно. Митрофан перевел вступление слово в слово, о чем свидетельствует нижеприведенный отрывок:

Τὸ μὲν τοὺς ἀγαθοὺς ἀνδρας ἐγκωμίων καὶ ἐπαίνων βούλεσθαι ἀξιῶν καὶ στεφάνους ὑπὲρ αὐτῶν πλέκειν καὶ τὰ προτερήματα τούτων ἐξυμνεῖν καὶ ἐξαιρεῖν, ὡς τὰ τῆς δυνάμεως ὑπαγορεύειν, πείθει, λυσιτελέες ἐστίν καὶ ὠφέλιμον, ἀλλ' ἐπὶ μὲν τῶν κοσμικῶν τούτων καὶ προσκαιρῶν τὸ φαινόμενον ἐπὶ τῆς ὕλης ἐχόντων δίκην καπνοῦ καὶ τοὺς ἐπαίνους διαλυομένους ὁρῶμεν, κατὰπερ ἡ τοῦ πυρὸς φλῶξ συναπέρχεται τῆς ὕλης δαπανηθείσης, οὕτω καὶ οἱ ἐν τοῖς τοιοῦτοις ἔπαινοι καὶ τιμαὶ τῶν κάτω καὶ τάχιστα διαρρεόντων τοῖς ματαίως χρωμένοις συναπέρχονται, κατὰ τὴν γραφὴν, καὶ τὸ μνημόσυνον μετ' ἤχου ἀπόλλυται...¹

¹ Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита (= Записки Историко-филологического факультета Императорского Санкт-Петербургского университета. 35). 1894. С. 1.

Еже оубо благыя мѡжы похвалати, и вѣнцы имѡ плести, и изъщества ихъ воспѣвати и возвышати, оубѣшно есть и полезно, и глаголати по силѣ оубѣщаетъ, мѡрскихъ же ихъ и прѣвременныхъ, и видимое въ веществѣ имѡщихъ, аки дымъ и похвалы ихъ разорѣмы видимъ, тако же пламень огненный соотходитъ веществѡ иждившѡся, тако и похвалы таковыхъ, и чести должныхъ и скорѣйше разливаниющихся, съетнаа оупотребляющихъ, соотходатъ по Писанію, и память ихъ съ шѡмомъ погибаетъ...

С лингвистической точки зрения, интересно то, что Митрофан взял пролог не из известной книги на церковнославянском языке¹, но воспользовался недавним переводом своего же наставника Паисия². Похоже, Митрофан считал, что имеет с Каллистом очень много общего в отношении любви к своему духовному отцу, и потому буквально цитирует его сентиментальные выражения, даже когда последний пишет: «Я же, учившись, то есть быв его учеником, и жив с ним краткое некое время и с радостью сделавшись духовно как бы рабом его...»³ Однако поскольку Митрофан в течение многих лет был учеником преподобного, то заменил «краткое некое время» на «и не малое время пребывъ с онѣмъ». Только затем биограф приступает к жизнеописанию, приводя факты в нужной хронологической последовательности.

Митрофан вступил в румыно-славянскую братию Паисия Величковского в 1767 году, когда монастырская

¹ Сырку П. Житие Григория Синаита, составленное константинопольским Патриархом Каллистом. Текст славянского перевода жития XVI века и историко-археологическое введение. СПб, 1909. (= Памятники древней письменности и искусства. CLXXII).

² Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 560. № 66 (371). Ср.: Тахиѡс А.-Е. 'Ο Παΐσιος Βελιτσκόφου... Σ. 81-82.

³ Помяловский И. Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита... С. 2, 3.

община еще оставалась в Драгомирском монастыре в Молдавии. Он был свидетелем жизни преподобного, только когда тот уже жил в Молдавии. Митрофану, естественно, не были известны события до 1767 года, а тем более история создания румыно-славянской общины на Святой Горе Афон в 1746–1764 годах. Поэтому при описании жизни преподобного Паисия до 1767 года он основывался исключительно на автобиографии старца, вплоть до того, что вел повествование не от третьего лица, а от лица самого святого. И хотя во многих местах Митрофан значительно отходит от текста автобиографии, тем не менее значительное влияние текста Паисия в житии Митрофана остается очевидным. Соответственно, содержание листов 4–71 в рукописи № 153(207) есть не что иное, как просто повторение собственно текста автобиографии. По той же причине этот отрывок пропускается в житии, напечатанном в Нямецком монастыре. Текст самого Митрофана начинается с того момента, когда Паисий покидает Валахию и приезжает на гору Афон.

Митрофан использует введение к житию Григория Синаита и автобиографию Паисия Величковского до определенного момента. Как мы знаем, автобиография преподобного так и не была окончена и охватывает его жизнь лишь до приезда на гору Афон. В остальном Митрофан был вынужден самостоятельно работать над жизнеописанием, так как труды, на которые он ранее опирался, уже не могли ему помочь. Таким образом, текст самого Митрофана, который является в действительности наиболее интересной частью жизнеописания, начинается с момента путешествия преподобного на Святую Гору. Афонскому периоду жизни старца посвящены листы 73–88. Действительно, житие Митрофана более подробно останавливается на описании афонских собы-

тий, нежели печатное издание Оптиной пустыни. Однако последнее в двух случаях оказывается лучше: во-первых, в издании Оптиной пустыни упоминается, что келлия преподобного Паисия в Капсале на горе Афон называлась «Капари»¹, и, во-вторых, в тексте печатного жития содержится учение Паисия о том, как надлежит себя вести духовному руководителю². При всем уважении к первой заслуге Оптинского жития, заметим, что, видимо, афонские ученики Паисия передали название келлии уже своим ученикам спустя много лет. Что касается наставлений старца Паисия, мы можем только предположить, что это фрагмент одного из его до сих пор не опубликованных писем³. В противном случае, будет непонятно, почему не Митрофану, а монахам последующего времени могли быть известны факты из жизни Паисия, хотя большинство из них не знали преподобного лично и Митрофан в момент работы над жизнеописанием святого оставался самым старшим из живущих учеников старца. Более того, необходимо помнить, что последующие редакторы текста жития вносили поправки уже после смерти Митрофана, и им не у кого было спросить о жизни и трудах Паисия.

Митрофан в мельчайших подробностях останавливается на периоде с 1767 по 1794 год, вплоть до смерти

¹ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С присовокуплением предисловий на книги св. Григория Синаита, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и сподвижником, старцем Василием Поляномерульским, о умном трезвении и молитве. Издание Козельской Введенской Оптиной Пустыни. Москва, 1847. С. 23.

² Эти наставления, возможно, взяты из неопубликованного письма преподобного к игумену Феодосию, которое прилагалось к рукописи № 13 Нямецкого монастыря, листы 48–68. См.: Яцимирский А. Славянские и русские рукописи... С. 570–571.

³ Житие и писания... С. 26–28.

преподобного. Как свидетель событий этого времени, Митрофан не испытывает трудностей с их пересказом и с радостью выполняет свою задачу. Описывая разные события из жизни Паисия и, в особенности, его духовные подвиги, Митрофан, не сомневаясь, вставляет в повествование факты, свидетелем которых был сам. Жизнь монахов в монастырях Драгомирны, Секула и Нямца представляет наибольший интерес, поскольку в опубликованном житии отсутствуют детали, которые необходимы для полного понимания картины расцвета аскетическо-литературного движения в Молдавии XVIII века.

Митрофан не обделен полностью талантом писателя, но его способности ограничены. То, что он взял пролог из жития Григория Синаита, видимо, свидетельствует об осознании своей немощи и неумения написать собственное введение к житию столь почитаемого им учителя. Стиль Митрофана прост и эмоционален, но не ровен в своей выразительности. Язык его повествования не отличается ни стройностью, ни изяществом, и автор обнаруживает отсутствие опыта в употреблении славянского языка. Порядок слов в предложениях свободный и местами хаотичный. Однако эти недостатки компенсируются непринужденностью, искренностью и естественностью. Текст дышит безграничной любовью автора к своему духовному наставнику. Монах Митрофан остается послушным учителю даже после смерти последнего, поскольку признает свой труд таким же послушанием, какое ревностно исполнял при жизни Паисия. Он, не задумываясь, сравнивает мудрость старца с мудростью древних афинских философов (л. 152 об.) и проводит параллели между событиями из жизни Паисия и древнерусского святого Антония Печерского (лл. 149, 151 и далее). Подобные параллели — обычное дело для синаксаря, но в случае с житием смелость Митро-

фана можно объяснить глубочайшим почтением и любовью к духовному наставнику.

Житие по стилю напоминает синаксарий, хотя и часто переходит в историческое повествование. Престарелый автор окончил монастырскую школу и поскольку в течение многих лет занимался чтением, переписыванием книг и переводом духовно-аскетических мистических рукописных произведений, то в совершенстве усвоил стиль средневековых византийских и церковнославянских текстов. Несмотря на то, что он не может до конца избежать авторской составляющей в повествовании, главным образом, своих воспоминаний о событиях, свидетелем которых стал при жизни Паисия, ему, тем не менее, прекрасно удается объективно передать духовное величие старца. Очевидно, что и по форме, и по содержанию текст Митрофана принадлежит к агиографическим трудам, которые редко встречаются среди памятников духовной литературы начала XIX столетия. Поздние редакторы исказили текст Митрофана и лишили его привлекательной авторской нотки, лиризма и живости. Другими словами, они основательно исказили один из поздних славянских агиографических текстов.

Как нам уже известно, первое печатное издание жития Паисия Величковского, типографии Нямецкого монастыря, 1836 года, было не более чем переработкой труда Митрофана, выполненной монахом Платоном. Естественно, титульный лист книги не говорит об этом, а указывает, что труд Платона — компиляция из текстов «многих авторов». Это ни в коем случае не отражает правды, а является лишь данью традиции. Предисловие к житию Григория Синаита и автобиография Паисия Величковского уже были включены в текст Митрофана. Платон, главным образом, сокращал и упрощал отдель-

ные части. Он использовал цитаты из письменных источников церковных писателей для духовного наставления читателей. Большая заслуга Платона заключалась в том, что в своем труде он упомянул лица, имена которых отсутствуют на страницах жития, написанного Митрофаном: архиепископа Амвросия, архимандрита Дорофея, архимандрита Досифея, митрополита Гавриила, митрополита Иакова, монаха Илариона, архимандрита Иоанна и других. Платон, однако, не прибегал к письменным источникам, чтобы рассказать о них, а лично знал этих людей или слышал о них от приближенных к ним лиц. Что касается остального, то он с крайней тщательностью сводил живой авторский тон Митрофана на нет и сделал текст гораздо сдержанней. Таким же строгим характером отличается и житие в издании Оптиной пустыни 1847 года. В этом случае труд Митрофана претерпел значительные изменения, хотя и нужно отметить, что редактор сделал робкую попытку воспользоваться устной повествовательной традицией. Как бы то ни было, все новые элементы в текстах 1836 и 1847 годов играют второстепенную роль, так как, несмотря на историческую достоверность, по сравнению с живым и динамичным текстом Митрофана, не могут в точности передать атмосферу, в которой жили монахи Драгомирнского, Секульского и Нямецкого монастырей. Таким образом, во всех отношениях житие Паисия Величковского, составленное монахом Митрофаном, является важнейшим источником для изучения жизни великого духовного пастыря XVIII столетия.

Приведенная ниже публикация жития преподобного основана на рукописи № 153(207) Нямецкого монастыря. Принимая во внимание, что рукопись содержит наиболее достоверное изложение событий, я считаю бессмысленным и излишним рассматривать и анализиро-

вать разночтения из других рукописей. Все они, строго говоря, не являются разночтениями, но суть *lapsi calami*, которые не указывают на новую семью рукописей. Сам факт существования и форма текстов, которые появились в начале XIX столетия, не требует составления *stemma* или *apparatus criticus*.

Язык текстов

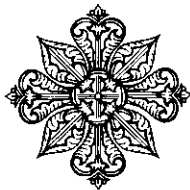
С самого начала школа Паисия Величковского состояла из монахов, пришедших, главным образом, из западных и южных областей России и говоривших на своих родных языках. Находясь в русской монастырской среде, работая с церковными книгами, напечатанными в русских церковных типографиях, они переняли характерный ученый язык духовной литературы. Привыкнув к нему, они использовали его не только в переводах греческих религиозно-мистических текстов, но и в своих собственных творениях. Автобиография Паисия Величковского и его житие, составленное монахом Митрофаном, написаны по всем правилам грамматики и правописания этого самого славянского языка, языка печатных церковных книг, который развился приблизительно в середине XVII века¹. Однако в обоих текстах

¹ Время от времени для учащихся церковных школ и семинарий печаталась грамматика этого языка. Лучшими книгами можно считать: В. Классовский. Краткая грамматика славяно-церковного языка периода печатных (в России) книг. М., 1857 (выдержала 5 переизданий с 1867 по 1887 г. под заголовком «Грамматика славяно-церковного языка нового периода»), а также новую превосходную работу иеромонаха Алипия (Гамановича): Алипий (Гаманович), иеромонах. Грамматика церковнославянского языка. Джорданвилль, Нью-Йорк, 1964. Ср. обзор R. Mathiesen в: *Ricerche slavistiche*. XVI. 1968–1969. P. 290–291.

встречаются нарушения орфографических и стилистических норм, которые выдают влияние либо древнего церковнославянского языка, либо современных языков. Влияние древних церковнославянских текстов заключается в фонологических архаизмах и непривычном словоупотреблении, которые считаются ошибкой в языке, на котором написаны житие и автобиография преподобного Паисия. Например: *сзнимашъ*, *взпадаетъ*, *взводщій*. В следующих примерах заметно влияние родного языка или диалекта авторов: *проходаше* — *праходаше*, *польза* — *полза*, *вольше* — *волше*, *прощеніе* — *прошеніе*, *вывезеніе* — *вивезеніе*, *книгъ* — *книхъ*, *несчастны* — *нещасны*, *подробнш* — *подробнѣ*. Общей чертой обоих текстов является постоянное отсутствие буквы *ь* в сочетаниях: *-льс-*, *-льш-*, *-льз-*, *-зъм-*, *-льн-* и т. д., где это требуется по правилам языка. Неуверенность авторов в правописании некоторых слов видна, к примеру, в вариативности написания слова «монастырь»: *монастирь*, *монастырь*, *монастиръ*, *монастыръ*.

Эти и еще ряд других примеров показывают, что основной язык школы Паисия Величковского, церковнославянский язык XVII века, употреблялся только на письме, но не в устной речи. Монахи в повседневном общении говорили на своих родных языках с примесью элементов письменного церковного языка. Эта лингвистическая пестрота находит отражение в ошибках и нарушениях грамматических норм в автобиографии и житии Паисия. При расшифровке текстов моим первым желанием было исправить эти ошибки. Однако я оставил все, как есть, поскольку отклонения от нормы могут послужить полезным материалом для лингвистического исследования. Очень маловероятно, что сам Паисий Величковский и даже Митрофан могли допустить эти ошибки. Мы знаем, что преподобный в совершенстве владел церковным языком, поскольку переводил на

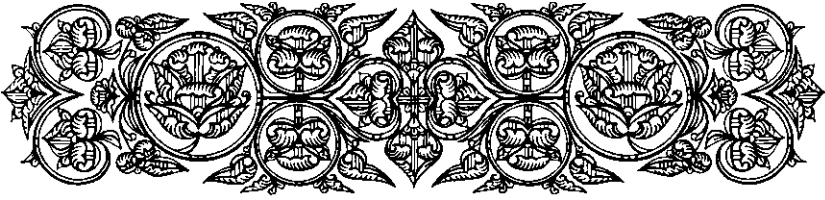
него мистические и аскетические тексты. Митрофан же превосходно знал правописание этого языка. Таким образом, они оба остаются вне подозрений, а ответственность за допущенные ошибки должна быть возложена на переписчиков.

**Автобиография
преподобного
Паисия Величковского**

**Повѣсть о святѣмъ соборѣ,
превозлюбленныхъ о Господѣ отецъ и братій
и чадъ моихъ духовныхъ,
собранныхъ во имя Христово
ко мнѣ недостойному, спасенія ради душевнаго,
промысломъ Божиимъ пребывающемъ
во святыхъ и честныхъ сихъ обителяхъ:
во святѣй и величѣй обители Вознесенія Господа
и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа,
нарицаемѣй Нямецъ, и во святѣй обители
Честнаго Славнаго Пророка, Предтечи
и Крестителя Господня Іоанна,
именуемѣй Секуль: како и коея ради вины,
святый сей соборъ собрася
ко мнѣ грѣшному и недостойному**

Видя азъ себе уже къ концу жизни моя приближающаяся и разсуждая, яко всякая вещь нисанію не предаемая, всесовершенному предаема бываетъ забвенію, умыслихъ поне отчасти о святѣмъ семъ соборе святыхъ отецъ и братій и превозлюбленныхъ моихъ духовныхъ чадъ спасенія ради душъ своихъ во имя Христово ко мнѣ собранныхъ писаніемъ изъявити. Да не точію чадомъ моимъ

по смерти моей, но и чадомъ чадъ моихъ, аще будетъ благоволеніе Божіе содержатися святому сему собору, останется поне малое нѣкое вѣдѣніе о начале его, и яковымъ образомъ собрася. А понеже ово яко бояся нѣкихъ святому сему собору потаенныхъ наветникъ, паче же изъ въ неправославной странѣ рожденныхъ, да не како по прешествіи моемъ отъ жизни сея и по преставленіи братій святыхъ известно ведущихъ мя гдѣ родихся, приведуть братій святыхъ во усумнѣніе о мнѣ, въ коей странѣ родихся. Ово же помышляя, коль желателно есть чадомъ моимъ духовнымъ истинную по Богу ко мнѣ любовь стяжавшимъ, поне отчасти услышати о моемъ рожденіи и воспитаніи и изъ міра изшествіи, и въ монашестемъ образе пребываніи, даже до времени своего ихъ ко мнѣ прішествія и въ святое послушаніе пріятія. Того ради умыслихъ и о мнѣ самомъ чадомъ моимъ духовнымъ, и о прежде бывшемъ моемъ прежде пріятія братій пребываніи, отчасти объявити: не яко хотя житіе свое писанію предати, да не попуститъ мнѣ Христось Богъ Спаситель мой въ таковое беснованіе впасти. Кто бо есмь азъ, не сотворивый во вся дни живота моего ниедина блага? Но предреченныхъ ради винъ, пачеже и утвержденія ради братій како должно есть, наипачеже въ сія бѣдная плачу и рыданію достойная времена последовати правому и истинному Святыя и Апостолскія Восточныя Церкве по силѣ Божественнаго Писанія и ученія Богоносныхъ отецъ нашихъ, разуму и мудрованію. Богу убо споспешествующу начало повести сея полагаю таковое.

Азъ, монашества и священничества недостойный Іеросхімонахъ Паісій, рожденъ и воспитанъ есмь въ православномъ Малороссійстемъ градѣ Полтаве отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей¹. Отецъ мой бѣ

¹ В рукописи приписано на полях: Родихся азъ на концѣ 1722-го лѣта, Декамвріа 21. И от купѣли Божественнаго крещенія дано мнѣ имя Петръ, на память иже во святыхъ отца нашего Петра Митрополита Кіевскаго и всея Россіи.

Іоаннь Величковскій Протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночестве преименована бысть Іуліанія монахиня. Прапрадедъ мой бѣ по отцу Сѹмеонъ знатный и богатый козакъ. Прадѣдъ же Лука Величковскій Протопопъ Полтавскій. По матери же прадѣдъ мой бѣ славный и богатый купецъ еврейска рода прозываемый Мандя, иже и крестися въ Полтаве въ приходе Преображенія Господня со всѣмъ домою своимъ. Дѣдъ же Григорій Манденко. По рожденіи же моемъ отецъ мой, якоже мню въ четвертое лѣто от временныя сея къ вѣчнѣй преселися жизни. Азь же остахся съ матерію моею и со старшимъ роднымъ братомъ моимъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послѣде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія Церкви Успенія Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и Приснодевы Маріи, въ нейже Церкви и отецъ мой, и дѣдъ, и прадѣдъ священствоваша. Также мати моя вдаде мене съ меншимъ роднымъ братомъ моимъ Теодоромъ въ наученіе книжное, иже въ седмое лѣто преставися ко Господу. Азь же, Господу споспешествующе, чрезъ два лѣта и мало болѣ Букваря и Часословца¹ и Псалтыря изъучихся точію и абіе начахъ Божією помощію преудобне по книгахъ читати отъ вышереченнаго же старшаго брата моего и писати въ дому нашемъ чрезъ нѣкое время изъучихся. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣтахъ время, прилежно чтахъ книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дорошеемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргаритъ, и прочія, елики обретахуся во святѣй предреченней Церкви, и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій преподобныхъ отецъ нашихъ, во святѣмъ и Ангелстемъ монашестемъ образе Богу благоугодившихъ, начатъ и въ души моей раждатися ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже, дондеже

¹ В рукописи пропуск слога: Часловца.

пребывахъ въ мѣрѣ, никогдаже оскуде отъ души моя. Таже, егда уже течаше тринадцатое отъ рожденія моего лѣто, преставися и старшій мой братъ Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ, и возпоследова матери моей нужда, взявши и роднаго своего брата, моего же дядю Василя Манденка, и мене съ собою, поехать къ преосвященнейшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Кврѣ Рафаилу Заборовскому съ писаніемъ просителнымъ крестнаго моего отца Василя Василіевича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины, и всѣхъ почтеннейшихъ гражданъ Полтавскихъ, о подтвержденіи¹ отеческаго моего предреченныя соборныя Полтавскія Церкви наследія грамотою Его преосвященства, предъ егоже святымъ лицомъ, егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно изглаголахъ, яже прежде предъ материю моею и дядемъ моимъ аще и много отъ нихъ нудимъ бѣхъ, изглаголати не возмогохъ; толико возрадывая Его преосвященство, яко благословивъ мя, таковая велегласно произнесе словеса: «Бысть тебѣ наследникомъ». И, давъ грамоту матери моей, подтвердителную о моемъ предреченныя Церкви наследіи, отпусти съ благословеніемъ, повелевъ матери моей вдати мене въ школы Кіевскія обученія ради внешнему ученію. Яже возвратившись въ домъ свой въ Полтаву, по некоемъ времени немедленно посла мене въ Кіевъ ученія ради, въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучахся граматическому ученію, всякаго лѣта по обычаю школному Іуніа или Іуліа месяца² отъѣздя въ домъ къ матери моей и пребывая тамо яко два мѣсяца и совершенную имѣя свободу, ни въ чемже тако упражняхся, якоже въ чтеніи книгъ

¹ В рукописи без т: подтвержденіи.

² Слова «Іуніа или» зачеркнуты. Ниже старец Паисій уточняет, что «распушеніе школное» бывало Іуліа 15 дня.

святыхъ, отъ нихже паче и паче утверждахся въ непре-
менномъ намереніи моемъ о монашествѣ. Еще же и со-
вершенно уразумехъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ, тоестъ
безъ прилежнаго храненія заповѣдей Христовыхъ еди-
ною православною вѣрою отнюдь спастися невозможно,
и положилъ бѣхъ таково завѣщаніе въ души моей
предъ Богомъ укрепляющей мя благодати Его, еже
ближняго моего не осудити, аще быхъ и очима моима
увидѣлъ его согрешающа, известно вѣдая, яко единъ
есть праведный и истинный живымъ и мертвымъ Судія
Христосъ истинный Богъ нашъ, Иже воздастъ комуждо
по дѣломъ его¹. Осуждая же ближняго своего, достоин-
ство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судією
живымъ и мертвымъ, чесого что есть страшнше? Ещеже
и не имѣти ненависти на ближняго, еже по свидѣтельству
Святыхъ Писаній болшіи грѣхъ есть паче всѣхъ грѣ-
ховъ². Еще же отъ всего сердца и души отпущати ближ-
нему согрешенія въ надежду прощенія грѣховъ своихъ³
отъ Бога: не прощаяй бо ближнему своему согрѣшеній
его, отнюдь не будетъ имѣти отпущенія грѣховъ своихъ
отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе мое о храненіи
заповѣдей сихъ данное предъ Богомъ, аще нераденія ра-
ди моего и не сподобихся самимъ дѣломъ сохранить, но
убо споспѣшествующей мнѣ помощи Божіей разумомъ
правымъ по ученію Святаго Писанія симъ заповѣдемъ
Божіимъ, яко паче всего преудобнейшему и безтрудно-
му пути ко спасенію по силѣ моей последовахъ и после-
дую: иного бо пути ко спасенію преудобнейшаго нѣсть.
Въ чтеніи убо книгъ святыхъ, якоже предрекохъ, во вре-
мя въ дому моемъ пребыванія, упражнялся наставляхся
на храненіе заповѣдей Божіихъ и на разумъ правый и

¹ В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 7, 1.

² В рукописи примечание (другим почерком): Мф. 5, 22; Ин. 3, 15 (описка, надо: 1Ин. 3, 15).

³ Слово «своихъ» в рукописи исправлено на «моихъ».

мудрованіе Святыя Православныя Церкви. Въ приличное же время отъѣздяхъ въ Кіевъ и пребывахъ со усердіемъ во ученіи школнѣмъ. Въ тыя убо три лѣта, аще и не малу ревность имѣхъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друзей неколикихъ таковуюже ревность и подобное намереніе о монашестве имевшихъ стяжахъ, наипачеже егда и наставника и руководителя къ сему сподобихся имѣти, въ Братскомъ Богоявленскомъ¹ святомъ монастыри, пребывавшаго благоговѣйшаго Іеросхимонаха отца Пахоміа, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустыни поживе, и имяше у себе неколико и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ своимъ многія пользы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми мнѣ от себе книгами ревность ону въ души моей воспаляше. Но обаче и ученіе школное и дотолѣ еще со усердіемъ прохождахъ. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распущенія школь, еже бываетъ Іуліа 15 дня, аще и пребывахъ во ученіи школнѣмъ, обаче уже не съ толицемъ усердіемъ, якоже прежде, желаніе бо иночества превозмогаше въ души моей и не попускаше ми болѣе во ученіи пребывать, но понуждаше мя аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти инокомъ. Къ сему же и едина вещь тогда случившаяся паче побуждаше мене. Два изъ учениковъ школныхъ въ зимное время неведомо гдѣ отай пойдоста, по доволномъ же времени уразумехъ, яко пойдоста монашества ради, и обретаются въ единомъ скитѣ Кіевопечерскія Лавры, нарицаемомъ Китаеве, о коль неисповедимыя радости исполнихся и желаніемъ вожделехъ пойти тамо и увидѣти ихъ. Обрѣтъ убо время свободное отъ ученія школнаго, пойдохъ тамо съ не малымъ на пути страхомъ и, Богомъ покрываемъ, безбедно пришедъ во святую ону обитель и благословеніе вземъ отъ тогда бывшаго начальника всечестнейшаго Іеросхимонаха от-

¹ «Богоявленскомъ» надписано над строкой другим почерком.

ца Θεодосіа, по благословенію его повидехся и со онѣми благословенными рабы Божіими, иже съ великою радостію мене пріяша, и отъ путешествія пищею укрепиша по павечернемъ же пѣнїи и по совершенїи определенныхъ себѣ послушанїй, егда наста ночь, собравшеса въ трапезу съ прочїими послушники, чтяху чтеніе отъ святаго Ефрема съ великимъ вниманіемъ и страхомъ Божїимъ доволное время, по чтенїи же поклоншеса со смиреніемъ другъ другу, разидошася, оставлше мене въ трапезе спочити до утренняго пѣнїа. По утреннемъ же пѣнїи и по совершенїи Божественнїа Літургїи, яже тамо не рано совершася, поставленной бывшей¹ трапезѣ и сѣдшу началнику съ братїею, повелѣ и мнѣ началникъ, яко странну, сѣсти на трапезѣ съ братїею, чтущуся же чтенію отъ словесъ отеческихъ, вси слушаху со страхомъ Божїимъ и съ великимъ вниманіемъ и крайнимъ молчаніемъ. Послушницы же предстояху со страхомъ Божїимъ послуженіе подобающее со благоговеніемъ совершающе. По трапезе же послушницы они, два, ихже ради тамо прїидохъ по прїятїи пици и по исполненїи всѣхъ своихъ служебъ, обретше время свободное, Богу вразумляющу ихъ, беседоваша ко мнѣ многа словеса душеполезна, побуждающе мене оставити мїръ и яже въ мїрѣ и съ ними во обители той въ послушанїи пребывать въ надежду по времени полученїа и монашескаго образа. Азь же и самъ и безъ понужденїа ихъ отъ всего сердца моего желяхъ тамо остатися, но известно вѣдая яко тамо отъ матере моя отнюдь утаитися не возмогу, не дерзнухъ сіе сотворити. Пребывъ убо тамо день той, рано третїяго дне вземъ благословеніе отъ началника, и попростився со слезами съ братїями онѣми, сожалеющими о моемъ оттуду отхожденїи, возвратихся къ моему пребыванію, не могїй въ скитѣ онѣмъ болѣе медлети, занеже невозможно бы было тамо тайному хожденію

¹ В рукописи: бышей.

моему утаитися, аще быхъ болѣе замедлель. Возвратився же пребывахъ во ученіи школнѣмъ безъ всякаго усердія, точію за единъ обычай, даже до распущенія школь. По распущеніи же школь, не отъѣздя сего четвертаго лѣта, по обычаю прежнему, въ домъ къ матери моей сего ради, яко да имамъ совершенную свободу произысковати образа яковымъ бы возможно¹ было мнѣ сподобитися монашескаго образа, пребывахъ въ Кіевѣ на Подоле² близу Церкви святителя Хрїстова Ніколаа нарицаемаго Добраго, у единія старыя вдовицы, яже аки вторая мати со всякою любовію и призрєніемъ въ дому своемъ мене содержаше. Имѣя убо совершенную, якоже рѣхъ, свободу, хождахъ по святымъ и честнымъ Кіевскимъ обителемъ, овогда убо во Святую Софію³ поклоненія ради мощей, святителя Хрїстова Макарія Митрополита Кіевскаго, овогдаже пачеже и частѣе въ монастырь Аархістратига⁴ Господня Міхаила, поклоненія ради мощей святыя великомученицы Варвары. Овогда же и во иныя честныя и святыя обители проходя, и зря благолепіе и благочиніе церковное пользовался душею. Паче же, взырая на честныхъ и святыхъ монаховъ, мняшеся мнѣ зрѣти Ангеловъ Божіихъ. И моляхся Господеви, да и мене сподобитъ благодатію Своею, святаго ихъ сего ангелскаго образа. Что же реку о святѣй и великой Кіевопечерской Лаврѣ, юже вседушне возлюбивъ яко святое и Богоизбранное мѣсто, въ немже въ последняя лѣта подобне древнымъ Богоноснымъ отцемъ Ангелскимъ во плоти житіемъ, ангели земніи и небесніи челоуцы преподобніи и Богоносніи отцы наши Антоній и Феодосій и вси преподобніи Печерскіи просіяша и въ жизни своей и по смерти прославишася отъ Бога чудесы

¹ Слова «яковымъ бы возможно» написаны другим почерком.

² Подол — один из районов г. Киева.

³ Имеется в виду киевский храм Софии, Премудрости Божией.

⁴ Так в рукописи.

и нетленіемъ святыхъ своихъ мощей. Частее убо, нежели въ прочія обители, въ ню прихождахъ въ неделныя и праздничныя дни, слушая Божественную раннюю и позднюю Літургію, овогдаже и въ вечеръ прихождахъ, и не имѣя кого тамо знаема, яко единъ странень, овогда убо на Ближней пещере близъ Церкви нѣгдѣ ночевахъ. Овогда же и въ великомъ монастыри близъ великія звоницы¹ даже до звона на правило церковное. Наченшуся же правилу, входя во ону небеси подобную церковь, и зря превосходящее ея благолѣпіе и благочиніе и множество многое благоговѣйныхъ и честныхъ монаховъ со всякимъ благочиніемъ въ ней предстоящихъ, радовахся и веселяхся душою, мняся видѣти самихъ онѣхъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и прославляхъ Бога, сподобившаго мене таковое святое мѣсто частѣ посещати. По совершеніи же всенощнаго бдѣнія или утрени, вхождахъ во святыя пещеры съ прочіими хрістіаны поклоненія и лобызанія ради святыхъ мощей и мвроточивыхъ главъ преподобныхъ отецъ нашихъ Печерскихъ, и овогда убо въ Ближней, овогда же въ Далней святой пещери въ Церквахъ внутрь святыхъ пещеръ обретающихся, слушая Божественныя Літургіи, прославляхъ Бога дивнаго во святыхъ Своих, и ублажахъ преподобныхъ отецъ сихъ, прежде созданія еще новаго и ветхаго монастырей² треблаженное ихъ въ пещерахъ святыхъ безмолвіе таковое и тишину, яковаго безмолвія и тишины верху земли пребывающимъ имѣти отнюдь невозможно есть, и таковое воспаляшеся желаніе въ души моей о вещи невозможной, яко аще бы возможно было, то никакоже быхъ восхотехъ изъ пещеръ тѣхъ святыхъ изыти,

¹ Великий монастырь — имеется в виду Верхняя Лавра. Великая звонница — большая лаврская колокольня.

² Новый и Ветхий монастыри возникли на месте Ближних и Дальних пещер (соответственно). Оба они носят название «Нижняя Лавра».

но тамо пребывая жизнь свою скончати, но обаче видя вещь невозможну, съ великою жалостію и въздыханіемъ исходяхъ¹ изъ святыхъ пещеръ онѣхъ, овогда же по поклоненіи святыхъ мощей, вшедь во святую и великую церковь, слушахъ Божественную Літургію и по отпустѣ отхождахъ на Подоль въ домъ рабы оныя Божія, идѣже пребывахъ.

Имѣя же неколико превозлюбленныхъ моихъ и единомысленныхъ друзей, едино и тожде намереніе о монашестве имевшихъ, въ субботу въ вечеръ или предъ нѣкимъ праздникомъ собирахомся летнаго времени во святой Богоявленскій Братскій монастырь, во врата монастырская, яко въ зѣло приличное и безмолвное мѣсто. Стяжавше друга себѣ и сторожа монастырскаго, мужа зѣло добродетелна и страха Божія исполненна, упражномся въ собесѣдованіихъ душеполезныхъ даже до звона на правило церковное, пачеже всего советовахомся, како бы могли намереніе наше въ дѣло произвести, и гдѣ бы таковое мѣсто могли обрести, въ немже Богу благоволящу, постригшеся во иночество, могли быхомъ приличне монашескому обѣту пожити, и по многократномъ советованіи и прилежномъ разсмотреніи, таковъ завѣтъ непрремененъ и непреложенъ въ душахъ нашихъ завещахомъ, да не будетъ отреченіе наше отъ міра и постригъ во обителехъ, всякое изобиліе имущихъ въ пици и питіи и во всякомъ телесномъ упокоеніи. Занеже въ таковыхъ обителехъ постригшеся, не быхомъ возмогли по обѣту монашескому нищете Христовой последовати и воздержное житіе проходить, но немощи ради душъ нашихъ, отступивше отъ теснаго пути вводящаго въ животъ, заблудили быхомъ въ широкій путь вводящій въ погибель. И лучше быти, разсуждахомъ, по закону Христіанскому оженившимся намъ въ мірѣ пребывати, не-

¹ Буквы «хъ» дописаны другим почерком.

жели отрекшимся міра по угодію плотскому во всякомъ упокоеніи и изобиліи житіе препровождати¹ на поруганіе монашескаго образа и на вѣчное осужденіе душъ нашихъ въ день судный. Сего ради, якоже предрекохъ, твердое въ душахъ нашихъ воспріяхомъ намереніе изыти и отъ отечества нашего, и, нѣгдѣ въ пустынномъ и безмолвнемъ мѣстѣ обретше наставника душъ нашихъ искуснаго, предати себе ему въ повиновеніе. И по времени приличнемъ, отъ него постригшеся, пребывати съ нимъ, и другъ со другомъ, до послѣдняго своего издыханія неразлучне во иночестей нищете и скудости нужныхъ потребъ и всякомъ спасенія ради душъ нашихъ, въ злостраданіи нуждную монашескую пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающе. Въ такихъ убо и подобныхъ симъ бесѣдахъ безмолвное и тихое ночное время препровождающимъ, приспеваше и правило церковное, егоже по отпусте расхождахомся въ дома наша.

Въ² таковой убо намъ духовной лубви³ и душеполезной бесѣдѣ и другъ со другомъ частѣмъ схожденіи пребывающимъ, прииде мнѣ великое желаніе паки пойти въ предреченный онъ скитъ Кітаевъ повидети превозлюбленныхъ мнѣ онѣхъ вышереченныхъ рабовъ Христовыхъ, лѣтню же тогда времени сущу, удобнѣе возмогохъ сіе мое желаніе исполнити. Пришедъ убо во святую ону обитель велія радости исполнихся, ово, яко увидехся со онѣми возлюбленными мнѣ послушники Христовыми, ово же яко сподобихся увидѣти священнолепотныя седины, блѣда желта и измождала отъ поста и воздержанія лица святыхъ отецъ тамо пребывающихъ. Съ ними же,

¹ В этом месте на полях пометка: зри.

² Перед началом абзаца на полях пометка другим почерком: отступ.

³ Так в рукописи.

входя на правило церковное, не малую въ души моей ощущахъ пользу, съ великимъ бо вниманіемъ и страхомъ Божиимъ безъ всякаго ускоренія чтяху и пояху все последованіе правила; бяху бо нѣщии изъ братій и послушниковъ естественный даръ отъ Бога сладкопенія имевшихъ, иже не точію стіхиры и прочее пѣніе со сладкопеніемъ пояху, но и самое «Господи помилуй», и «подай Господи» и «Тебѣ Гди¹» и «Аминь», съ толикимъ сладкопѣніемъ тихо и со умѣреннымъ продолженіемъ пояху, яко и жестокому и неудобъ преклонному на умиленіе сердцу, яково и мое бяше удобно бѣ ко умиленію и слезамъ преклонятися. Но и самое оно положеніе мѣста и состроеніе Церкви душу человеку можаше преклоняти ко умиленію, церковь она бѣ деревяная, крестообразне создана во имя преподобнаго и Богоноснаго отца нашего Сергія Радонежскаго Чудотворца, юже различна древесна плодита окрестъ ея насажденна вѣтвми своими осеняху, занеже не бяше высока. Вся извнутри іконнымъ тканіемъ бяше украшена даже до послѣдняго притвора, въ немъ изображени бяху зѣло благоговейно преподобнии отцы Великороссійстии чудотворцы. На ихже святое оно изображеніе взирая, кто съ благоговеніемъ велію могль бы въ души своей ощущати пользу². Еще же разсмотрѣвая тихое и безмолвное на мѣстѣ онѣмъ пребываніе святыхъ отецъ, благоговѣніе и молчаніе, кротость и смиреніе и послушниковъ всѣхъ всеблагоговейное съ крайнѣйшимъ воли своея и разсужденія отсеченіемъ, со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ во всемъ послушаніе. Отъ всея души моя вожделехъ тамо со святыми отцы онѣми и братією пребывати, аще и известне вѣдѣй, яко тамо отъ матере моя утаитися не возмогу, но обаче крайнимъ желаніемъ монашества побуждаемъ

¹ В рукописи не надписано с-титло.

² На поляхъ приписано (другимъ почеркомъ): радость.

умыслихъ тамо остатися. Приступль убо къ предреченному обители тоя началнику, стоявшему близъ Церкви наедине, и припадъ къ ногама его, моляхся прилежно, да любви ради Божія пріиметь и мене беднаго во святую свою обитель монашества ради во святое послушаніе; онъ же, уразумевъ мое прошеніе, абіе отъиде въ келлію свою, повелевъ и мнѣ ити за нимъ, вшедъ же и азъ въ келлію его, и поклонився по обычаю, стояхъ близъ дверей. Онъ же сѣдъ близъ стола, повеле и мнѣ сѣсти выше себе, рекъ ко мнѣ: «Брате, сяди здѣ», указуя рукою и мѣсто оно, идѣже повелеваше ми сѣсти. Азъ же, слышавъ сіе и ужаснувся о вещи нечаянней и весь стыденія исполнився и поклонився низко, стояхъ молча. Онъ же и вторицею тожде сотворити ми повеле. Азъ же паки поклонився, стояхъ молча. Таже и третицею тожде повеле ми сотворити. Азъ же зѣло ужасаяся о семъ и поклонився, стояхъ безгласенъ. Онъ же отверзъ святая своя уста рече ко мнѣ: «О брате, ты молиши мя, да пріиму тебе во святую обитель нашу монашества ради. И се, въ души твоей не вижду ни слѣда монашескаго устроенія. Не вижду въ тебѣ смиренія Христова. Не вижду въ тебѣ послушанія и отсеченія воли твоя и разсужденія, но сопротивное все. Вижу въ тебѣ устроеніе и мудрованіе міра сего, вижду въ тебѣ гордыню діаволу. Вижду въ тебѣ непослушаніе и последованіе воли твоей и разсужденію: се бо трижды повелевъ тебѣ сѣсти выше мене, никакоже послушалъ еси мене; вмѣсто бо еже единою услышавъ заповѣдь мою, не точію въ келліи моей, но аще быхъ восхотѣлъ, и въ транезе предъ всею братією повелевающую тебѣ сѣсти выше мене, подобаше тебѣ абіе отвергъ всю волю твою и разсужденіе, со смиреніемъ и страхомъ Божиимъ послушати мене; ты же трижды отъ мене повеленъ бывъ въ келліи моей точію сіе сотворити. Последуя воли твоей и разсужденію, паче же гордыни вражіей

лицемерне смиряяся и кланяяся¹, заповѣдь мою преслущашаль еси. Не имѣя убо послушанія и отсѣченія воли твоя, еже есть знаменіемъ истиннаго монашества, како дерзаеши просити мене принять быти во иночество? Не имущи бо послушанія и последующи воли своей и своему разсужденію нѣсуть достойни монашескаго образа». Таковая убо и многшая сихъ² изрекъ ко мнѣ словеса, и уразумѣвъ въ конецъ, ужасшася мене о семъ и съ велиимъ страхомъ предъ нимъ стояща и ничтоже вѣщающа; начать яко отецъ чадолюбивый со всякою любовію и кротостію глаголати ко мнѣ: «О, чадо возлюбленное, известно да вѣси, яко азъ любве ради Божія, желая души твоей спасенія сіе искушеніе на тебе наведохъ: ово, убо яко да во вся дни живота твоего сіе въ назабвенной памяти въ души твоей содержиши, ово же, да симъ уразумлю тебе и наставлю, яко истиннаго монашества начало, корень и основаніе есть истинное по Богу и по разуму Божественнаго Писанія и ученія³ святыхъ отецъ послушаніе и совершенное воли своя и разсужденія оставленіе и умерщвленіе. И вси желающіи сподобитися монашескаго образа, якоже оставляють міръ и вся, яже въ мірѣ, тако должны суть оставити и всю волю свою и разсужденіе, и повинутися по Богу во всемъ настоятелю своему, даже до послѣдняго своего издыханія, аки Самому Богу. Ты же, чадо мое, о искушеніи семъ, еже наведохъ на тебе, не малодушествуй, извещаваюся бо, яко не противяся мнѣ не дерзнулъ еси послушати мене. Но ово, не вѣдя еще силы Божественнаго монашескаго послушанія, ово же — и почитая мя, купно же и святый⁴ и

¹ Слово «кланяяся» надписано другим почерком.

² Слово «сихъ» надписано другим почерком.

³ Слова «и поразуму Божественнаго Писанія и ученія» надписаны другим почерком.

⁴ Слова «и святый» надписаны другим почерком.

великій монашескій¹ образъ, егоже Богъ мя недостойнаго удостои. Сего ради буди прощень отъ Бога и отъ мене грѣшнаго».

Таже² начать мене вопрошати, гдѣ родихся, и не имамъ ли отъ кого возбраненія коего къ монашеству. Мнѣ же вся, яже о себѣ, вкратцѣ известившу, рече ко мнѣ: «Чадо мое возлюбленное, аще и молилъ мя еси и просилъ, да прииму тебе монашества ради во святую сію обитель во святое послушаніе, но по извещенію твоему не дерзаю сего сотворити, да не како воспоследуетъ общее и намъ и тебѣ смущеніе, мати бо твоя уведевши, гдѣ пребываеши, можетъ тя съ повеленіемъ властей прудобно отсюда взяти. Сего ради о семъ не скорби, яко предреченныя ради вины не дерзаю тебе пріяти, но имѣя непременно о воспріятіи монашества желаніе, возложи все о себѣ на Бога попеченіе, и его помощію потщися проискати таковаго мѣста, въ немже ниедино ти будетъ къ монашеству возбраненіе; азъ же тя увѣряю, яко Богъ всемогущій, всѣмъ хотяй спастися, къ такому мѣсту тебе наставитъ и желаніе твое въ самое произведетъ дѣло». Азъ же слышавъ сіе и самъ известно вѣдый, яко мнѣ въ той святѣй обители за предреченную вину пребывать невозможно. Болѣе уже не дерзнухъ о семъ моленіемъ моимъ святыню его утруждати. Но припадъ къ святымъ его ногамъ просихъ прощенія. Еже вкупѣ съ благословеніемъ возьмъ, изыдохъ изъ келліи его. Еще же тамо мнѣ сущу, сподобихся святая его и душеполезная словеса къ единому брату изглаголанная услышати, стоя бо на дворѣ святыхъ тоя обители съ некими отцы призва единаго брата изъ послушниковъ. Бѣ же той братъ зѣло благоговеинъ, и рече къ нему: «Имамъ тя, брате, послати во

¹ Слово «монашескій» надписано другим почерком.

² Перед началом абзаца на поле пометка другим почерком: отступ.

великій монастирь по обычаю нашему, отобранія ради харчевыхъ вещей и питія на цѣлую седмицу, сотвори убо подобающее приуготовленіе». Братъ убо сей приуготовався, якоже подобаетъ, и отверзъ врата двора¹ скитскаго, начать выѣздити. Началникъ же, увидѣвъ сіе, призва брата сего и рече къ нему: «Како дерзнулъ еси, окаянне, безъ благословенія моего отъѣздити, аще бы тебѣ приключилася, якоже мнозѣмъ и приключается, безвѣстная и внезапная на пути смерть, что бы возмогль еси отвещати Праведному Судіи въ день страшнаго Его втораго пришествія, отъѣхавъ безъ благословенія, не вѣси ли, колико великъ грѣхъ есть послушнику творити что безъ благословенія настоятеля своего?» Онъ же поклонився, рече къ нему: «Прости мя, отче, азъ съ твоимъ благословеніемъ отъѣхати хотѣхъ, ты бо мнѣ повелель еси поехать въ великій монастирь исполнити определенное мнѣ отъ тебе послушаніе». Настоятель же рече къ нему: «О окаянне, не довольно ли ти бѣ, яко впаль еси во едину яму составленія воли твоя хотѣвъ отиехати на послушаніе безъ благословенія. Вмѣсто бо, еже изыти изъ нея, прося прощенія, и глаголя со смиреніемъ: «Прости», се впаль еси и во другую яму словооправданія, горшую первыя. И, еже есть ѿ горше сего, яко ни Бога бояся, ни человекъ срамляся дерзнулъ еси къ свѣту примеситу тму и къ смиренію гордыню. Еже бо глаголати «Прости» — смиреніе есть, якоже учать насъ святии отцы наши. А еже прилагати къ сему слову «Прости» словооправданіе — гордия есть, ученіе діаволе, и примешеніе свѣта ко тмѣ. Кое же общеніе, по Апостолу рещи, свѣту ко тмѣ?»² Сего ради всякъ, пребывая въ послушаніи, желая сподобитися монашескаго образа, долженъ есть во-первыхъ сіе начало житію своему

¹ Слово «двора» надписано другим почерком.

² В рукописи примечание (другим почерком): 2 Кор. 6, 14.

положити, аще будетъ или отъ настоятеля, или и отъ прочіихъ отецъ укоряемъ, досаждаемъ или и напаствумъ припадаю къ ногамъ, со смиреніемъ глаголати «Прости», ничтоже къ сему прилагая, развѣ точію «Прости мя, отче святыи, согрѣшихъ». А не якоже ты къ сему приложилъ еси словооправданіе». Таковая убо и многшая сихъ словеса слыша, благословенный онъ братъ стояше молча, дондеже преста глаголати настоятель, таже падъ къ ногама его, со слезами просяше прощенія. Настоятель же, яко отецъ чадолюбивый начатъ глаголати къ нему: «Намереніе мое бяше, чадо, послати тя на предреченное послушаніе, тѣмже призвавъ тя, повелехъ приуготовитися точію, а не и отездити, тебѣ же подобаше по приуготовленіи, взявъ от мене благословеніе, отъездити, таковъ бо есть чинъ монашескаго житія, ты же по неведенію, а не по презренію, хотѣлъ еси отъѣхать безъ благословенія. Такожде, и прося прощенія, по неведенію приложилъ еси словооправданіе и о семъ со слезами каешися и просиши прощенія, да будеши убо отъ Бога и отъ мене прощенъ и благословенъ». Поучивъ же его доволне о силѣ Божественнаго послушанія, отпусти на предреченное послушаніе радующася и прославляюща Бога. Азь же, стоя нѣгдѣ не далече и слышася, зѣло спользовался душею прославляя Бога, сподобившаго мя слышати таковая душеполезная словеса, и вмѣняхъ та быти глаголы живота вечнаго. Азь же,¹ таже возьму благословеніе отъ настоятеля и попростився съ предреченными послушники, изыдохъ отъ тоя обители со мною жалостію, яко не сподобихся тамо за предреченную выну² со святыми онѣми отцы и братією пребывати. Пришедшу же ми въ домъ, идѣже пребывахъ, во обычномъ моемъ упражняхся устроеніи, ходя ко свя-

¹ Слова «азъ же» написаны в сноске (другим почерком).

² То есть: вину.

тымъ обителемъ и со други моими собираяся на собесѣдованіе прилично нашему намеренію. Наченшуся же школьному ученію, по обычаю въ начале Септеврія мѣсяца, бояся, да не како сотворится намеренію моему возбраненіемъ, оставивъ е, не хождахъ на не, но прилежне печажся, како быхъ возмогъ въ приличное мѣсто изыти чернечества ради. Случися же тогда, по заключеніи мира¹, возвращающуся въ Россію воинству, приѣхати съ нимъ въ Кіевъ со всѣмъ и преосвященнѣйшему Кврѣ Антонію Митрополіту Молдавскому, иже пребываше во дворцѣ преосвященнейшаго Кіевскаго Митрополіта, нарицаемомъ Кудрявецъ, и, увидѣвъ единою въ святомъ Братскомъ Богоявленскомъ монастыри предреченнаго Іеросхимонаха Пахоміа, познахъ его, яко своего во Іеромонаха рукоположенника. По благословенію Его преосвященства Кіевскаго Митрополіта, взя къ себѣ на Кудрявецъ. Къ немуже частѣ азъ, яко къ моему о Господе наставнику приходя, чрезъ него сподобляхся и благословеніе Его преосвященства получать, цѣлуя святую его десницу. И видя у Его преосвященства съ прочіими честными, всякаго почтенія достойными лица іеромонашескаго сана, и неколикое число честныхъ юныхъ Іеродіаконовъ, кроткихъ и смиренныхъ, любовь по Бозѣ ко мнѣ имевшихъ, зѣло радовахся душею, паче же, егда сподобляхся, служащу Его преосвященству со всѣмъ освященнымъ своимъ клиромъ, слушати Божественныя Літургіи совершаемыя² молдавскимъ языкомъ. Коликія радости душа моя исполняшеся, услышавши и симъ благословеннымъ языкомъ Богу славословіе возсылаемо. И дивны судьбы Божія, яко оттолѣ начатся въ души моей не мала любви къ благосло-

¹ Имеется в виду мирный договор России и Турции, подписанный по окончании войны 1735–1739 гг.

² В рукописи: совераемыя.

венному сему молдавскому языку и народу, и къ Богохранимой сей земли. И многшее къ странничеству и монашеству¹ возгорѣся въ души моей желаніе.

Въ такомъ убо упражненіи мнѣ чрезъ зиму ту пребывающу, случися на концѣ Іаннуаріа месяца наити на мене и малому искушенію. Единъ отъ града моего, учивыйся въ школахъ, видя мене отложивша школьное ученіе и сожалевъ о мнѣ, поиде къ началствовавшему тогда надъ школами Его Преподобію Счлвестру Кулябце, иже послѣде бысть и Архімандритъ Братскаго Богоявленскаго, идѣже и училища, монастыря, таже и епископъ СвятоПетрограда. И сказа ему подробну о мнѣ, яко не хошетъ, рече, учиться. А мати его всуе точію полагаетъ на ученіе его иждивеніе.

Сія слышавъ онъ, посла двоихъ изъ школъ учениковъ привести мене предъ себе, пришедшу же мнѣ, начать жестоко истязовати мене, глаголя, яковыя ради вины оставилъ² еси школьное ученіе, азъ же, аще и отъ естества зѣло бездерзновененъ сый, паче же, предъ такими лица, паче устроенія моего, не вѣмъ, како, дерзнуть ему отвещати, яко первая вина, еяже ради оставихъ внѣшнее ученіе, есть непременно мое намереніе быти монахомъ, еже бояся безвестнаго часа смертнаго, желаю, аще бы возможно было, яко наискорее, изшедъ въ таковое мѣсто, идѣже, Богу помогающу, возмогъ быхъ и самымъ дѣломъ исполнити. Вторая же, яко отъ внешняго ученія не ощущаю въ души своей никоеяже ползы, слыша бо въ немъ частѣ воспоминаемыхъ боговъ и богинь еллинскихъ, и басни піитическія, возненавидехъ отъ души таковое ученіе. Зане, аще бы и во внѣшнемъ ученіи учителя употребляли словесъ Богоносныхъ Церкве святыхъ учителей, духовнаго разума отъ

¹ Слово «монашеству» надписано другим почерком.

² В рукописи: оставимъ.

Пресвятаго Духа научившихся, то сугубыя бы ползы духовнаго разума и внешнего ученія ученики сподоблялись¹; а понеже, якоже напечатано есть во Алфавитѣ Духовномъ, «днесь не отъ Духа Свята, но отъ Аристотеля, Цицерона, Платона и прочіихъ языческихъ любомудрцевъ разума учатся, сего ради до конца ослепоша лжею, и прелстишася отъ пути праваго въ разуме, и словесъ точію изглаголаніи учатся: внутрь души мракъ и тма, на языцѣ же вся ихъ премудрость»². То, по свидѣтельству сему, отъ таковаго ученія не ощущая въ души моей пользы, къ тому же и бояся, да не како отъ него, якоже и мнозѣмъ случается, впаду въ развращенный разумъ, оставихъ е. Третія же вина, разсмотрѣвая плоды сего ученія въ духовныхъ монашескаго чина лицахъ, яко аки нѣщцы мірстіи сановницы въ веліей чести и славѣ и всякомъ телесномъ покои пребываютъ, драгоценными ризами украшающесе и славно избранными конми и прекрасными³ колесницами ѣздящи, не осуждая ихъ сіе глаголю, да не будетъ, но бояся и трепеща, да не како и азъ пребывъ доволное время во училищахъ и изучився внешнего ученія и ставъ монахомъ, не точію сіе немощи ради души моя, но и тмамы горшее постражду, впадъ во вся душевныя и телесныя страсти. Сія суть вины, ихже ради оставихъ внѣшнее ученіе. Онъ же, яко мужъ премудрейшъ, многа на сія изглаголавъ ко мнѣ словеса, исправляя мое невежество, и изъявляя, коль велику иматъ пользу внѣшнее ученіе, еяже ты, глагола ко мнѣ, аще доселе, якоже глаголеши и не ощущаеши въ души твоей, то нѣсть чудно, еще бо ты до болшихъ ученій не dospѣлъ еси, по времени же достигъ до тѣхъ, и самою

¹ В рукописи: сподблялися.

² Алфавит Духовный свт. Димитрия Ростовского. М., Правило веры, 1998, л. 16 об.

³ Слова «конми и прекрасными» надписаны другим почерком.

вещію познавъ тѣхъ великую пользу, возрадуешися, и прославиши Бога, избавився отъ такового невежества, въ которомъ нынѣ пребываеши. И многая симъ подобная изглаголавъ ко мнѣ словеса, всяцѣмъ образомъ побуждая мене ко школьному ученію, наконецъ, егда увидѣ, яко отнюдь не прекланялся къ его увещанію, но стояхъ въ моемъ упрямствѣ. Зѣло оскорбися, и хотѣ за сіе мене жестокимъ біеніемъ наказати. Азъ же, разсмотревая крайнюю свою всегдашнюю телесную немощъ и бояся, да не како біеніемъ и премалаго своего лишуся здравія, и не хотя повинухся воли его разсуждая, яко таковое творимое мнѣ насиліе на мало время будетъ. Дождавшу бо ми, Божіимъ изволеніемъ, лѣта, всесовершенно свободень буду въ намереніи моемъ безъ всякаго возбраненія. И прохождахъ школьное ученіе единого ради точію обычая, не имѣя въ немъ ниединого успенія. Пришедшу же лѣту, оставивъ е, отѣхоль есмь къ матери моей въ Полтаву, яже, егда увидѣ мене, неизреченныя радости исполнися со слезами благодарящи Богу, яко по дволетнемъ времени едва дождалася увидѣти мене. Такожде и азъ зѣло возрадовахся, сподобився Божією помощію узрети ю. Зѣло бо по Бозѣ любяхъ ю и почитахъ, яко мать мою. Пребывая убо въ дому моемъ, упражняхся въ чтеніи книгъ¹ святыхъ. Имѣяхъ же у себе и нѣкая словеса зѣло душеполезная къ ревности Божіей и къ подвигу монашескому душу возбуждающая, яже въ Кіевѣ пребывая и взымая книги отеческія отъ предреченнаго Іеросхимонаха Пахомія, выписахъ изъ нихъ на пользу души моей, яже частъ читая, не малое поощреніе имѣхъ къ монашескому житію.

Имѣяхъ же и друга единогодушнаго изъ предреченныхъ моихъ друзей, такожде изъ училищъ Кіевскихъ къ матери своей въ Полтаву приехавшаго именемъ Ді-

¹ Так в рукописи.

митрія, иже въ Кіевѣ со мною и въ единомъ дому доволное преживе время. Съ нимъ же, частѣ бо ко мнѣ приходяше, собесѣдованіе наше и совѣтъ нашъ ни о чесомъже тако бываше, якоже о томъ, кіимъ бы образомъ возможно было намъ монашества ради не точію изъ міра, но и изъ отечества нашего въ странничество изшедшымъ, пожеланію нашему сподобитися святаго сего образа. Въ сихъ убо упражняющуся мнѣ, умыслихъ о намереніи моемъ и матери моей совершеннее объявити, яже аще и давно уже вѣдѣше о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшеся, яко азъ по окончаніи, аще и не совершеннемъ, школнаго ученія, оставивъ предложеніе мое о чернечестве и по закону хрїстіанскому оженився и священникомъ яко наследникъ отца моего ставъ, буду о ней, яко о матери моей подобающее имѣти попеченіе, и она будетъ имѣти мене старости своей подпору и желаемое утешеніе, паче же всего зѣло желаше, да не испразнится и родъ нашъ: дванадесять бо чадъ имѣяше ихже всѣхъ, кромѣ мене единого предпосла ко Хрїсту, азъ же изъ нихъ единъ точію остахъ и тѣмъ въ старости на нѣкое по Бозѣ и дому окормленіе и утешеніе, и наследія ради и дому нашего Величковскихъ уже не оставшагося на возставленіе. Такову убо имеющей тѣмъ надежду, егда известихъ ей непрременное мое о чернечестве намереніе, неудобно изрещи, якова печаль и скорбь постиже душу ея, сетоваше бо и тужаше, многажды же и плакаше, и со слезами мене увещаваше не оставити ея, не оставити же истребитися и дому нашему, еже неизбежно последовати имать (якоже и последова) изшедшу тебѣ, рече, изъ міра въ чернечество. Видя же азъ такову ея печаль и скорбь, аще и зѣло имѣя къ ней, яко къ матери моей любовь, соболезновахъ о ней душою, но обаче въ намереніи моемъ пребывая непреклоненъ. Увещахъ ю по силѣ моей, прося и моля не скорбети о немъ чернечества намереніи, но паче радоватися о семъ и веселитися и

прославляти Бога, давшаго мнѣ Своею благодатию таковъ помысль и на Его всемогущій промысль всю о своемъ окормленіи имѣти надежду.

Увидѣвъ же, яко отнюдь не можаше утешитися, но день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби. Известихъ о намереніи моемъ и о скорбѣ ея духовнику моему, иже советова мнѣ утешенія ради матере моя, яко да не предасть себе въ болшую печаль, беседовати съ нею смотрителне, аще и поверхнимъ образомъ по ея воли. Приемъ убо отъ духовника моего таковъ совѣтъ, тако и последовахъ, не дерзая уже болѣе о предложеніи моемъ тѣмъ воспоминати, но беседовахъ къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утешаху душу ея. Извѣщавахъ бо ей, яко подобаеъ мнѣ первѣе окончати школьное ученіе, яко да не буду крайній невежда, не могій къ народу Хрістіанскому и одинаго проглаголати слова, но да буду не точію во священствѣ, но и во ученіи, елико мощно будетъ мнѣ, прадѣда и дѣда, отца же и брата моего наследникъ, иже бывше учени въ проповеди слова Божія труждахуся. Таже, по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолитъ, то удостоитъ и мене, аще и недостойнаго, якоже степенѣ ихъ, тако и труда въ проповеди ученія Хрістова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышавши отъ мене мати моя, не малу пріемляше въ души своей отъ печали оныя отраду, надеяшеся бо, яко по времени исполнится ея желаніе.

Пришедшу же времени ученія школьнаго, начахомъ съ предреченнымъ другомъ моимъ Димитріемъ подобающее ко отъзду въ Кіевъ творити уготовленіе, по поверхнему убо образу, акибы ученія ради, самою же вещью, исполненія ради намеренія нашего, и егда вся уже готова бяху и хотяхомъ отъездити Божіими неисповедимыми судьбами, впадохъ въ недугъ трясавичный, и отнюдь не возмогохъ, аще и вседушне желяхъ, вкупѣ со другомъ моимъ отъехать. Сотворихомъ убо съ нимъ таковъ съ

великимъ утверждениемъ совѣтъ, яко да онъ прежде мене отѣхавъ и приѣхавъ¹ въ Кіевъ, всеприлѣжно произыщеть образа, како бы намъ возможно было изъ отечества нашего изыти, яко да приѣхавшу и мнѣ, готовъ нашъ исходъ безъ всякаго закоснѣнія будетъ. Моего же приѣзда, аще бы и случилось мало что недуга ради укоснети, всенадежде да ожидаетъ, ничтоже о недуге моемъ усумневаяся, но всю надежду о оздравленіи моемъ со мною на всемогущаго Бога да имать. Вспять же, въ Полтаву, малаго ради моего закосненія, никакоже да возвращается, но всенадежде, якоже рѣхъ, и всерадостне, моего къ себѣ приѣзда да ожидаетъ. По сему убо совѣту нашему другъ мой отѣде въ Кіевъ, азъ же остахъ въ дому несумненно надеяся на него, яко совѣтъ нашъ произведетъ въ дѣло. Таже Божіимъ милосердіемъ въ малѣхъ днехъ получивъ здравіе и приуготовився, якоже подобаетъ, отѣхалъ есмь въ Кіевъ и азъ, провождающей мене матери моей даже до града Решетилówki, отстоящаго отъ града нашего Полтавы тридесять верстъ, пренощеваше² же тамо, отѣхоль есмь въ путь мой и еще мало проводившей мене матери моей; таже остановихомся мало на единомъ мѣстѣ. И начать мати моя, аки бы уведевшая, яко уже отхожду отъ нея невозвратнымъ отхождениемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременней мене не узритъ, со многими слезами глаголати ко мнѣ, прося мене и моля, и всяцѣмъ образомъ увещавая не оставити ея, но пребывати во ученіи школнѣмъ до подобающаго времени. На всякое же лѣто приездити къ ней по обычаю, да поне на малое время виденіемъ мене имать отраду въ души своей. Такожде и азъ, видя ея таковыя неутешимыя слезы и известно вѣдая, яко уже болѣе ея въ жизни сей не имамъ узрети, отъ естествен-

¹ Слова «и приѣхавъ» надписаны другим почерком.

² Вероятно, описка. Надо: пренощевавше.

ныя моя къ ней любве плакахъ и рыдахъ и припадая къ ногамъ ея, просяхъ матерняго ея прощенія и последняго благословенія, частѣ со слезами лобызая святую ея десницу и утешая ю, аще и смотрителне по предреченному наставленію духовника моего благопріятными ей словесы. И тако, получивъ на путь матернія ея молитвы и благословеніе, разыдохомся: она убо отѣде въ домъ свой, плача купно же и утеша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ моихъ о моемъ къ ней повиновеніи; азъ же отѣхаль есмь въ путь мой, аще и зѣло сожалелъ о матери моей, помышляя будушею неудобьстерпимую печаль и скорбь души ея о моемъ невозвратномъ уже отъ нея отшествіи, обаче и радуясь и прославляя Бога, несумненную на Него надежду имѣя, яко благодатію Своею сподобить мене намереніе мое самимъ дѣломъ исполнити. Съ таковымъ убо веселіемъ душевнымъ едушу мнѣ путемъ моимъ, се, паче всякаго чаянія, узрѣхъ друга моего съ некими людьми на возахъ ихъ съ Кіева вспять возвращающагося и зѣло ужасохся душею о вещи нечаянной, такожде и онъ, увидѣвъ мене, весьма устыдися, и поздравихомъ другъ друга по обычаю, остановившимся же мало людемъ тѣмъ. Поемъ его особъ, начяхъ съ великимъ сожаленіемъ истязовати его, почто тако сотворилъ есть, и совѣтъ нашъ съ толь превеликимъ утвержденіемъ соделанный, почто тако преудобно безъ всякія вины разорилъ есть. Онъ же, аще и съ не малымъ стыденіемъ, начать извинятися, глаголя ко мнѣ: «Яко егда, — рече, — по совѣту нашему приѣхаль есмь въ Кіевъ, оставивъ тебе въ дому болна, и пребывъ тамо неколико дней недоумеяхъ, что творити: начинати ли усоветованное нами дѣло или ни, и тако возмалодушеествовавъ и помысливъ, яко ты негли и многое время пребудеши въ недузе томъ и не возможеши вскорѣ приехати въ Кіевъ ко мнѣ, умыслихъ возвратитися во градъ нашъ, ово да увижду тебе, како обретаешися, и аще обрящу тебе еще болна, то

ожидаю здравія твоего. Аще ли же здрава, то вкупѣ уже съ тобою да отъѣду въ Кіевъ. Ово же да увижду и еще единою превозлюбленную мою мать. И увидѣвъ христілюбцевъ сихъ, возвращающихся во градъ нашъ, умолихъ ихъ и мене взяти съ собою. И се есть вина моего въ домъ мой возвращенія». Азь же рѣхъ къ нему: «Подобаше ти, превозлюбленный друже, долготерпеливне¹ ожидати моего къ тебѣ приѣзда, се бо по малѣхъ днехъ приѣхалъ быхъ къ тебѣ, но понеже возмалодушествовъ², мене ради наипаче возвращаешися, и помощію Божіею обрѣлъ мя еси на пути ѣдуща къ тебѣ, то убо, оставивъ другую вину въ домъ твой возвращенія, яко отнюдь не нуждну, еже и еще единою увидѣти мать твою, забравъ вещи твоя, яже имаши на возахъ, сѣдай въ возъ мой, зане пространенъ есть и зѣло преудобне можетъ вместити насъ обоихъ и тако со всякою радостію отъѣдемъ въ путь нашъ, и уже Богу споспешествуующу, безъ всякаго препятствія исполнимъ намереніе наше». Онъ же, паче чаянія моего, таковъ мнѣ даде отвѣтъ: «Понеже толь уже близъ града нашего обретаюся, убо не возвращай ми, молю тя, въ домъ мой отъѣхавъ, увидѣти мать мою и сподобитися отъ нея последняго уже на путь сей матерняго благословенія, еже получивъ, абіе безъ всякаго закосненія приѣду къ тебѣ, уповаю же, яко и на пути тебѣ еще сущу, постигну тя». Азь сіе отъ него паче надежды моя услышавъ, ужасохся душею моею, помышляя, коль силна есть любви родителей и міра сего, яко и толь долговременную ревность и раздеженное къ монашеству желаніе возможно въ превозлюбленномъ моемъ друзѣ въ конецъ угасити. И начахъ молити его прилежно послушати мене, еже не отъездити къ матери своей,

¹ В рукописи «многотерпеливне», но буквы «мно» зачеркнуты и надписано (другим почерком) «долготерпеливне».

² Так в рукописи.

но со мною въ путь нашъ поехати, егда увидѣхъ его, яко отнюдь не восхоте мене о семъ послушати. Начахъ съ болѣзнію души моя глаголати къ нему: «О, превозлюбленный друже, се, якоже вижду, отъ невниманія твоего угасе въ души твоей ревность Божія къ толь треблаженному и святому монашескому образу. Понеже мать твою и міръ сей возлюбиль еси, паче Хріста истиннаго Бога нашего, міръ убо сей свяжеть тя нерешимыми узами, яко и раскаявшуся тебѣ по времени и восхотевшу изъ него изыти не будетъ возможно, зане и никомуже ты понуждающу, самоизволне поймеша жену и оплетешися о ней и о дѣтехъ твоихъ мірскими попеченми и въ мірѣ житіе твое скончаеши не сподобився монашескаго образа».

Онъ же на сія рече ко мнѣ: «И кто мя возможеть удержати въ мірѣ, имущу намереніе непренное къ монашеству, міръ ли сей, или любви, яже къ нему якоже глаголеши, или къ матери моей, да не будетъ. Зане удобнѣе претерпелъ быхъ и смерть, нежели изволилъ быхъ повинутися возбранити мя хотящимъ отъ монашескаго образа, но и возбраняющаго къ сему не имамъ, якоже и самъ вѣси, никогоже. Еще же и медлети въ мірѣ нѣсть ми нужды ни единія, да коснѣніемъ моимъ въ немъ возможеть мя въ себѣ удержати. Но точію возьму благословеніе отъ матери моей, абіе къ тебѣ возвращающа». Егда же увидѣхъ его въ непренной воли своей и непослушаніи совѣта моего непреклонне стояща не имѣя уже болѣе о семъ въ немъ¹ надежды, яко да повинувся мнѣ, отъѣдетъ вкупѣ со мною. Таковое къ нему последнее слово изрекохъ: «О, превозлюбленный мой друже, да будетъ и тако, якоже глаголалъ еси, яко никтоже ты возможеть удержати въ мірѣ, но безъ всякаго закосненія возвратишия ко мнѣ. Азъ же тебѣ, якоже

¹ Слово «внемъ» написано на полях (другим почерком).

прежде, тако и нынѣ глаголю, яко и никомуже ты понуждающе, любы сія тайная къ міру, юже имаши безъ познанія въ души твоей, та тебе удержитъ въ мірѣ неисходна даже до смерти твоея. И вѣру ми ими, яко уже болѣе до послѣдняго издыханія твоего въ жизни сей не узриши мене никогдаже. Азъ же отнюдъ болѣе уже не ожидая тебе пойду въ путь мой идѣже мя Христосъ Господь Спаситель мой наставитъ». И тако, целовавше другъ друга послѣднимъ уже целованіемъ и попростившеся, разодохомся. Онъ убо отѣде въ домъ свой, азъ же путемъ моимъ идый печаловахъ до зѣла и сетовахъ о лишеніи любимаго друга моего, егоже презавидливый міръ сей разлучилъ есть отъ мене. Приѣхавъ же въ Кіевъ, отпустихъ вспять съ возомъ къ матери моей привезшаго мя, написавъ къ ней, яко Божією помощію и ея матерними молитвами благополучно приѣхаль есмь въ Кіевъ. Таже прилежно начахъ помышляти, что сотворю и гдѣ пойду. И прииде ми помысль пойти въ Богохранимый градъ Черниговъ, къ духовному моему по Бозѣ наставнику предреченному отцу Пахомію Іеросхимонаху: тамо бо тогда съ преосвященнейшимъ Кврѣ Антоніемъ Митрополітомъ пребываше, да отъ него совѣтъ душеспасительный прииму, гдѣ пойти идѣже быхъ моглъ удобнѣ намереніе мое исполнити. Наченъ убо о семъ прилежное попеченіе имѣти, обретохъ единаго изъ школъ, сына священника некоего изъ Новгородка Северскаго, имевшаго намереніе возвратитися ко отцу своему въ Новгородокъ Сѣверскій чрезъ Черниговъ. Наняше убо единаго стараго человека, да отвезетъ насъ въ Черниговъ водою. И купивше потребная на путь, всѣдше въ ладію его. И призвавше Бога на помощь, отпустихомся отъ берега, и преехавши рѣку Днѣпръ, внидохомъ въ рѣку Десну надъ нею же стоитъ Черниговъ. И пловяхомъ рѣкою оною въ гору и едва съ великимъ трудомъ чрезъ

десять дней приплихомъ къ невеликому граду, нарицаемому Остерь. И кто можетъ изрещи нужду нашу пачеже мою, юже претерпехъ въ пути семъ. Первое, отъ хлада: бяше бо мѣсяць Октоврїй и зѣло тогда хладно бяше, бывшии убо со мною имеяху доволну одежду и не бяше имъ толикїя нужды, азъ же вся оставивъ въ Кіевѣ, едва что взяхъ изъ одежды, трясахся убо всегда отъ хлада, паче же, егда дождь идяше со снѣгомъ и всего мене омокаше, аще же въ нощи, извлекаше ладію далече отъ берега, и великій възгнещша огонь, зѣло бо всюду премножество бяше дровъ, мало и согревахся, но и то не совершенно. Греяся бо отъ единыя страны, другая отъ хлада померзаше, и тако всю ночь обращаяся ко огню, едва мало можяхъ уснути. Спутницы же мои, имуще одежды доволно, спаху съ покоемъ. Второе, труда ради, въ гору бо воды ладією пловуще непрестанна нужда бяше веслами гребсти, спутницы убо мои несравненно силнши отъ мене суще, удобнѣе трудъ сей можяху носити; азъ же отъ естества немощень сый тѣломъ и отъ рожденїя ниединого труда имѣвый, выше силы мояя труждахся, яко отъ такового труда и все тѣло мое, паче же руцѣ и нозѣ мои, безмерне, аки отъ зѣлна біенїя, боляху. Третіе, отъ безмерного нападенїя вошей, еже самъ азъ точію страдахъ, спутниковъ моихъ Богу отъ сего покрывшу. По всемъ тѣлѣ бо моемъ подъ одеждою множество безчисленное вошей имѣхъ, и всякія нощи, егда крѣпцѣ спутницы мои спаху, струшовахъ одежду мою надъ огнемъ, и тако отъ нихъ свободаяся на мало время покой отъ нихъ обретахъ. Четвертое, еже и большее всѣхъ, страха ради потопленїя, ладія бо та, въ ней же пловяхомъ, толь мала бяше, яко едва можаше тріехъ насъ сдержати, на три точію или четьри персты верху воды пловущи. Егда же бываше волненіе на рѣцѣ, то множицею вливашеся въ ню и вода, юже прилежно выливающе изъ ладїи, тако

приобретахомъ себѣ спасеніе отъ потопленія. Единою же случися посреде рѣки възъехати на мелину, на нейже мало не опровержеса со всѣмъ ладія наша, намъ же выскочившымъ въ воду на мелину ту до колѣнъ во одеждѣ и ставшымъ на пѣсцѣ, держаще ладію нашу, выливахомъ изъ нея воду. Песокъ же онъ отъ быстротеченія речнаго выривашеса изъ подъ ногъ нашихъ и пореваше насъ въ низъ рѣки. Егда посмотрехомъ внизъ¹ рѣки, абіе мало ниже насъ узрѣхомъ превеликую глубину рѣчную, къ нейже за непостоянство песка приближахомся. И великъ страхъ и трепеть нападе на насъ, яко абіе пожретъ насъ глубина водная, и отъ великаго страха мало изъ ума не изступихомъ, Богу же благодатію Своею призревшу на ны, мало дерзновеніе воспріемше, возопихомъ къ другъ другу, въ гору рѣки поступити по мѣлинѣ той. И тако, съ великимъ трудомъ быстрины ради рѣчныя, егдва² возмогохомъ отступити въ гору отъ пропасти оныя, влекуще горѣ и ладію съ собою, изъ неяже выливше воду, едва возмогохомъ всѣсти въ ню. И тако милостію Божіею спасохомся отъ потопленія. Приближающимся же намъ къ предреченному граду Остру, стоя на брезѣ единъ хрістолубецъ именемъ и прозваніемъ Данило Шатило, зряше на ны, како ладія съ нами мало не погружашеса. Изшедшымъ же намъ наземлю, начатъ глаголати къ человеку, съ нимже отъ ладіи изыдохомъ: «Како ты, человече, Бога не убоявся, поднялся еси юношѣ сихъ тако малою ладіею въ толь далекій путь по таковой великой рѣцѣ везти? Ты бо старъ уже сый и проживъ многа лѣта въ мірѣ семъ нерадиши о смерти твоей, сихъ же юношѣ младыхъ еще сущихъ, не грѣхъ ли тебѣ безвременной потопленіемъ въ водѣ предати смер-

¹ Слово «внизъ» надписано (другим почерком) над зачеркнутым словом «близъ».

² Вероятно, описка. Надо: едва.

ти? За сіе не точію нѣси достоинъ за трудъ твой мзды, но по правдосудію достоинъ еси жестокаго наказанія, яко губитель жизни человеческія». Таковая и подобная симъ рекъ къ нему словеса, введе насъ въ домъ свой близъ рѣки стоящій и упокои насъ всякимъ упокоеніемъ неколико дней. Мы убо человеку оному спутникъ мой поль найма точію, яко за поль пути, азъ же, отай его, цѣль наемъ, яко да не скорбитъ, давше, отпустихомъ съ миромъ. Хрістолюбець же онъ обрѣтъ нѣкихъ великихъ дубовъ¹ ѣдущихъ въ Черниговъ, давъ за ны наемъ, умоли ихъ взяти насъ съ собою, иже со всякою радостію пріяша насъ. Поблагодаривше убо хрістолюбцу оному за его къ намъ милосердіе, вседохома въ дубъ онъ и отпыхомъ ко граду Чернигову съ великимъ упокоеніемъ. Везущи бо насъ, хрістолюбиви суще, не искаху отъ насъ неединія помощи, пишу намъ и всякъ покой подающе, но и въ семь пути мало не случися намъ внезапная смерть: единою бо плывущимъ намъ подъ высокимъ берегомъ ощутивше везущи насъ, яко хочеть отвалитися на дубъ нашъ великая часть земли, скоро потщашася въ гору погнати дубъ, и яко точію преидоша мѣсто оно, абіе отвалися земля въ воду и премалою частію удари по кормѣ и мало не превратися дубъ нашъ, и зѣло вси ужасешася, прославихомъ Бога, спасшаго насъ отъ смерти, и оттоле уже не дерзаху близъ таковыхъ береговъ ехати. По малѣхъ же днехъ приставше къ Чернигову, изыдохомъ на брегъ поблагодаривше хрістолубцемъ онѣмъ. Такожде и со спутникомъ моимъ попростившеся разыдохомся. Онъ убо отъиде въ путь свой, азъ же, вшедъ въ градъ, внидохъ во святую епископію и обрѣтъ духовнаго моего наставника и отца, Іеросхимонаха Пахомія, зѣло возрадовахся душею целовавъ святую его десницу, иже приведъ мя въ келлію свою препокоеи неколико дней. Об-

¹ Дубъ — долбленая лодка.

рѣтъ же азъ приличное время, прилежне молихъ его подати мнѣ наставленіе, гдѣ быхъ возмогль удобнѣе преити за предѣль въ странничество, идѣже сподобился быхъ святаго монашескаго образа. Онъ же, преклонился на мое моленіе, таковъ мнѣ преподаде совѣтъ, глаголя ко мнѣ: «Аще хочещи, брате, отъ всего усердія твоего изыти изъ отечества нашего за предѣль въ странничество удобншаго ради полученія монашества, то поиди во святой монастырь Любецкій не далече отстоящій отъ града Любеча, отечества преподобнаго отца нашего Антонія Печерскаго, въ немже обрящещи всечестнаго Іеросхимонаха отца Іоакима. Иже, не разумея силы словесъ евангелскихъ: "Аще соблажняетъ тя рука твоя, отсецы ю"¹, акибы храненія ради чистоты, по мнимой ревности, лѣвыя руки своя отсѣче четьри персты, той тебе имать наставити о семъ, зѣло бо есть искусень. Еще же и монастырь той обрѣтается надъ Днѣпромъ на самихъ предѣлѣхъ и удобно будетъ тебѣ оттуду намереніе твое исполнити: пожди убо до днѣ, вонъже торгъ собирается, и обрѣтъ тогда человека, имущаго тя отвезти къ Любечу, возвести ми». Азъ же, по заповеди его, во время торга изшедъ, едва обретохъ единаго человека изъ некоего села, еже бяше на половине пути онаго и наняхъ его отвезти мя до онаго села въ домъ свой. И шедъ возвестихъ о семъ его святыни. Онъ же, сожалевъ о мнѣ, яко не возмогохъ найти человека изъ самага града Любеча, иже бы отвезлъ мене тамо съ собою, обаче благодушествовати о семъ повеле, рекъ ко мнѣ: «Не скорби о семъ, брате, силенъ бо есть Господь безбедно тебе довести до святаго монастыря онаго». Азъ же, припадъ къ ногамъ его и последнее отъ него благословеніе возьму, отъидохъ въ путь мой съ человекомъ онѣмъ, иже привезъ мене въ домъ свой, упокой. Во утріе же прилежно молихъ его отвезти

¹ В рукописи приписано на полях (другим почерком): Мк. 9, 43.

мене въ предреченный монастырь, бояся самъ ити въ таковой путь, но отнюдъ не возмогохъ его о семъ умолити. На единого убо Бога возложивъ надежду, яхся пути онаго со многимъ страхомъ, бяше бо путь онъ сквозѣ великія лѣсы, и зѣло бояхся звѣрей, но Богу покрывающу мя безбедно преидохъ путь той. И изшедъ на чистое поле, узрѣхъ издалече градъ Любечъ и монастырь, яко за три версты отстоящій отъ града, и зѣло возрадовался душою. Приближающуся же мнѣ къ монастырю, узрѣхъ отъ самага града рогатки¹ поставлены даже до Днепра рѣки, и стражу стоящу, за неюже бяше монастырь. И объемшу мя страху, недоумѣяхъ, что творити: не имѣяхъ бо ни единого о мнѣ, кто есмь и откуда писменнаго свидѣтельства, и бояхся, да не како отъ стражи удержанъ буду. Моляхся убо отъ всея души Богу, да имиже вѣсть судьбами покрываетъ мя отъ такового искушенія, и помалу идяхъ ко стражи. И се, промысломъ Божиимъ паче надежды моея, узрѣхъ единого честнаго монаха изъ града идуща къ монастырю по другой странѣ рогатокъ, иже пришедъ близъ стражи, ста, взирая на мене. Егдаже приближихся къ стражи, вопросиша мене стрегущіи: «Откуда еси?» Онъ же, абіе, прежде мене къ нимъ отвеща, аки со удивленіемъ: «Что вопрошаете его откуда есть, еда ли не вѣсте, яко послушникъ есть монастырскій и се нынѣ отъ послушанія возвращается въ монастырь». Они же слышаще сіе, оставиша мя свободно пройти. Пришедъ же къ честному оному монаху, поклонихся ему и уразумевъ, яко есть Іеромонахъ, целовахъ святую его десницу и благодарихъ ему за такуюю его любовь, и прославихъ неизследный промысль Божій, покрывшій мя отъ такового искушенія. Честный же той Іеромонахъ, именемъ Аркадій, поемъ мя съ собою, введе во святую обитель ону, таже и въ келлію свою до пришествія Игу-

¹ Рогатка, рогатки — пограничный пост.

менова, зане отшелъ бѣ нѣгдѣ потреби ради монастирскія. Введъ же мя въ келлію, беседоваше ко мнѣ словеса душеполезная даже до пришествія Игуменова, и желаше, аще бы воля Игуменова была и при келліи своей мене имѣти, такожде и азъ, видя его мужа духовна и благо-разумна и страха Божія исполненна, желяхъ, аще бы возможно было, жити при немъ, душевнаго ради наставленія. Пришедшу же во обитель отцу Игумену, показа ми его изъ келліи чрезъ окно, глаголя ко мнѣ: «Се, отецъ Игумень нашъ стоитъ посреде монастиря. Посмотри, брате, тако ли и у васъ въ Кіевѣ Игумени ходять?» Посмотревъ же его, увидѣхъ украшена сединами въ толстой черной свитѣ стояща, и удивихся зѣло смиренію его, яко, Игумень сый, такову нищетну одежду носить: зане от рожденія моего не случися мнѣ видѣти инѣхъ Игуменовъ, тако нищетне облеченныхъ. Таже, предреченный отецъ облекся въ расу и поемъ мене, приведе ко отцу Игумену, падъ же азъ на нозѣ его, прошахъ благословенія. Онъ же, благословивъ мя по обычаю, вопрошаше мя глаголя: «Откуда еси, брате, и кое тебѣ имя, и чесога ради пришелъ еси во обитель нашу?» Азъ же отвещахъ къ нему, яко есмь отъ Кіевскія страны, и приидохъ во святую обитель сію на послушаніе, имя же ми есть Петръ. Онъ же, слышавъ сіе, зѣло возрадовася, и рече ко мнѣ: «Благодарю премилосерднаго Бога, яко посла тебе къ намъ на послушаніе. Се бо имеехомъ доселе единаго послушника, полатное послушаніе¹ проходяща, именемъ Петра, иже прежде двоихъ дней отъиде уже отъ обители; тебѣ убо, тожде имя имущему, сіе послушаніе вручаю». Честный же онъ Иеромонахъ слышавъ сіе, удивися и рече ко Игумену: «Отче святыи, се братъ сей нынѣ прииде во обитель и отнюдь не вѣсть обычая

¹ Полатное послушание — келарское послушание, заведование складом.

монастирскаго. Аще убо благоволиши, то да пребудеть при моей келліи, поне до времени дондеже поне мало распознаеть послушанія монастирская, имѣя нѣкое наставленіе отъ мене, и тогда, якое восхощеша, определиши ему послушаніе». Онъ же отвеща къ нему: «Аще быхомъ имели, брате, послушника некоего угодна на сіе послушаніе, то съ радостію исполнилъ быхъ твое прошеніе. А понеже, якоже и самъ видиши, не имамы таковаго, то убо сего брата, аще и нынѣ пришедшаго, по необходимой нуждѣ, на сіе послушаніе определяю». Честный же онъ Іеромонахъ слышавъ сіе поклонися и отиде въ келлію свою. Игумень же, повелевъ отворити полату, введе мя въ ню и показа ми вся, яже въ ней, и весь чинъ послушанія сего, по коей мѣрѣ должно выдавати изъ нея поварямъ потребная на трапезу братіи, и гделибо подобаше, сирѣчь, вариво, рыбу, олѣю, муку, крупы, и прочая. И даде ми и ключи от нея. Азь же, припадъ къ ногама его, взяхъ отъ него благословеніе. Повеле же ми и въ келліи жити не далече отъ себе, идѣже въ коморце ея живяше пречестный отецъ предреченный Іеросхимонахъ Іоакимъ, азь же съ единымъ старымъ монахомъ и единымъ послушникомъ въ великой келліи пребывахъ. Проходяхъ убо послушаніе сіе со усердіемъ, аще и отнюдъ превыше силы моя бяше. На всякъ бо день многажды не единократно и многократно сънимахъ съ варива претяжкое каменіе, имже то нагнеташеся, и возлагахъ на не, поднимая то чрезъ силу мою съ превеликимъ трудомъ. И отъ сего наипаче и тое мое малое здравіе, еже имѣхъ, зѣло повредихъ. Сказати же о семъ отцу Игумену отнюдъ не дерзахъ, но елико можахъ претерпевахъ трудъ сей со благодареніемъ, моляся Господеву укрепити мя. Проходя же сіе послушаніе въ мірской оной одеждѣ, въ нейже во обитель внидохъ, зѣло жelahъ черныя одежды, и едва возмогохъ стяжати

расу¹ съ чернаго простаго² сукна, въ нюже облакаяся не вѣдяхъ, что творити отъ неизреченныя радости. По времени же, преставлшуся ко Господу старому оному монаху, иже пребываше со мною, остася по немъ сподняя едина одежда изъ сераго сукна толстая, юже призвавъ мя Игумень даде ми глаголя: «Аще угодна тебѣ есть сія одежда, то носи ю». Азь же, поклонився ему, взяхъ отъ него благословіе и пришедъ въ келлію свою, совлекохся и споднія моя мірскія одежды, и облекохся въ сію данную мнѣ отъ Игумена съ толь великою радостію, яко многократне и целовахъ ю, аки вещь нѣкую святу, и ношахъ ю всегда, дондеже содрася на мнѣ. Благодаря Богови, яко вмѣсто мірскія одежды юже дотолѣ ношахъ, сподоби мя одежды монастырю приличныя, въ ней же ходя, съ радостію прохождахъ определенное мнѣ послушаніе. Во время утрени начиная то и поздѣ въ вечеръ скончавая. Въ ноци же, въ келліи пребывающу ми, зваше мя некогда на чтеніе правила своего келейнаго предреченный честный Іеросхимонахъ Іоакимъ, егоже ради наипаче во обитель ону и придохъ, да прииму отъ него совѣтъ и наставленіе о намереніи моемъ, но отнюдъ не посмехъ ему о томъ объявити, аще на сіе и время угодное обретахъ, но точію о томъ на единого Бога возлагахъ всю мою надежду. По некоемъ же времени определи его Игумень на житіе во единъ скитъ монастырскій преподобнаго отца нашего Онуфрія великаго, яко пять версть отъ монастыря отстоящій, коморку же ту, въ нейже онъ живяше, мнѣ даде. Единою же, призвавъ мя, даде мнѣ книгу, преподобнаго отца нашего Іоанна Лествичника расположенную на семьдесятъ поученій, глаголя ко мнѣ: «Возми, брате, книгу сію и прилежно со вниманіемъ чти ю, и наставляйся на святое послушаніе, и на

¹ То есть: рясу.

² Слово «простаго» надписано другим почерком.

всякое дѣло благое, зане зѣло душеполезна есть». Азь же, по обычаю поклонився ему до земли, и целовахъ святую его десницу, взяхъ отъ рукъ его книгу ону съ не-исповедимую радостію, удивляяся о любви его¹, яже по Богу ко мнѣ, и о такомъ его о пользѣ души моя отечествѣмъ попеченіи, и отъидохъ въ келлію мою. Егда же прочтохъ отъ нея малу часть, толь усладися душа моя отъ словесъ Богоноснаго сего отца благодати Духа Пресвятаго исполненныхъ, яко помышляя мое во обители онѣй до времени некоего точію пребываніе, и яко изшедшу ми отъ нея негли не обрящу на иномъ мѣстѣ таковыя книги, умыслихъ имѣя въ нощи безмолвіе, всегдашнія ради пользы души моя преписати ону. Не имѣя же свѣщъ, зане во обители онѣй мало не вси братія лучиною свѣтятъ. Запаляя и азь лучину, яже долготою бяше единаго сажня, и втыкая въ расщелину стѣны, Бога призвавъ на помощь, начахъ преписовати ону съ великимъ неудобствомъ дыма ради: не имѣя бо нигдѣ же прохода, низпускашеся въ низъ и наполняше келлію мою, егда же схождаше и ниже главы моя, отнюдь не можахъ болѣе писати, но отверзахъ окно коморки тоя, и вхождахъ въ велику келлію и ждахъ, дондеже поднимашеся дымъ въ гору, и вшедъ въ коморку, затворяхъ окно и писахъ дондеже и паки наполняшеся дыма, и тако на всяку нощь творя, не малое неудобство къ дѣлу сему имѣхъ. Последже же, стяжавъ кандило и вливая въ не олѣю, писахъ при немъ мало удобнѣе, и до изшествія моего изъ обители оныя преписахъ мало болшую часть книги оныя.

Въ начале пришествія² моего во обитель ону, проходя опредѣленное мнѣ полатное послушаніе, до нѣкоего времени миръ глубоко имѣяхъ въ души моей, дондеже можахъ по совѣсти хранить заповѣдь мнѣ преданную

¹ Слово «его» надписано другим почерком.

² В рукописи: пришетвія.

отъ Игумена, выдавая по мѣрѣ определенной отъ него, и поварямъ за трапезу братій потребная, и гдѣ мнѣ повелено бѣше, сирѣчь, на дворцы монастырскія и на вся мѣста, изъ нихже на всяку седмицу приходяще въ монастырь, отбирахъ съ полати вся потребная. Егда же познаша братія обычай мой снисходительный и къ прошенію ихъ удобопреклонный, начаша мало не вси, не точію монаси, но и Иеромонаси и Иеродіакони приходяще ко мнѣ просити, паче же на вечерю себѣ, чесога кто желаше, муки пшеничныя, пшена, круповъ, олѣи, и прочіихъ потребностей. Азъ же о братіи не имѣя отъ Игумена нѣдинаго определенія, давати ли тѣмъ, егда кто отъ нихъ чесога попроситъ, или не давати. Вопросити убо его о семъ не смѣяхъ, бояся, да не како крѣпко мнѣ повелитъ безъ благословенія его отнюдь никомуже что давати, азъ же не могій безъ преступленія сохранить заповѣдь его подѣпаду подѣ неблагословеніе его и горше согрешу предѣ Богомъ. Давати же что братіямъ безъ ведома его и благословенія совѣсть моя не попускаше, но обаче, видя толь честныхъ отецъ святыхъ и братій ко мнѣ недостойному и всѣхъ во обители онѣй последнейшему съ толикимъ смиреніемъ приходящихъ и потребныхъ себѣ на вечерю или и на ину нѣкую нужду свою просящихъ, стыдяхся и на лица святая ихъ воззрети, преступая совѣсть мою, давахъ имъ потребная по прошенію ихъ, не смѣяхъ никомуже отъ нихъ отрещи и не дати. Такожде и повари, егда отбираху потребная на вареніе пици за трапезу братій, убеждаху мя и не хотяща удвое всѣхъ потребностей, сирѣчь, масла, рыбы, олѣи, круповъ, и прочіихъ, тѣмъ выдавати, глаголюще, яко да будетъ лучшая трапеза за братію. Азъ же¹, убѣждаемъ бывая отъ нихъ, и явную заповѣдь о семъ Игуменову и не хотя преступахъ, и выдавахъ тѣмъ вся потребная удвое или и болѣе, и

¹ Слово «же» надписано другим почерком.

трапеза убо лучшая и слаждшая представляшеса предъ братію. И братія вси о мнѣ зѣло благодарни бываху и любяху мя, яко во время нужды ихъ исполняшеса прошеніе ихъ, и нѣцый отъ нихъ глаголаху ко мнѣ, яко акибы за мое къ нимъ въ нуждахъ ихъ призреніе и прошеній ихъ исполненіе, болшее и въ полате промысломъ Божиимъ всѣхъ потребныхъ стало изобиліе. Азъ же, о всемъ семъ притворне убо срадовахся съ ними, въ души же моей не имѣхъ мира, якоже прежде, но совѣсть моя за преступленіе заповеди Игуменовы и за подаваніе оно безъ благословенія его, частъ мя обличаше, и донеле же тамо пребывахъ, тако прохождахъ на осужденіе души моей послушаніе оно.

О единомъ точію зѣло радовашеса душа моя, яко пребывая тамо, зѣло пользовахся душею, видя крайнее и великое смиреніе преподобнейшаго и святаго отца онаго Игумена Никифора, приѣмшаго мя во святую ону обитель. Имѣя бо обычай звати къ себѣ на вечерю единого изъ честныхъ отецъ обители тоя, многократне зваше и мене на вечерю, егда убо вхождахъ въ келлію его и видяхъ его съ нѣкимъ честнымъ отцемъ на трапезе сядяща, не точію не смѣяхъ на трапезе съ ними сѣсти, но ни на лица ихъ, помышляя свое недостоинство, воззрети. Повелеваемъ же со убежденіемъ, аще и съ великимъ стыденіемъ, сѣдяхъ съ ними на трапезе и ядяхъ. Трапеза же его бѣше едино точію вареніе или¹ каша съ круповъ гречаныхъ, или ино подобно ей, питіе же квасъ кисличный или грушевый, иже и на трапезе братіи представляшеса, иного бо питія во обители онѣй, сирѣчь, меду или пива, кромѣ горелки, яже во уставленныя точію дни братіи подавашеса, не видѣхъ. По востаніи же отъ трапезы и благодареніи отпускаше мя съ благословеніемъ въ келлію мою. Повелеваше ми многократне и чтеніе

¹ Слово «или» надписано другим почерком.

чести въ трапезе, по повеленію убо его и чтяхъ. И егда случахуся житія святыхъ зѣло умилителна, тогда чтущу ми та по произношенію, емуже въ школахъ изъучихся, мнози отъ братій умиляхуся и плакаху и преставаху ясти. Нѣцый же отъ нихъ воставаху и отъ трапезы, и окружающе мя, слушаху чтенія со умиленіемъ и слезами. Азъ же, видя ихъ таковую къ словесемъ душеполезнымъ ревность, радовахся душею и прославляхъ Бога. Пребывающу ми во обители онѣй паче всего радость велію въ души моей имѣхъ, видя, яко преподобнейшій отецъ Игумень, яко отецъ чадолубивый управляше братію съ великою любовію, съ кротостію и смиреніемъ, съ терпѣніемъ и долготерпеніемъ. Аще бы случилось кому изъ братій, яко человеку въ чемъ и согрешити, и прошаше прощенія, абіе прощенія сподобляше, исправляя таковаго духомъ кротости, и наказуя словесы душеполезными, и канонъ¹ нѣкій опредѣляя по силѣ его. Сего ради и братія вси пребываху во глубоцѣмъ мирѣ, благодаряще Богу. По прешествіи же яко тріехъ месяцевъ пребыванія моего тамо, определенъ бысть во обитель ту на Игуменство инъ Игумень отъ иныя обители по повеленію пресвященнейшаго Квръ Антонія Митрополита Молдавскаго, иже въ Чернигови архіерействоваше; мужъ ученъ Германъ Загоровскій, иже приѣхавъ во обитель ону Любецкую, въ нейже пребывахъ управляше ю не по подобію преждняго предреченнаго Игумена, но властителски. Егоже устроеніе по времени распознавшѣ братія, толь ужасошася, яко нѣцый отъ нихъ страха ради и разбегошася отъ обители неведомо гдѣ. Азъ же, въ томжде послушаніи пребывая, всегда бояхся, да не согрешу въ чемъ предъ нимъ, чесого и не избегахъ, во Великій бо постъ единою, призвавъ мя, повеле ми выдати поварямъ нѣкія капусты за свою трапезу. Азъ же, не внявъ, яко-

¹ Канонъ — правило, здесь в смысле епитимьи.

вую повеле мнѣ выдати капусту, изыдохъ изъ келліи его, и не смѣяхъ его о семъ воспросити, объявихъ поварямъ, они же, якову знаху лучшу быти, взявше, свариша за него. Егда же поваръ принесъ въ келлію его вареніе оно, постави предъ нимъ на трапезе, воспроси его: «Кая есть капуста она?» И уразумевъ отъ него, ничтоже рече ему. Но абіе, призвавъ мене въ келлію свою и воставъ отъ трапезы рече ко мнѣ: «Отъ сея ли капусты повелехъ тебѣ выдати за трапезу мою?» Сіе рекъ, толь крѣпко удари мя въ ланиту, яко едва возмогохъ удержатися на ногахъ, еще же и пхнувшу ему мене, падохъ чрезъ прагъ келліи его, егда же востахъ, крыкнулъ есть на мене: «Вонъ иди, безделне». Азъ же, изшедъ вонъ, весь трепетахъ отъ страха, помышляя, аще за сіе, еже и не мняшеса мнѣ велико быти погрешеніе, толико на мя прогневася, то, аще случится мнѣ въ болшемъ чемъ предъ нимъ согрешити, что не постражду отъ него? Таже случися и служъ его, иже въ единой келліи со мною пребываше, въ нѣчемъ согрешити предъ нимъ. Гневаяся убо на обоихъ насъ, похваляшеса предъ некими прежестокимъ біеніемъ насъ наказати, иже по любви своей къ намъ объявиша намъ словеса его. Убояся убо о семъ и слуга его, яко вѣдый все его устроеніе, и начатъ помышляти, гдѣ бы могль отъйти отъ него, сказа же и мнѣ о семъ. Приемъ же и азъ дерзновеніе, объявихъ ему духовне, яко имамъ намереніе изыти оттуду за предѣль¹ въ странничество проискати мѣсто угодное, идѣже быхъ сподобился монашескаго образа. Слышавъ же онъ сіе возрадоса зѣло. И начахомъ съ нимъ совѣтъ творити, како быхомъ возмогли изыти за предѣль, иже есть Днѣпръ, надъ нимъ же не далече на горѣ и обитель та Любецкая обретаеся. Обретшуся же удобству, наставшей уже шестой сед-

¹ В рукописи к этим словам сделана глосса, от которой из-за обреза листа уцелело лишь: ницу (вероятно, «за границу»).

мице святаго и Великаго поста, въ ноши, егда уснуша братія, помолившися Богови, да поможетъ намъ безъ всякаго возбраненія безбедно прейти предѣль, изыдохомъ изъ обители и снидохомъ ко Днѣпру, надъ нимже всюду стражи бяху. Обретше убо мѣсто удобное между стражами пойдохомъ по Днѣпру съ великимъ страхомъ, боящися, да не како ошутятъ стражіе и имуть насъ: бѣ бо и ночь тогда просвещаема луною. Егда же удалихомся отъ брегѡвъ, пріяхомъ мало дерзновеніе и идяхомъ съ благодушіемъ: бяхе же и ледъ на Днѣпрѣ еще крѣпокъ. И тако, Богу помогающу, преидохомъ на другую страну Днѣпра безбедно, и неведяще, камо ити, еще бо ночь бяхе, препочихомъ на некоемъ мѣстѣ. Егда же начать светати, обретше путь, пойдохомъ. И пріидохомъ въ едино село, въ немже почивше мало у единаго человека, укрепихомся пищею. Таже пойдохомъ путемъ внизъ ведущимъ до града Чернобеля чрезъ превеликія лѣсы и ношевахомъ въ селахъ, въ лѣсахъ тѣхъ, на пути ономъ обретающихся. Шедше же неколико дней, пріидохомъ надъ Припеть рѣку не малу, и надъ неюже¹ по оной странѣ стояше градъ онъ. И не смѣяхомъ преходити чрезъ ню, ледъ бо уже бяхе зѣло слабъ и некрѣпокъ. Таже пріидоша надъ ню и еще нѣколико человекъ, иже дерзнуша преходити ю, приѣмше убо и мы дерзновеніе пойдохомъ за ними, обаче съ велиимъ страхомъ и трепетомъ: на многихъ бо мѣстѣхъ растаялъ бѣ ледъ онъ и зряшеся вода. Егда же пріидохомъ на средину рѣки оныя, обретохомъ ледъ въ долготу по всей рѣцѣ разседшійся на двое, на единъ лакоть, идѣже зряшеся глубина велика. И паче всѣхъ азъ тамо ужасохся, мня, яко или не возмогъ пропасть ту преступити, или поползся, зане зѣло слизко бяхе, пожреть буду глубиною оною, съ премногимъ убо страхомъ, аки видя смерть неизбежну предъ очима мо-

¹ В этом слове «же» дописано другим почерком.

има, едва возмогохъ преступити страшное мѣсто оно. И тако помощію Божіею, прешедше на другую страну рѣки оныя, седохомъ при брезѣ мало спочити. Сядящымъ же намъ, начать по всей рѣцѣ онѣй ламатися ледъ съ великимъ звукомъ и превращатися, аки стѣны нѣкія пловуще внизъ и объять насъ страхъ и трепеть и со слезами прославихомъ неизследный о насъ промысль Божій, потерпевшій намъ прейти рѣку ону безбедно и не предавшій насъ внезапной смерти. Воставше же, внидохомъ во градъ онъ безъ всякаго препятствія, зане не бяше огражденъ, и стражи не имяше. Идѣже въ дому некоего человека препочихомъ, бѣже тогда Суббота Лазарева, въ нюже по полудни придохомъ тамо.

Во утріе же, прежде обѣда, идущымъ намъ во градѣ томъ улицую, начать нѣкто идый создаи насъ звати мене по имени и по прозванію. Услышавъ же азъ, зѣло ужасохся душею, помышляя, что есть сіе, не бо имѣхъ тамо, яко единъ страненъ, коего знаема. Обозревся же, познахъ, яко зовущій мене согражданинъ мой есть, сынъ знатнаго гражданина съ Полтавы, иже приступль, приветствова мене словесы любовными, таже, поять ны въ домъ свой, идѣже пребываше, и пріять насъ съ любовію. И первѣе начать мнѣ поведати вину своего тамо до времени пребыванія. «Яко азъ, — рече, — посланъ есмь отъ господина Полковника Полтавскаго Васіліа Васіліевича Кочубея къ здешнему властелину съ писаніемъ молителнымъ и пенязми, выготовленія ради потребныхъ дровъ на строеніе, и дотолѣ будетъ мое здѣ пребываніе, дондеже порученную мнѣ службу исполню дѣломъ». Таже начать глаголати ко мнѣ. «Яко мати твоя, — рече, — плачетъ о тебѣ и рыдаетъ неутѣшно, яко оставилъ еси ю, отшедъ отъ нея безвѣстно. Единаго бо тебе точію имѣя наслѣдника, лишилася есть тебе, такожде и вси граждане сожальють съ нею о тебѣ». Таковая и многшая сихъ

изрекъ ко мнѣ словеса, начать многоразличне мене увещавати возвратитися къ матери моей. Азь же, толикъ страхъ воспріяхъ въ души моей, яко едва можахъ нѣкое слово къ нему отвещати. Помышляхъ бо, яко аще точію восхоцетъ объявити о семъ властелину, то можетъ удержати мене насилно при себѣ и отослати къ матери моей, или и съ собою по исполненіи службы своя возьмъ, отвезти въ домъ мой. По семъ же повеле представи трапезу, на ней же съ нимъ вкупѣ и со спутникомъ моимъ сѣдя, едва что можахъ ясти отъ великаго страха. По востаніи же отъ трапезы отпусти насъ съ любовію, моля мене, дондеже укусно во градѣ томъ, приходити къ нему часто. Идущымъ же намъ улицею, спутникъ мой уразумевъ отъ словесъ познавашаго мя, кто есмь и откуду, начать зѣло похваляти мене. Зане, егда еще пребывахомъ съ нимъ въ предреченней обители, не познавая мене, кто есмь и откуду, часто мнѣ повествоваше о себѣ, яко пребысть доволное время во градѣ моемъ въ Полтаве въ школѣ при Церкви нашей соборней Успенія Пресвятыя Богородицы, и яко совершенно знаяше мать мою и мене и сродниковъ моихъ; еже слышахъ азъ отъ него, зѣло хранихся, да не познаетъ мене. И сего ради пременялъ бѣхъ и бесѣду мою, беседовахъ бо отчасти по обычаю страны тоя, и отнюдь не возможе познати мене, и зѣло о семъ радовахся, яко возмогохъ утѣитися отъ него, имѣяхъ бо желаніе да никтоже увѣсть о мнѣ кто есмь.

Тогда же, познавъ мене совершенно, похваляше мене, яко спасенія ради души моя, оставивъ мать мою и наследіе отца моего, вдахся въ толикую нищету и странничество чернечества ради. Азь же, увидѣвъ, яко и отъ него познанъ быхъ и толико похваляетъ мене, зѣло печаловахъ о семъ въ помысле моемъ и отнюдь непріятна мнѣ явися похвала его. Паче же всего бояся зѣло, да не

како удержанъ буду отъ согражданина моего познавшаго мя, умыслихъ тогожде дне Цветоносная Неделя отити отъ града онаго. Пришедшымъ же намъ въ домъ, идѣже пребывахомъ, спутникъ убо мой отъиде нѣкія ради potrzeby. Азь же пойдохъ въ школу близъ единыя церкви искій спутника, иже бы насъ могль повести съ собою на Украину. И се, по Божію смотренію, обретохъ единого монаха готова уже ити на Украину. Со многимъ убо усердіемъ умолихъ его взяти насъ съ собою, поведавъ ему и о спутнице моемъ. И отходя звати его, зѣло молихъ пождати мало и не отходити безъ насъ. Онъ же, обещася мало пождати насъ, дондеже придемъ къ нему скорѣе. Долго же ждати не можаше, зане прекланяшеся уже день. Шедъ же азь скорѣе въ домъ онъ, не обретохъ спутника моего. Пождавъ убо мало, егда увидѣхъ, яко не приходитъ, возложивъ о немъ попеченіе на промыслъ Божій, пойдохъ къ монаху оному, иже уже исхождаше въ путь и молихъ о друзѣ моемъ, да пождетъ еще мало и отнюдь не повинуся. И тако, съ великою жалостію, оставивъ друга моего тамо, изыдохъ съ монахомъ онѣмъ въ путь нашъ, не попустившу мнѣ предреченному страху друга моего ради во градѣ ономъ оставатися. Пренощевавше же въ некоемъ селѣ, идяхомъ путемъ нашимъ чрезъ зѣло превеликія лѣсы неколико дней, дондеже начахомъ приближатися ко Украине. Случися же ми на пути семь, яко никогда же въ толь далекій путь ходившему, зѣло возболети лѣвой моею нозѣ. И опухла бѣ ноги моя плесна и глезна, яко отъ великія болезни едва можахъ пятою наступая, помалу ходити, частѣ спочивая сѣдя или лежа на земли. Еяже ради вины и спутнику моему, монаху оному, не мало стуженіе сотворися, иже видя мене зѣло косо ходяща, многократне хотяше мене и оставити. Но видя мое слезное моленіе, прекланяшеся на милосердіе и не оставляше мене. Приходяще же въ

приключающыяся на пути села, спочивахомъ въ нихъ по два и по три дни, дондеже мало оттухаше нога моя и утишашеся болѣзнь. И егда изшедше отъ нихъ, идяхомъ, паки обновляшеся болѣзнь и опухаше нога моя. Таже, по доволнемъ времени, призревшу неизреченному милосердію Божію на мене недостойнаго, преста болѣзнь и оттухне совершенно нога моя и хождахъ прочее со удобствомъ. Пришедше же во единъ скитокъ надъ Днѣпромъ рѣкою низае Кіева стоящій, именуемый Ржищевъ, иже быше некогда подъ областію Кіевскаго Квріловскаго монастыря, моляхомъ тамошняго начальника, да благословитъ намъ препочити мало. По благословенію же его пребывающу мнѣ тамо, впадохъ въ недугъ таковый, яко отнюдъ ниедина пища можаше держатися во утробе моей, но, чтолибо ядыхъ, скоро блеваніемъ изметахъ изъ себе и чрезъ мѣсяць единъ или и болѣе въ таковое изнеможеніе и истаяніе тѣла придохъ, яко аще на одрѣ и не лежахъ, но обаче отъ великія слабости едва можахъ ходити. Моляхся же Богови, да не попуститъ мнѣ тамо жизнь мою скончати, зѣло бо мира не имѣяхъ умрети на мѣстѣ онѣмъ. По Божію убо смотренію три монаси странніи тамо нѣкое время пребывшіи возымеша намереніе ити въ Молдавію. Еже увѣдѣвъ азъ, зѣло возрадовахся и молихъ ихъ со усердіемъ взяти и мене съ собою. Отъ всея бо души моя жelahъ въ сію благословенную землю пріити на житіе. Они же, видяще крайнюю слабость мою, отнюдъ не хотяху сего сотворити. Таже, на прилежное мое моленіе преклоншеся, обещахся взяти мене съ собою и не хотяще. Изшедъ же изъ скитка онаго съ ними, съ великимъ трудомъ на гору, идѣже зѣло превеликое равное поле быше и воздухъ зѣло благорастворенный, абіе начахъ ощущати облегченіе немощи моя и мало помалу укреплятися тѣломъ и ходити легчае и удобнѣе и от всея души моя благодареніе

о семь возсылахъ благодѣи Божіей, не оставившей мя до конца. Идушу же ми всерадостне съ монахи онѣми, о полудни пооблачися небо зѣло темными и мрачными облаки, еже увидевше они поидоша зѣло скоро, яко¹ да убѣжать отъ дождя, азъ же не могій тако скоро съ ними ити, остахся единъ. И абіе начатъ наступати великая туча со страшнымъ звукомъ града и проліяся дождь велій со страшными молніями и громомъ и испаде градъ² великъ, яко орѣхи маліи, и покры все поле мало не на пядь, и измокохъ весь тако, яко течаше вода отъ одежды моя. И съ великимъ трудомъ идяхъ по граду оному даже до нощи, и зѣло поздѣ едва достигохъ въ село оно, идѣже и спутницы мои бяху и пренощевавъ у единого человека, во утріе обретохъ ихъ въ школъ у дьяка преподающихъ, иже увидевше мене, зѣло возрадовашася. Таже начаша вопрошати дьяка онаго о пути, ведущемъ въ Молдавію, известивше ему, яко имуть намереніе тамо ити. Онъ же начатъ глаголати къ нимъ: «О, отцы святыи, азъ вамъ не совѣтую въ нынѣшнее время тамо ити, зане великъ страхъ есть на пути: воинство бо страха ради разбойниковъ всюду обѣздитъ, и боюся, да не впадете въ рущѣ немилостивыхъ онѣхъ воинъ, иже аще и не иныя ради вины, но единыя ради ненависти на православную вѣру могутъ васъ озлобити до конца. Зане въ селѣ семъ нашемъ не давнаго времени случися вещь таковая. Бяше при церкви сей прежде мене единъ блаженный памяти дьякъ, иже яко человекъ бояся навета отъ гонителей православныя вѣры, егда на Літургіи чтяше "Символь вѣры", сирѣчь, Вѣрую во единого Бога, то членъ онъ, "И въ Духа Стаго"³", тако чтяше: "И въ Духа Святаго, Господа, животворящаго, Иже отъ Отца истинна исходящаго".

¹ Слово «яко» надписано другим почерком.

² В рукописи описка: гадъ.

³ Нет титла в слове «С[вя]таго».

И тако читая Символь, избавляшесе отъ навѣта враговъ православныя вѣры. По времени же оклеветанъ бысть къ властелину села сего отъ хулителей вѣры святыхя, яко не чтеть въ Символѣ по Богоборному ихъ хуленію: Духа Святаго отъ Отца и Сына исходяща, но точію отъ Отца истинна исходяща. Властелинъ же, слышавъ сіе зѣло¹ разъярися, и вземъ нѣколико воиновъ съ собою, прииде въ церковь мало предъ чтеніемъ Символа. Егда же блаженный дякъ онъ начатъ чести "Символь вѣры", абіе приступи къ нему близъ и слушаше прилежно, како имать чести. Онъ же, уразумевъ, яко сего ради приступи, чтыше велегласно и пространно со дерзновеніемъ, егда же приближися къ словесемъ симъ: "И въ Духа Святаго", исполнився Духа Свята, возопи велегласнее: "И въ Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже отъ Отца исходящаго", отложивъ и прилогъ онъ, "истинна", егоже страха ради прилагаше. Властелинъ же онъ, яко услыша сіе, абіе, аки звѣрь неукротимый крыкнувъ, устремися нанъ и емъ за власы, поверже его на землю и, бія немилостивно ногама, повеле извлещи его вонъ изъ церкви. И повеле его бити кіями безъ пощаденія. Сему же деющуся, текъ нѣкто скоро, возвести матери его, сказавъ ей и вину, еяже ради сына ея біяху. Она же притекши, со слезами увещаваше его не ослабевати въ подвизе, но Бога призывая на помощь, не пощадети жизни своея предати на смерть за вѣру православную, и лобызаше главу его, глаголющи къ нему: "О, сыне мой превозлюбленный, не убойся сего маловременнаго мученія, еже за исповеданіе православныя вѣры претерпеваеши, но претерпи, яко добръ воинъ Христовъ за Него и самую смерть, яко да сподобишися отъ Него вѣнецъ мученической пріяти въ Царствіи Его Небеснемъ". Онъ же глагола къ матери своей: "О, прелюбезнейшая моя мати,

¹ Слово «зѣло» надписано другим почерком.

никакоже усумневайся о мнѣ, азъ бо, укрепляющу мя Богу, не точію біеніе сіе, но и тмами прелютейшыя смерти готовъ есмь за вѣру православную пострадати. Якоже бо Богъ въ Троице Святѣй славимый и покланяемый Единъ есть, и развѣ Его иного Бога нѣсть: тако и вѣра святая православная Восточныя святыя Церкви, въ нейже единой точію съ добрыми делами известная есть спасенія надежда, едина есть, и развѣ ея иныя нѣсть. Како убо за ню не возъусердствую и самую лютѣйшую претерпети смерть?" Сія же услышавши мати его, возрадовася радостію неисповедимою, и воздевши руцѣ къ небеси, благодаряше Хрісту Богу, яко сподобися такового страдалца его породити. Мучитель же онъ, видя сія и слыша, паче яряшеса, и вопіяше на воины жесточае быти¹ его. Страдалецъ же Хрістовъ², прелютее таковое біеніе съ радостію претерпѣвая, и злочестіе западныхъ обличая, православную же вѣру прославляя и исповѣдуя, предаде душу свою въ руцѣ Божіи».

Сія убо слышавше монаси они, спутницы мои, убояшася далече ити. И, оставше намереніе оно, еже ити въ Молдавію, поидоша внизъ³ къ монастыремъ православнымъ не далече отъ Днѣпра обрѣтающимся, изъ нихже два обрѣтаются подъ областію преосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго, два же подъ областію преосвященнаго епископа Переясловскаго. Поидохъ же и азъ съ ними, зѣло сожалея, яко не возмогохъ предъреченныя ради вины ити въ Молдавію. Егда же приближимся къ горамъ Мошенскимъ, въ нихже и единъ изъ предреченныхъ монастырей обретається, тамо въ единомъ селѣ близъ горъ тѣхъ уллучихъ единаго Іеромонаха,

¹ То есть: бити.

² В рукописи пропущена буква «р».

³ Здесь «близъ» зачеркнуто и над ним надписано «внизъ» (другим почерком).

съ нимже и остахся, спутникомъ моимъ въ путь свой отшедшимъ. Препочившу же мнѣ во онѣмъ селѣ неколико дней, Иеромонахъ онъ начать мнѣ поведати о некоемъ добродетельномъ пустынножители, именемъ Исвхїи, иже на единомъ острове рѣки тоя, яже по подѣ горами течаше пребывая, подвизашеся о спасенїи души своея. Еже услышавъ азъ, вседушне возжелахъ не точїю увидѣти его, но аще бы возможно было и жити у него. Начахъ убо прилежно молити его, да поведеть мя къ нему. Онъ же, преклонився на моленїе мое, поиде со мною къ пустыножителю оному, иже съ великою любовїю прїемъ насъ, упокои отъ путнаго труда и, оставивъ мене тамо, отъиде. Азъ же пребывая тамо неколико дней зѣло спользовался душею, истинный бо сей рабъ Божїи и прилежный делатель заповедей Его, велїю и неизреченную любовь и ревность имевше къ слову Божїю и ко ученїю Богоносныхъ отецъ нашихъ и труждашеся въ прилежномъ преписанїи книгъ отеческихъ пользы ради души своея. И отсюду мощно есть увидѣти, якову ревность о семъ имевше. Единою бо услышавъ о некоей отечестей, неудобъ обретаемей, зѣло преполезней книзѣ, яко обретается въ некоей обители Черниговскїя епархїи, далече отъ Чернигова вгору отстоящей, поиде тамо со тщанїемъ и со многимъ и прилежнымъ моленїемъ испроси у Игумена и собора обители оныя книгу ону на преписанїе, яже по усердїю его благодати Божїей содействовавшей, и дадеся ему, юже пришедъ въ келлію свою и преписавъ со всякимъ прилежанїемъ отнесе ю воспать во обитель ону, и, благодаривъ Игумену и собору тоя святыя обители о такомъ ихъ къ нему благодеянїи, возвратися въ келлію свою, радуясь и прославляя Бога, яко сподобися такое душеполезное сокровище стяжати, нивчтоже вмѣняя толь далекое съ принесенїемъ и отнесенїемъ книги оныя свое путешест-

віе, еже считаешся со всѣмъ яко двѣ тысящы версть. Таковая его ревность къ слову Божію бѣше. Отъ всеприлежнаго же переписованія книгъ отеческихъ зѣло повредилъ бѣ зрѣніе очесное, яко и великими писмены едва можаше переписовати.

Видя убо его таковую ревность къ слову Божію и ко ученію Богоносныхъ отецъ нашихъ, разсуждахъ, яко аще предамъ себе таковому рабу Божію во истинное душею и тѣломъ повиновеніе, и послушаю его во всемъ, то возможесть мене Божією благодатію уразумляемъ, наставить на истинный путь спасенія. Начахъ убо его всеприлежно молити, да пріиметь мене во святое послушаніе, обещаваюся во всемъ его слушати. Онъ же отнюдь не хотѣше пріяти мене, глаголя ко мнѣ: «Азь, о чадо, человекъ грѣшенъ есмь и страстенъ и недостоинъ. Душу мою бѣдную не могу управити на путь Божій, и како дерзну тебе пріяти, дѣло сіе нѣсть мѣры моя: тѣмже молю тя о семъ мнѣ не стужати». Азь же, окаянный, помысливъ, яко смиренія ради своего не хоцетъ мене пріяти въ послушаніе, прилежнее моляхъ его со многими¹ слезами, припадая къ святымъ ногамъ его, яко да пріиметь мене, но онъ отнюдь не хотѣше сіе сотворити. Азь, видя сіе, и яко да не стужу ему паче мѣры, отхождахъ въ предреченное село, и не обретаю Іеромонаха онаго, препочивахъ у некоего Хрістолюбца, иже съ великою радостію мене пріемляше. Таже, по неколицехъ днехъ, паки отхождахъ къ святому старцу оному, иже пріемлюще мене съ любовію аки страннаго, но точію на неколико дней препочити у него. И, обретаю время угодное паки, аще и съ великимъ стыденіемъ, не дерзая и на лице его святое воззрети, припадая къ ногамъ его и со многими слезами лобызая святаго нозѣ его, моляхъ его пріяти мене, глаголя къ нему: «Отче святой, пріими мене Господа ради,

¹ Слово «многими» надписано другим почерком.

послушаю бо тебе во всемъ, якоже Самаго Господа. Аще ли же не послушаю тебе во всемъ, то бія ижденеши мя отъ себе, аки пса смердяща». Егда же видяхъ, яко отнюдъ не хошетъ мене пріяти, отхождахъ отъ келліи его мало, и толь долго о неполученіи прошенія моего за недостойнство мое плакахъ и рыдахъ, яко отъ многого плача и слезъ опухаше и лице мое, и егда прихождахъ къ нему познаваше лице мое опухшее отъ слезъ и соболезнуя о мнѣ душею своею глаголаше ко мнѣ: «Молю тя, Господа ради, брате мой, не скорби о семъ, яко не пріемлю тебе, не бо презирая спасеніе твое сіе творю, вѣсть сердцеводець мой Господь, но немощи ради души моя не могу тебе пріяти. Возложи убо на всемогущій промысль Божій всю твою надежду, не оставитъ бо тя ищущаго отъ всея души спасенія, но благодатию своею призревъ на слезы твоя, наставитъ тя на путь свой». Таковая и многшая сихъ духовная глаголя ко мнѣ словеса и утешая душу мою, отпускаше мя съ миромъ. Азь же, плача и рыдая отхождахъ отъ него, и приходя къ Хрістолюбцу оному пребывахъ у него, недоумеая, что творити. Іеромонахъ бо онъ не вѣмъ гдѣ отшелъ бѣ, азь же самъ единъ гдѣ пойти, яко отъ естества боязливъ сый, не смѣяхъ, паче же страха ради супостатовъ вѣры святыя, странѣ онѣй обладаемей отъ нихъ. Умыслихъ же еще единою пойти къ святому старцу оному, не смѣя уже болѣе стужати ему моленіемъ о пріятіи моемъ, но точію поне да сподоблюся совѣтъ отъ него пріяти, камо ити и како пребывати. Яковъ же и путь бяше къ святому сему старцу, страхъ ми находить и воспомянути о немъ. Чрезъ многія бо на многихъ мѣстѣхъ воды нужда бяше переходити, зѣло по узкихъ кладкахъ чрезъ ня положенныхъ. Съ великимъ убо страхомъ и трепетомъ пражиною¹ долго подпираяся, прехождахъ чрезъ воды тья, смерть ви-

¹ Пражина — шест.

дя готову предъ очима своима. Егда же последній онъ разъ идый къ святому старцу оному, прешедъ вся воды оныя, начахъ последнюю воду по кладцѣ преходити, яже паче прочіихъ водъ болшая и глубшая бяше, не дошедшу ми еще до половины, абіе поползостеса нозѣ мои съ кладки оныя, яже зѣло слизка бяше, и падосте въ воду, едина на едину страну кладки, а другая на другую, и сѣдохъ на кладцѣ оной съ превеликимъ страхомъ и трепетомъ, мня, яко абіе падъ, утону въ водѣ оной. Но, о неизреченнаго о мнѣ промысла Божія, не попустившаго мнѣ внезапною смертію умрети, но устроившаго не на едину страну кладки обѣма ногама моима поползнутися! Зане, аще бы на едину страну поползнулися, абіе утонулъ быхъ въ водѣ оной, еще же по Божественному Его смотренію и пражина обретеса въ руцѣ моей не падшая въ воду, зане, аще быхъ упустилъ ю, то и тако мню, яко утонулъ быхъ, не имѣя чимъ сѣдя на кладцѣ опертися, такожде безъ нея и на кладку востати ногама моима отнюдъ не возмогль быхъ. Но, благодареніе всемогущему Богу, тако о мнѣ устроившему, Его бо благодатию укрепляемъ, аще и съ веліимъ страхомъ на пражине опираяся, едва возмогохъ на кладцѣ онѣй ногама моима стати, и прейти безбедно на другую страну. Пришедъ же къ предреченному старцу, молихъ его со слезами, да благоизволить мнѣ у него неколико дней пребывати, дондеже Господь о мнѣ устроить, якоже восхоцетъ, оному же благоволившу пребывахъ у него, не дерзая уже болѣе стужати святыни его о моемъ пріятіи, аки о вещи невозможней, но со стыденіемъ стоя предъ нимъ, плакахъ, моляся Господеви, да наставитъ мя на путь Свой. Всегда же, егда прихождахъ къ нему и пребывахъ у него малое время, творяхъ по силѣ моей послушаніе.

Пребывшу же мнѣ у него мало дней, се, по Божію смотренію, приде къ нему предреченный Іеромонахъ на посещеніе, егоже съ любовію угостивъ, моляше прилеж-

но, яко да отведеть мя въ Мошенскій монастырь. Онъ же съ радостію обещаєся сіе сотворити. Егда же приіде время последняго уже моего отъ святыни его отхожденія, наедине припадохъ къ святымъ его ногамъ и лобызая со слезами, плакахъ и рыдахъ, яко не сподобихся у него за недостойнство мое пребывати во святѣмъ послушаніи, онъ же елико можаше духовными своими словесы утешаше мене, совѣтуя на одинаго Бога имѣти упованіе, могущаго по воли Своей Божественней управити мое житіе. Азъ же со слезами благодаривъ его святине за таковой душеполезный совѣтъ, отъидохъ отъ него. Таже съ предреченнымъ Іеромонахомъ, поблагодаривше ему за любовь его къ намъ и страннолюбіе, отъидохомъ отъ него. И приідохомъ въ село оно, идѣже пребываше сей Іеромонахъ, иже приуготовився на путь, отведе мене въ Мошенскій монастырь, идѣже препочивъ мало дней, отъидохъ съ некоторыми отцы во святой Троецкій монастырь, нарицаемый Мотренинь. Идѣже пребывъ неколико дней, отъидохъ во святой монастырь святителя Христова¹ Николаа, обретающій на острове рѣки Тясмина, именуемый Медведовскій², иже есть подъ областію³ святыя Митрополіи Кіевскія, идѣже бѣ Игумень всечестный Іеромонахъ⁴ отецъ Нікифоръ. Пришедъ же азъ тамо, пойдохъ къ нему и, припадъ къ святымъ его ногамъ, взяхъ отъ него благословеніе и начахъ молити его, яко да приметъ мене во святую свою обитель. Онъ же, яко отецъ чадолубивый уразумевъ мое о монашестве намереніе, не презирая моленія моего, пріятъ мя съ любовію и определи мнѣ келлію, идѣже единъ послушникъ пребываше, сѣдѣти съ нимъ вкупѣ, повелевъ мнѣ на об-

¹ В рукописи в этом слове пропущена буква «р».

² Слова «именуемый Медведовскій» надписаны другим почерком.

³ В рукописи в этом слове пропущено «л».

⁴ Слово «Іеромонахъ» надписано другим почерком.

щее послушаніе съ братією ходити. Бѣже тогда мѣсяць Іулій, и собирашеся сѣно, исхождахъ убо со святыми отцы первѣе на собраніе сѣна, таже и на жатву хлѣба, иже полагаху мя вкупѣ жати съ ними, егда же увидеша, яко¹ урезовахъ персты отъ неискusstва, определиша мнѣ снопы на токъ возыти, но и въ томъ послушаніи бѣхъ неискусень, егда бо вожахъ снопы, не умѣя управляти воловъ, превращашеся возъ, и разсыповахуся снопы по полю, азъ же, недоумея что творити, сѣдя на земли, плакахъ. Приходяще же братія, укоряху мя, аки одинаго невежду, таже, видяще мое и въ семь дѣлѣ неискusstво, определиша мнѣ глину на токъ возыти и воду. Сіе же послушаніе, паче же глину возыти, аще и отнюдъ превыше силы моя бяше, обаче Бога призывая на помощь, творяхъ съ радостію. По вся же вечера прихождахъ съ братією въ монастырь, рано же отхождахъ съ ними на послушаніе. Определилъ же бѣ мнѣ Игумень, егда обретахся въ монастыри, и на крилась ходити, еще же определи мнѣ и трапезное послушаніе, сирѣчь хлѣбъ резати и полагати на трапезѣ миски съ вареніемъ носити и поставляти предъ братією, съ трапезы сосуды собирати и омывати, трапезу мести и прочая, яже вся совершахъ съ радостію, благодаря Богови, яко сподоби мя служити святымъ отцемъ и братіямъ. Егда же Августа мѣсяца наста постъ Пресвятыя Богородицы, призвавъ мя Игумень въ келлію свою, глагола ко мнѣ: понеже имѣю намереніе брата онаго, съ нимъже въ келліи пребываеши, и тебе на праздникъ Преображенія Господня пострищи въ расофоръ, того ради поиди къ духовнику и исповедай предъ нимъ вся согрешенія твоя и, приѣмъ отъ него разрешеніе, буди готовъ къ причащенію Святыхъ Таинствъ, по семь поиди къ честному Іеромонаху Никодиму и помоли его, яко да будетъ тебѣ на постризе

¹ Слово «яко» надписано другим почерком.

восприемникъ. Азъ же, слышавъ сіе отъ него, припадохъ къ святымъ его ногамъ и, взявъ отъ него благословеніе, изыдохъ изъ келліи его, радуясь зѣло и прославляя Бога о семь, купно же и ужасаяся, яко въ толь скоромъ времени хочеть мя Игумень недостойнаго сподобити начала монашескаго образа. Пойдохъ убо къ духовнику и исповедахъ вся согрешенія моя, и пріяхъ отъ него разрешеніе и благословеніе къ причащенію Пречистыхъ Христовыхъ Таинъ. Такожде пойдохъ и къ честному оному Иеромонаху Нікодиму и, припадъ къ святымъ его ногамъ, молихъ его, яко да будетъ мнѣ на постризе восприемникъ. Онъ же глагола ко мнѣ: «Самъ ли ты отъ себе просиши мене о семь, или по повеленію отца Игумена?» Увѣдавъ же отъ мене, яко по повеленію Игуменову пріидохъ къ нему молити о семь, со всякою радостію обещаюся восприемникъ мнѣ быти, повелевъ мнѣ и главу измыти, зане отъ самага изшествія моего изъ святыхъ Любецкія обители, прешедшу времени, яко пять месяцевъ не случися мнѣ не точію главу измыти, но ниже власовъ расчесати. Измыхъ убо главу и приуготовихся къ причащенію Божественныхъ Таинъ. На праздникъ же Преображенія Господня по совершеніи часовъ постриже насъ отецъ Игумень въ рософоръ. Егда же постригаше насъ, даде предреченному послушнику, съ нимже въ единой келліи пребывахъ, на постризе имя Платонъ, мнѣ же Парѣній. По совершеніи же Божественныхъ Літургій, изшедшимъ намъ изъ Церкви, братія отъ невнятія пременивши имена наша, начаша звати насъ — его убо Парѣніемъ, мене же Платономъ. Шедъ же азъ ко отцу Игумену, известихъ ему о семь, онъ же глагола ко мнѣ: «Понеже братія на постризе не вняша о именахъ вашихъ и пременивши та, нарицають онаго Парѣніемъ, тебе же Платономъ, тако убо и называйтесь и не имѣй о семь ниєднаго смущенія». Азъ же, поклонився, отъидохъ отъ него и по повеленію его Платономъ называхся,

аще, яко неведый силы святаго послушанія, отчасти и скорбяхъ о семь, жelahъ бо, аще бы возможно было именемъ, даннымъ мнѣ на постризе, нарицатися. Но видя, яко уже вси со утверженіемъ тако мя именуютъ, пребывахъ миренъ, возлагая вину на мое недостойнство.

По неколицехъ же днехъ прииде ко мнѣ единъ монахъ зѣло благоговейнъ, иже бѣ отъ Великія Россіи, отъ благородныхъ родителей, и рече ко мнѣ: «Твориши ли нѣкое послуженіе старцу¹ твоему, иже бѣ тебѣ на постризѣ воспріемникъ?». Мнѣ же отвѣщавшу, яко не творю. Рече ко мнѣ: «Подобаеть ти, брате, послуженіе творити старцу, сирѣчь, дрова сѣщи и въ келлію носити, огонь егда потреба будетъ возгнещати, воду носити, келлію мести и прочее послуженіе проходити». Азъ же возрадовался о наставленіи его и благодаривъ ему о семь, пойдохъ къ келліи старцовой и, сотворивъ молитву, внидохъ въ келлію его, и, припадъ къ ногамъ его, целовахъ святую десницу, и прошахъ прощенія, яко невежества ради моего дотолѣ ни въ чемъ ему не послужихъ, обещаываясь съ радостію во всемъ ему послужити. Онъ же отнюдъ не восхоте пріяти отъ мене ни единого послуженія, глаголя ко мнѣ: «Довлѣеть ти, брате, на общее послушаніе ходити, гдѣ тебѣ повелено будетъ, азъ же отъ тебе послуженія не требую. Еще бо, Богу укрепляющу мя, могу себѣ послужити». Азъ, слышавъ сіе и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Паки же предреченный монахъ, иже бѣ во обители онѣй, Екклісіархъ, пришедъ ко мнѣ и уразумевъ, яко старецъ мой не пріемлетъ отъ мене послуженія, рече ко мнѣ: «Пойди еще къ нему и моли его, да поне правило определить тебѣ келейное, отъ него бо долженъ еси о семь определеніе имѣти, азъ

¹ К этому слову в рукописи примечание на полях: Извѣстно да будетъ, яко во обителяхъ онѣхъ, понеже не хранится чинъ общежителный, воспріемникъ на постризѣ есть старецъ, а не Игумень.

же, благодаривъ ему за наставленіе, пойдохъ къ старцу моему и молихъ его, да определить мнѣ келейное правило. Онъ же рече ко мнѣ: «Ты, брате, писменный еси, сего ради азъ тебѣ правила не определяю, но якоже Богъ тебе уразумить, содержи правило въ келліи твоей». Сіе слышавъ азъ и поклонився, изыдохъ изъ келліи его. Пребывъ же старецъ сей мой едину точію седмицу по постриженіи моемъ во обители онѣй, отъиде оттуду Богъ вѣсть гдѣ. Уже бо болѣе слышати о немъ, гдѣ обретается, никогдаже возмогохъ. И тако азъ, окаянный, остахся, аки овца заблуждая безъ пастыря моего и наставника¹, въ самочиніи и самоволихъ вся дни живота моего изживъ. И не сподобихся нигдѣже въ повиновеніи отца нѣкоого пребывати, аще, якоже разсмотрѣваю, и зѣло устроеніе души моя въ юности моей удобопреклонно бѣ къ повиновенію, но не удостоихся окаянный за недостойнство мое таковаго Божественнаго дара.

Пребывахъ убо во обители онѣй, проходя общее и предреченное въ Церкви и трапезе послушаніе со усердіемъ. Еще же и отъ произволенія моего поварю помощь нѣкую творяхъ. Овогда воду малымъ бариломъ² на двохъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая съ радостію. Имѣяхъ же усердіе и правила церковнаго, во дни убо, егда руку подаеше, въ нощи же — никогдаже оставлять.

Тако убо мнѣ во обители онѣй тихо и мирно пребывающую, Божимъ попущеніемъ воста гоненіе на обитель ону и на вѣру православную отъ злославныхъ властей. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повеле обратиться всѣмъ монахомъ въ келлію Игуменову, и начать многоразличными словесы увещавати ихъ къ соединенію злочестія своего.

¹ В слове «наставника» лишняя «и».

² Барило — бочонок, бочка.

Егда же увидѣ, яко отнюдь не восхотеша преклонитися на злочестіе его, зѣло разгневался и вшедь въ церковь, преписа вся сосуды церковныя и, изшедь изъ Церкве, заключи ю и запечатле печатию своею, и, возьмъ ключи отъ Церкве, отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещеніемъ. Сего ради не малое бысть смущеніе во обители онѣй, увидевше бо отцы святіи, яко уже болѣе одинаго месяца церковь стояше затворена, начаша нѣцци от нихъ расходитися, гдѣ кто изволяше. Азъ же, видя таковое гоненіе на вѣру православную от злославныхъ, положихъ таковое намереніе предъ Богомъ никогдаже въ таковыхъ странахъ жити, идѣже гоненіе бываетъ на Церковь Божию и на вѣру православную отъ злочестивыхъ. Желаніемъ убо желяхъ въ православную и Богомъ хранимую землю Молдавскую пойти. Но ово страха ради супостатовъ вѣры святыхъ, ово же, яко и не обретохъ отнюдь такового мужа¹, иже бы мя тамо возмогль отвести, пресѣчеся мое таковое желаніе. Моляхся же Господви, да имиже вѣсть судьбами наставитъ мя на путь Свой. По Божію же смотренію, всечестный обители тоя предреченный Екклісархъ именемъ Мартурій и честный монахъ именемъ Кріскентъ краснопевецъ, иже и пѣвчимъ бѣше у преосвященнейшаго Кіевскаго Митрополита Квръ Рафаила Заборовскаго, совѣтъ сотвориша пойти въ Кіевъ на житіе во святую Кіевопечерскую Лавру, съ нимиже и азъ согласихся. Приуготовлшеса убо и Бога призвавше на помощь, изыдохомъ изъ обители оныя и пойдохомъ въ предлежащій намъ путь. Наставшу же месяцу Декемрію, и снѣгу велику спадшу, зѣло страдахомъ на пути отъ хлада, паче же азъ, скудень бо весма бѣхъ за одежду. Помощію же Божіею укрепляеми, придохомъ до града Васілкова, отечества преподобнаго отца нашего Θεодосіа Печерскаго, идѣже удержани быхомъ

¹ Слово «мужа» надписано другим почерком.

до шести недѣль. Мало же не исполнившуся сему времени, пришедшу повеленію, пропущено насъ чрезъ предѣль. Пойдохомъ убо, радующеся, до Богоспасаемаго града Кіева. Идѣже, пришедшымъ намъ, по прошенію нашему определено насъ на житіе во святую Кіевопечерскую Лавру. Подавшимъ же намъ доношеніе преподобнейшему отцу Архіандриту Лавры тоя Тімоѳею Щербацкому, определи насъ на Ближней пещери пребывати до разсмотренія. По времени же призвано насъ на соборъ и, по доволномъ испытаніи, принято насъ и определено намъ пребывати внутри святыя Лавры, и пребывахомъ вкупѣ въ Соборномъ ряду во определенной намъ келліи. Таже отца Мартурія определено быти подыкономіемъ¹, отца же Кріскента опредѣлиша пребывати у отца уставника праваго криласа и ходити на лѣвый криласъ. Азь же остахся единъ въ келліи оной до времени. Всепреподобнейшій же отецъ Архіандритъ и отецъ мой по плоти, егда еще въ юности своей вкупѣ учухся въ школахъ Кіевскихъ, велію и неизреченную любовь другъ ко другу стяжаста, и дружество единокорное и таковъ залогъ предъ Богомъ положиста, яко во вся дни живота своего даже и до послѣдняго издыханія туюжде любовь между собою и единокоріе да имуть. По той убо любви своей, юже ко отцу моему имяше², явилъ есть и ко мнѣ недостойному превосходящую свою любовь. Желая бо, яко да всегда пребываю во святѣй Лаврѣ и нигдеже по времени внѣ обители посылаемъ да буду на нѣкое послушаніе, определи³ мнѣ при преподобнѣйшемъ началницѣ тѣпографскомъ господинѣ Веніаминѣ Іеромонашѣ, при тѣпографіи у всечестнаго Іеросхимонаха Макарія рукодѣлію учитися іко-

¹ Подікономій — помощник эконома.

² Слово «имѣяше» надписано другим почерком.

³ Слово «опредѣли» надписано другим почерком.

ны изобразати на мѣды. Келлію же мнѣ определи среднюю во Икономскомъ ряду, въ нейже единъ Іеромонахъ и Іеродіаконъ пребываху. Приемъ же азъ таковое отъ его всепреподобія определеніе, зѣло радовахся душею о таковой его ко мнѣ любви. Пребывая убо въ келліи онѣй, прихождахъ дважды на день къ вышереченному Іеросхимонаху учителю моему, и учахся отъ него рукоделію оному, иже мя по Богу любяше, паче же, егда совершенно уверися о мнѣ, яко отъ словесъ его и разговоровъ, яже съ приходящими къ нему имяше, никомуже поне и одинаго слова не извещахъ, зане въ юности моей сей¹ бѣ у мене аки естественъ обычай: чтолибо видяхъ или слышахъ, отнюдъ никомуже извѣщахъ, но внимахъ точію себѣ. О семъ убо увѣрився, дерзновенно съ приходящими къ нему чтолибо хотяше бесѣдоваше, ни въ чесомже мене опасаяся, и сего ради паче ко мнѣ любовію прилагашеся, и со усердіемъ обучаше мя рукоделію сему. По вся же дни, кромѣ недѣль и праздниковъ, на раннюю точію Літургію прихождахъ, по Літургіи же до трапезы, и по трапезе до вечерни приходя ко учителю моему, упражняхся во обученіи предреченнаго рукоделія.

На вечерню же всегда и на утреню приходя, стояхъ за правымъ криласомъ, слушая правила церковнаго. Прежде же святаго и Великаго поста, стоящу ми на обычнѣмъ мѣстѣ въ Церкви, прииде кононархъ ко мнѣ и рече ми, яко зоветъ тя отецъ уставникъ. Азъ же ужаснухся о семъ, помышляя, что имать рещи ко мнѣ, пришедшу же мнѣ на криласъ² и лобзавшу десницу его, повелѣ мнѣ на криласъ ходити. Азъ, слышавъ сіе, зѣло ужасохся и рекохъ къ нему, яко отнюдъ невѣжда есмь въ пѣнїи. Онъ же рече ко мнѣ, аще пѣти не возможеши,

¹ Слово «сей» надписано другим почерком.

² Слова «на криласъ» надписаны другим почерком.

то поне будеши чести, еже ти повелено будетъ. И тако повеленію его не могій противитися, аще и безъ воли моея, хождахъ оттоле на правый крилась, поя по силѣ моей мало, еже умѣяхъ, и чтя овогда Часословъ, овогда же каноны. Такожде чтяхъ каноны, и, егда за поклонниковъ отправляхуся Параклиси и Акаѳисти, и прочая повелеваемая мнѣ совершахъ съ радостію.

Егда же наста святыи и Великій постъ, пойдохъ къ началнику Далнія пещеры, преподобнейшему отцу Іоанну Іеросхимонаху, прозваніемъ Кмитѣ, иже бѣ соборный духовникъ, и высповедахъ предъ нимъ всю совѣсть мою; иже по совершеніи Тайны святыя исповеди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощальныя, со слезами рече ко мнѣ: «Се, чадо, якоже уразумехъ отъ исповеди твоея, Богъ, имиже вѣсть судьбами, сохранилъ тя есть въ мірѣ даже доселе отъ великихъ грехопаденій. И аще бы житіе твое было нѣгдѣ въ пустынной обители подъ наставленіемъ искуснаго старца, то негли помощію Божіею возмогль бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти поне отъ главнѣйшихъ согрешеній. А понеже произволил еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посреде міра обретается, съ нами грешными пребывати, то зѣло боюся, да не како яко младъ еще сый, постраждеши последнее и крайнее души твоея разореніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси; разоренію же такому вина есть, аще дружество будеши имѣти съ такими, иже юни суть и лѣты и разумомъ и неутверждени душами въ страсть Божіи. Дружеству же такому Богопротивному и душепогубительному вину подаси, аще будеши употребляти каковоелибо пѣяственное питіе. Аще убо хочещи отъ всея души твоея, спасеніе души твоея¹, то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдь не пити никоегоже пѣяственного питія. Тако бо, помощію Божіею, и отъ дружества поги-

¹ Слова «спасеніе души твоея» надписаны другим почерком.

белнаго и отъ крайняго разоренія души твояе убѣгнути можеша». Сія рекъ, вопросы мене, глаголя: «Можеша ли, чадо, таковому совѣту моему последовати дѣломъ?»

Азь же известихъ ему, яко отъ рожденія моего горелки не пихъ, зане и естеству моему таковое питіе противно есть и отнюдь не могу его употреблять, и яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушне приѣмлю, и самимъ дѣломъ, Богу укрепляющу мя, исполняти буду. Онъ же о семъ зѣло возрадовався, рече ко мнѣ: «Аще, чадо, совѣту моему, по обѣщанію твоему, дѣломъ последовати будеша, то вѣрую Богови, яко благодатію Своею сохранить тя отъ всякаго душевнаго вреда. Известно же да вѣси, яко ти, иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлечь, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, моляще и просяще, увещавающе и всякимъ образомъ убеждающе тебе пити пѣнственнѣйшій напитокъ съ ними, аще же на сіе отнюдь не повинеша, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гневатися на тебе и злопомнети. Но ты, Богомъ укрепляемъ, вся претерпевай, воли же ихъ никакоже покарайся, но елико можеша, бѣгай отъ еже съ таковыми дружба имѣти, отъ сего бо вся злая рождаются. Сіе же искушеніе будеша имѣти до некоего времени. Увидевше бо тя таковіи, яко отнюдь не піеша пѣнственнаго питія еже есть вина, неполезному дружеству престанутъ тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будеша имѣти преглубокій миръ въ души твоей». Азь же, приѣмъ отъ него таковій душеполезный совѣтъ, зѣло возрадовахся, и поблагодаривъ ему, изыдохъ, прославляя Бога, яко сподоби мя отъ таковаго святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяхъ же, по совѣту его, ни единого пѣнственнаго питія, кромѣ воды или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася, и стуженіе бо немалое доволное время отъ таковыхъ имѣхъ и миръ глубокъ послѣде отъсюду обретохъ, тихо

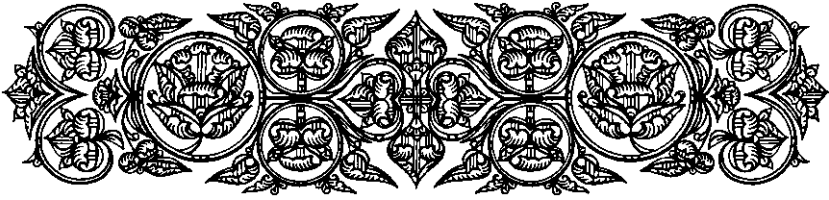
и мирно въ Лаврѣ святѣй пребывая. Любаху же мя и вси началствующіи отцы тоя святыя Лавры, паче же всѣхъ преподобнейшій господинъ Веніаминъ, начальникъ тѣпографскій, яко отецъ чадолюбивый въ крайней любви своей, мене аки чадо свое духовное содержаше, и милостию своею отеческою снабдеваше. Усмотревъ бо по времени крайнюю мою во одеждѣ нужду, попечеса приодягнути мене. Егда бо придохъ во святую сію Лавру, зимѣ сущей, едва точію пренуждную лѣтнюю имѣхъ одежду и ходя въ церковь, зѣло страждахъ отъ безмернаго хлада и лютыхъ мразовъ, трясыяся чрезъ все правило церковное болѣе нежели два месяца, не смѣяхъ же яко пришлецъ и странень никомуже о нуждѣ моей возвести, но, Богу укрепляющу мя, терпяхъ съ благодареніемъ. Приближающуся же пресветлому празднику Воскресенія Хрїстова, предреченный отецъ начальникъ, якоже выше речеса, одеждою снабдѣ мене, и о прочіихъ нуждахъ моихъ печашеса, и прохождахъ послушаніе мое съ радостію, благодаря Богови.

Житие
преподобного
Паисия Величковского,
составленное
схимонахом Митрофаном

Мѣсяца ноемвріа въ пятнадцатый день.

**Житіе и подвиги блаженнаго отца
нашего старца Паисіа.**

**Бѣжаніе отъ міра, странствія его,
собраніе къ нему братій,
и сожитіе съ ними**

Еже убо благія мужы похваляти, и вѣнцы имъ плести и изъясчества сихъ воспѣвати и возвышати успѣшно есть и полезно, и глаголати по силѣ¹ увѣщаваеть. Мірскихъ же сихъ и прिवременныхъ, и видимое въ веществѣ имущихъ, аки домъ и похвалы ихъ разоряемы видимъ. Яко же пламень огненный соотходитъ веществу иждившуся, тако и похвалы таковыхъ, и честны долнихъ и скорѣйше разливающихся², суетная употребляющихъ соотходятъ по Писанію, и память ихъ съ шумомъ погибаетъ. Жителствовавшихъ же по Богу житіе и просіявшихъ въ добродѣтели великія, вѣмы, виновно быти ползы. Ибо самыя похвалы внимающимъ Богу слушающимъ въ подражаніе боголюбезныхъ подвиговъ приводятъ, похваляти же произволяютъ отъ святыхъ, и изобилна противовоздаянія и мздовоздаянія. Не токмо же, но и Богъ таковыми

¹ Приписка на полях: по силѣ разума.

² Приписка на полях: растекающихся.

угоджаемъ бывая, премудрости пространство тако похваляющимъ даруетъ. Яже бо на святыхъ похвала на самаго Бога обыче преходити и возноситься: прославляющыя бо Мя, глаголетъ, прославлю¹, и въ лѣпоту. Понеже Владыка всѣхъ и Господь яснѣ тако узаконяетъ, глаголя о Апостолѣхъ: и *васъ приѣмлетъ*², *Мене приѣмлетъ*; и *иже приѣмлетъ Мене, приѣмлетъ Пославаго Мя*. Славы бо яже о святыхъ и похвалы не отъ нижнихъ и пребывателно ничтоже ниже извѣстно имущихъ начало основанію имуть, но отъ вышнихъ и божественныхъ, и присно такожде сущихъ. Якоже бо кто домъ многоцѣненъ хотя воздвигнути, аще не первѣе ископавъ и углубивъ землю, твердо положить основанія, твердо каменіе низполагая, вотще текуща зреть зодчія: храминѣ бо разоршейся, и малое оно основаніе, съ нею соотходить. Тако разумѣти подобаеть и о онѣхъ похвалахъ, и долуплѣжныхъ вещехъ полагаемыхъ, съ показаніемъ и славою тщею, яже употребляютъ похваляющіи сія, по внѣшнимъ мудрецемъ: краснорѣчіемъ и украшеніемъ слова самый той и единъ слухъ увеселяюще и услаждающе. И отсюда и похвалы онѣхъ забвенія глубинамъ преданы быша, истинныя же святыхъ памяти и низположеніе основаній добродѣтели, истинныхъ начало имуть отъ неразсѣдаемаго камене онаго краеугольнаго, иже есть Христосъ. Отонуду бо яко воистинну и похваляемый нынѣ, и въ свѣтлу выну³ намъ настоящаго слова подлежащій блаженный отецъ нашъ Паісій, начало и основаніе пріять, якоже просходящее напредъ слово сіе явить.

Азь убо учився у него, то есть ученикъ онаго бывъ, и не малое время пребывъ со онѣмъ, и радостнѣ яко рабъ онаго по духу бывъ: хошу уже братіямъ моимъ послѣжде

¹ Приписка на полях: 1 Цар. 2, 30.

² Должно быть: *иже васъ приѣмлетъ* (см.: Мф. 10, 40).

³ То есть: вину (причину).

въ соборъ нашъ пришедшымъ, и лица его не видевшымъ, и прочимъ всѣмъ на пользу прочитающимъ повѣсть сотворити: елика убо съ нимъ бывше очима моима видѣхъ, и отъ устъ его слышахъ, елика же отъ посланій его, и отъ повѣствованія саморучнаго о соборѣ и о себѣ, отъ юности написаннаго мало возьмъ, елика же отъ братій слышахъ о великихъ его исправленіихъ и зѣло хотѣхъ бы и языкомъ достойнымъ обогатѣти, имже бы возмогъ отцу нашему приличный долгъ похвалами отдати. А понеже и Богу любимо есть еже по силѣ, похвално же вмѣнится и учителю, яко никтоже инъ, но ученикъ за долгъ почель, еже по возможности написати праведное.

Тѣмже начати подобаеть слово, на помощь святыхъ и божественныхъ молитвъ, приснопамятнаго упованіе возымѣвше. По постижному бо къ живущимъ по Бозѣ и добродѣтель лобзающимъ, и истины дѣлателемъ и ревнителемъ опаснымъ исправленій онаго, яже о немъ простѣ, и якоже заслуженіе добрѣйшее и душеполезно предложу.

Творю же начало, отонудуже и основаніе положихъ. Внимати же достойно есть имущымъ уже реченнымъ быти. За два лѣта предъ кончиною блаженныя памяти Великаго Государя Императора и Самодержца Петра Перваго, отца Россіи и побѣдителя многихъ странъ, то есть 1722 лѣта, родися сей блаженный отецъ нашъ Паісіій іеросхимонахъ, въ преславномъ малороссійскомъ градѣ Полтавѣ, отъ благочестивыхъ и православныхъ родителей: отецъ его бѣ Іоанъ Величковскій протопопъ Полтавскій. Мати же Ірина, яже во иночествѣ преименована бысть Іуліанія монахиня. По рожденіи же его, въ четвертое лѣто отецъ его отъ временныя сея къ вѣчнѣй преселися жизни. Онъ же остася съ матерію своею, и съ старѣйшимъ роднымъ братомъ Іоанномъ Величковскимъ, иже послѣде бѣ и настоятелемъ соборныя Полтавскія церкви Успенія Пресвятыя Владычицы наша

Богородицы и Приснодѣвы Маріи, въ нейже церкви и отецъ его и дѣдъ священствоваша. Таже мати вдеде его во ученіе книжное, и Господу споспѣшествующу ему, чрезъ два лѣта и мало болѣе Букваря и Часословца¹ и Псалтыря изучися точію, и абіе нача Божією помощію преудобнѣ по книгамъ чести. Отъ вышереченнаго же старшаго брата своего и писати въ дому своемъ чрезъ нѣкое время изучися. И между ученіемъ тѣмъ, егда свободное обрѣташе время прилѣжно чтяше книги Божественнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, житія святыхъ, святаго Ефрема со святымъ Дороеемъ, святаго Іоанна Златоустаго Маргаритъ и прочія елика обрѣтахуся во святѣй предреченнѣй церкви: и отъ чтенія таковыхъ святыхъ книгъ, паче же житій преподобныхъ отецъ нашихъ во святѣмъ и ангелстѣмъ монашестѣмъ образѣ Богу благоугодившихъ, начать и въ души его рождаться ревность ко оставленію міра и воспріятію святаго монашескаго образа, яже дондеже пребываше въ мірѣ никогдаже оскудѣ отъ души его. Кто же не удивится благодати Божіей въселшейся въ душу такового отрока: десятилѣтна еще бывша, разума старческаго сподоблшеся: чтяше бо книги Священнаго Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, и прочія. И аще не бы открывала благодать разумъ въ нихъ, то не бы въ немъ такового усердія къ чтенію, и желанію монашескаго образа. Дѣтскихъ же устроеній не бяше въ немъ, но мужа совершенна. Затворяшеся бо единъ и чтяше ненасытно книги: молчаніе же толико любяше, что домашніи, и самая мати не бяху удоволствовани бесѣдою его, зане и къ самой матери кромѣ единаго или двоихъ словесъ не глаголаше болѣе, аще бы и какъ ни подвизала его на бесѣду къ себѣ по обычаю матерей, отъ дѣтскаго бо собесѣдованія много утѣшаются и услаждаются родители. И отъ сего многіи

¹ В рукописи: Часловца.

мняху яко нѣмый онъ. Собирахуся же по обычаю во время великихъ праздниковъ сродницы съ дѣтми своими въ гостѣ къ нимъ, то ниже дѣти могли когда подвинути его къ своимъ дѣтскимъ играмъ или бесѣдѣ, ни старіи своими даровизнами да проговорить къ нимъ поне единое слово. И вопрошали матери его и домашнихъ: не нѣмый ли онъ? И отвѣщали: ни.

Но и мы никогдаже слышимъ бесѣду его, развѣ когда единое или два слова, а впрочемъ всегда молчить. Бѣ же кротокъ и зѣло стыдливъ и бездерзновенъ, не точію къ чуждымъ, но и къ своимъ: таковое бѣ чуднаго мужа сего въ юности благовравіе, что всѣмъ удивлятися о немъ. И явѣ показующее пришедшу въ возрастъ, образъ быти и прописаніе всѣхъ добродѣтелей душевныхъ и тѣлесныхъ, еже и бысть. Пришедшу же ему отъ рожденія его тринадцатому лѣту, преставися и старшій его братъ Іоаннъ ко Господу, священствовавъ точію пять лѣтъ: и воспослѣдова матери его нужда, взявши и роднаго своего брата, егоже дядю, Васілія Манденка, и его съ собою поихати къ Преосвященнѣйшему тогда бывшему Митрополиту Кіевскому Кѳръ Рафаилу Заборовскому, съ писаніемъ просителнымъ крестнаго его отца Васілія Васіліевича Кочубея полковника Полтавскаго, и всея старшины и всѣхъ почтеннѣйшихъ гражданъ Полтавскихъ о подтвержденіи отеческаго его предреченныя соборныя Полтавскія церкви наслѣдія грамотою Его Преосвященства: предъ егоже святымъ лицемъ егда стіхи нѣкія отъ учена мужа сотворены, по лобзаніи святыя его десницы, со всякимъ дерзновеніемъ и подобающимъ произношеніемъ велегласно, яже прежде предъ матерію своею и дядемъ своимъ, аще и много отъ нихъ нудимъ бѣ, изглаголати не возможе; толико возрадовася Его Преосвященство, яко благословивъ его, таковая велегласно произнесе словеса: быть тебѣ наслѣдникомъ. Сіе же бѣ не отъ велегласно и сладкоглаголанія стіховъ

онѣхъ, но отъ Божія откровенія: провидя бо въ немъ благодать Божию, имущую явитися во свое время въ сладкоглаголаніи и поученіи ко спасенію душъ. И давъ грамоту матери его подтвердителную о его предреченныя церкви наслѣдіи, отпусти съ благословеніемъ: повелѣвъ матери его вдати его въ школы Кіевскія обученія ради внѣшняго ученія. Яже возвратившися въ домъ свой въ Полтаву, по нѣкоемъ времени немедленно посла его въ Кіевъ ученія ради: въ немже лѣтъ три со усердіемъ обучашеся грамматическому ученію всякаго лѣта по обычаю школьному іуніа или іуліа мѣсяца отъяздя въ домъ къ матери своей, и пребывая тамо яко два мѣсяца; и совершенную имѣя свободу, ни въ чемже тако упражняшеся, якоже въ чтеніи книгъ святыхъ. Отъ нихже паче и паче утверждашеся въ непремѣнномъ намѣреніи своемъ о монашествѣ. Еще же и совершеннѣ уразумѣвъ, яко безъ добрыхъ дѣлъ то есть безъ прилѣжнаго храненія заповѣдей Христовыхъ, единою православною вѣрою отнюдь спастися невозможно: и положилъ бѣаше таково завѣщаніе въ души своей предъ Богомъ, укрѣпляющей его благодати Его, еже ближняго своего не осуждати, аще бы и очима своима увидѣлъ его согрѣшающа. Извѣстно вѣдая яко единъ есть праведный и истинный живыхъ и мертвыхъ Судія Христось истинный Богъ нашъ, Иже воздасть комуждо по дѣломъ его. Осуждая же ближняго своего достоинство Божіе самъ на себе восхищаетъ, творя себе судію живыхъ и мертвыхъ. Чесого что есть страшнше? Еще же и не имѣти ненавѣсти на ближняго, еже по свидѣтельству святыхъ отецъ болшій грѣхъ есть паче всѣхъ грѣховъ. Еще же отъ всего сердца и души прощати ближнему согрѣшенія, въ надежду прощенія грѣховъ своихъ отъ Бога. Не прощаяй бо ближнему своему согрѣшеній его, отнюдь не будетъ имѣти прощенія грѣховъ своихъ отъ Отца Небеснаго. Сіе убо завѣщаніе его о храненіи заповѣдей сихъ данное предъ

Богомъ, во всей жизни своей сохрани, и насъ всегда поучаше и подвизаше къ дѣланію заповѣдей Божіихъ, по ученію Святаго Писанія, яко паче всего преудобнѣйшему и безтруднѣйшему пути ко спасенію емуже, по силѣ нашей и послѣдовахомъ, и послѣдуемъ благодатию Христовою. Въ чтеніи убо книгъ святыхъ якоже предрекохъ во время въ дому своемъ пребыванія упражняся, наставляешся на храненіе заповѣдей Божіихъ, и на разумъ правый и мудрованіе Святыя Православныя Церкви. Въ приличное же время отъѣздяше въ Кіевъ и пребываше со усердіемъ во ученіи школнѣмъ, въ тыя убо три лѣта аще и не малу ревность имѣвъ и любовь къ монашескому житію, паче же егда и друговъ нѣколикихъ, такуюжде ревность и подобное намѣреніе о монашествѣ имѣвшихъ, стяжавъ. Наипаче же егда и наставника и руководителя къ сему сподобися имѣти въ Братскомъ Богоявленскомъ святомъ монастыри пребывавшаго благоговѣйнѣйшаго іеросхимонаха отца Пахомія, иже въ странствіи нѣкое время и въ пустынѣ поживе, и имѣяше у себе нѣколико и книгъ отеческихъ, иже овогда убо словомъ многія ползы исполненнымъ, овогда же къ чтенію подаваемыми ревность ону въ душѣ его воспаляше. Но обаче и ученіе школное и дотолѣ еще со усердіемъ проходилаше. Въ четвертое же лѣто, чрезъ всю зиму даже до распушенія школъ, еже бываетъ іуліа 15-го дня аще и пребывалъ во ученіи школнѣмъ, обаче уже не съ толикимъ усердіемъ якоже прежде, желаніе бо монашества превозмогаше въ души его, и не попускаше ему болѣе во ученіи пребывать, но понуждалаше его аще бы возможно было скорѣе отрещися міра и быти монахомъ. Къ сему въ немъ ни одинаго успѣянія. Пришедшу же лѣту, оставивъ ѳе, и отъѣхавъ къ матери своей въ Полтаву, яже егда увидѣ его неизреченныя радости исполнися и со слезами благодарящи Богу, яко по двоелѣтномъ времени едва дождалася увидѣти его. Такожде и

онъ зѣло возрадосая сподобився Божією помощію узрѣти ю. Зѣло бо по Бозѣ любяше ю и почиташе яко мать свою. Пребывая убо въ дому своемъ упражняшеся въ чтеніи книгъ святыхъ, и возгаряшеся огнь любви Божія, въ сердцѣ его, и ревность къ монашескому житію и странничеству. Тако ему пребывающу, умысли о намѣреніи своемъ и матери своей совершеннѣ объявити, яже аще и давно уже вѣдѣше о семъ, но отчасти, и сего ради надѣяшеся яко онъ по окончаніи аще и несовершеннолѣтнѣ школьнаго ученія, оставивъ предложеніе свое о монашествѣ, и по закону Хрістіанскому оженився и священникомъ яко наслѣдникъ отца своего ставъ, будетъ о ней яко о матери своей подобающее имѣти попеченіе. И она будетъ имѣти его старости своей подпору и желаемое утѣшеніе. Паче же всего зѣло желаше да не испразднится и родъ ихъ: дванадесѣть бо чадъ имѣяше, ихъ же всѣхъ, кромѣ его единого предъпосла ко Хрісту. Онъ же изъ нихъ единъ точію оста, и тѣмъ въ старости на нѣкое по Бозѣ окормленіе и утѣшеніе, и наслѣдія рода и дому ихъ Величковскихъ уже не оставшагося на возставленіе. Такову убо имѣющей тѣмъ надежду, егда извѣсти ей намѣреніе свое о монашествѣ непремѣнное, то неудобно изрещи якова печаль и скорбь постиже душу ея. Совѣтоваше¹ же и тужаше, многажды же и плакаше, и утѣшиться не хотѣше, и со слезами его увѣщаваше не оставити же истребитися и дому ихъ, еже неизбѣжно послѣдовати иматъ (якоже и послѣдова) изшедшу тебѣ, рече, изъ міра въ монашество. Видя же онъ гражданинъ небесный, такову ея печаль и скорбь, аще и зѣло имѣя къ ней яко къ матери своей любовь, соболѣзноваше о ней душею, но обаче въ намѣреніи своемъ пребывая непреклоненъ. Утѣшаше ю по силѣ своей прося и моля не скорбѣти о его монашества намѣреніи, но паче радова-

¹ Вероятно, описка. По смыслу больше подходит: сѣтоваше.

тися о семь и веселитися и прославляти Бога, давшаго ему Своею благодатию таковой помысль. И на Его всемогущій промысль всю о своемъ окормлении имѣти надежду. Увидѣвъ же яко отнюдь не можаше утѣшитися, но день отъ дне къ болшей еще прилагашеся скорби и печали. Извѣстивъ о намѣреніи своемъ, и о скорби ея духовнику своему: иже совѣтова ему, утѣшенія ради матери своя, яко да не предаеть себе въ болшую печаль, бесѣдовати съ нею смотрителнѣ, аще и поверхнымъ образомъ по ея воли. Приемъ убо отъ духовника своего совѣтъ таковъ и послѣдова: не дерзая уже болѣе о предложеніи своемъ тѣмъ воспоминати. Но бесѣдоваше къ ней таковая словеса, яже угодна ей бяху и утѣшаху душу ея. Извѣщаваше бо ей яко подобаеть ему первѣе окончати школное ученіе, яко де не будетъ крайній невѣжда не могій къ народу хрiстіанскому и единаго проглаголати слова, но да будетъ не точію во священствѣ, но и во ученіи елико мощно будетъ ему прадѣда и дѣда, отца же и брата его наслѣдникъ, иже бывше учени, въ проповѣди слова Божія труждахуся. Таже по окончаніи ученія, аще Богъ возблаговолить, то удостоить и его аще и недостойнаго, якоже степене ихъ, тако и труда въ проповѣди ученія Хрiстова. Таковая убо и подобная симъ словеса слышащи отъ него матери его, не малу приемлюще въ души своей отъ печали оныя отраду. Надѣяшеся бо яко по времени исполнится ея желаніе. Пришедшу же времени ученія школнаго, начать приготавливатися, и отѣхавъ въ Кіевъ, провождающей его матери его; даже до града Решетилковки, разстояніемъ за тридесять верстѣ. Пренощевавше же тамо, отѣхаль онъ въ путь свой, и еще мало проводившей его матери его: таже остановившися мало на единомъ мѣстѣ, и начать матери его аки бы увидѣвшая, яко уже отходить отъ нея невозвратнымъ отхожденіемъ, и яко уже болѣе въ жизни сей маловременнѣй его не узреть, со многими слезами глаголати къ нему, прося его

и моля, и всяцѣмъ образомъ увѣщавая не оставити ея, но пребывати во ученіи школнѣмъ до подобающаго времени. На всякое же лѣто приїздити къ ней по обычаю: да поне на малое время видѣніемъ его имать отраду въ души своей. Такожде и онъ видя ея таковыя неутѣшимыя слезы, и извѣстно вѣдая, яко уже болѣе ея въ жизни сей не имать узрѣти, отъ естественныя его къ ней любви плакалъ и рыдалъ, и припадая къ ногамъ ея просилъ матерняго ея прошенія и послѣдняго благословенія, частѣ со слезами лобызая святую ея десницу. И утѣшая ю аще и смотрителнѣ по предреченному наставленію духовника своего, благопріятными ей словесы. И тако получивъ на путь матерныя ея молитвы и благословеніе разыдошася. Она убо отѣде въ домъ свой плача купно же и тѣша себе, надежду нѣкую имѣя отъ словесъ его къ ней о повиновеніи его; онъ же отѣхалъ въ путь свой. Аще и зѣло сожалѣя о матери своей, помышляя будущую неудобьстерпимую печаль и скорбь души ея, о его невозвратномъ уже отъ нея отшествіи. Обаче и радуся и прославляя Бога, несумнѣнную на Него надежду имѣя яко благодатію Своею сподобить его намѣреніе его самимъ дѣломъ исполнити. Приїхавъ же въ Кіевъ, отпусти вспять съ возомъ къ матери своей привезшаго его, написавъ къ ней яко помощію Божіею, и ея матерными молитвами благополучно приїхаль въ Кіевъ. Оставивъ убо друзей за еже препятствовали ему ко скорому отшествію и наченъ помышляти что сотворю и гдѣ пойду, разжегся же душею къ странствованію изыде изъ Кіева и странствовалъ много, и пострадавъ безчисленно, приїде во единъ монастырь пустынный, идѣже пріять былъ и опредѣленъ въ послушаніе; и егда наста постъ Пресвятыя Богородицы, на Преображеніе Господне постриже его игумень въ расофоръ. Пребываше убо во обители онѣй проходя общее въ церквѣ и трапезѣ послушаніе со усердіемъ, еще же и отъ произволенія своего поварю по-

мощь нѣкую творяше. Овогда воду малимъ бариломъ на двоихъ колесахъ собою привозя, овогда же дрова сѣча, и прочая въ поварнѣ дѣла совершая, съ радостію. И правила церковнаго, во дни убо егда руку подаяше, въ нощи же никогда же оставляше. Не подобаетъ же молчаніемъ покрыти и сіе, еже азъ написавый его житіе, отъ усть его слышахъ, и лишити братій моихъ пользы. Егда азъ изыдохъ изъ міра и пріидохъ ко блаженному отцу нашему въ послушаніе въ монастырь Драгомирну, въ 1766 году, имѣхъ послушаніе въ поварнѣ, и проходя е со всякимъ усердіемъ и страхомъ Божіимъ¹ два лѣта, имѣя отъ него въ души моей неизреченную пользу, таже ослабѣвъ ногама зѣло, и едва могохъ ходити. Единою пріидохъ къ нему, яко отцу чадолюбиву, возвѣщая болѣзнь мою. Онъ же утѣшая мене, отверзъ святая своя уста и рече, нѣсть брате тяжчайшаго послушанія якоже въ поварнѣ, занеже все служеніе на ногахъ. Приложи же и о себѣ глаголати: Егда бѣхъ юнъ, и сподобихся съ неизреченною радостію начало пріяти святаго монашескаго образа, положихъ въ души моей таковое намѣреніе, еже не лежати никогда же, но весь день въ послушаніи на ногахъ, а всю ночь стояти на правилѣ, и стоя, мало пріимати сна. Пребывъ убо въ семъ нѣкое время, и возболѣша ми нозѣ, тако что и ходити не могохъ: принужденъ убо быхъ и нехотящъ оставити намѣреніе мое. Таже положивъ въ себѣ сѣдя пріимати мало сна; обрѣтохъ же лубяну коробочку, и часть единыя страны вирѣзавъ, и тако сѣдя на ней мало пріимахъ сна; егда же усипахъ крѣпко, тогда коробочка мя возбуждала, она превратится, а я съ ней упаду, и возбудившись до церкви бѣжу смотрѣти, не проспалъ ли начала утрени, и егда видѣхъ церковь заключенну, тогда съ радостію возвращахся въ келлію благодаря Бога. Нѣкогда же привниде бесѣда о

¹ Так в рукописи.

многоспаніи: глаголаше бо блаженный къ намъ присно: не много спите; единою укоряя насъ глагола: азъ въ юности молихся Богу чотыредесять дней, чтобы не спати много; и получивъ отъ Господа, что доволно мнѣ было три часы въ сутки на сонъ. Нынѣ же, аще случится заснути мнѣ три часы, то вмѣняю велію благодать Божию: многожды бо желаю поне единъ часъ уснути и не могу. А вы себе волею въ разслабленіе сна предаете отъ лѣности, не хотяще подвизатися. Паки же возвратимся къ первому бесѣдованію. Тамо убо ему во обители онѣй подвизающуся, и тихо и мирно пребывающу, Божіемъ попущеніемъ воста гоненіе на обитель ону, и на вѣру православную, отъ злославныхъ властей полскихъ. Пришедъ бо отъ управителя страны тоя единъ сановитый мужъ во обитель ону, повелѣ собратися всѣмъ монахомъ въ келлію игуменову, и начать многоразличными словесы увѣщавати ихъ къ соединенію злочестію своего. Егда же увидѣ яко отнюдь не восхотѣша преклонитися на злочестіе его, разгнѣвася, и вшедъ въ церковь преписа вся сосуды церковныя, изшедъ же изъ церкви заключи ю и запечатлѣ печатію своею, и вземъ ключи отъ церкви отъиде съ великимъ гнѣвомъ и прещеніемъ. Сего ради не малое бысть смущеніе во обители онѣй. Увидѣвше бо отцы святіи яко уже болѣ единаго мѣсяца церковь стояше затворена, начаша нѣщыи отъ нихъ расходитися гдѣ кто изволяше. Блаженный же видя таковое гоненіе на вѣру православную отъ злославныхъ, моляшеся Господеву да имиже вѣсть судьбами наставитъ его на путь Свой. По Божию же смотренію два монахи тояжде обители, идоша въ Кіевъ, съ ними же и онъ, пришедшымъ же имъ тамо прияти быша въ Кіевопечерскую Лавру, и опредѣлиша онѣхъ монаховъ на иная послушанія, а его въ типографію учитися рукодѣлію иконы изображати на мѣди. Келлію же ему опредѣлиша среднюю во ікономскомъ ряду, въ нейже единъ іеромонахъ и

ієродіаконъ перебуваху. Приходѣше же онъ ко учителю своему ієромонаху Макарію дважды на день, и обучашеся отъ него рукодѣлю оному. Онъ же его по Богу любяше за его молчаніе, кротость и смиреніе. Паче же егда совершеннѣ увѣрися о немъ, яко отъ словесъ его и разговоровъ яже съ приходящими къ нему имѣяше, никомуже поне и единаго слова не извѣщаше, зане въ юности его сей бѣ въ немъ аки естественъ обычай: чтолибо видѣ или слыша отнюдъ никомуже отвѣщаваше, но внимаше точію себѣ. Егда же наста святой и Великій постъ, поиде къ началнику Далнія пещеры преподобнѣйшему отцу Іоанну ієросхимонаху, и исповѣдавъ предъ нимъ всю свою совѣсть. Иже по совершеніи тайны святыя исповѣди, сирѣчь по прочтеніи молитвы прощальныя, со слезами рече къ нему. Се чадо, якоже уразумѣхъ отъ исповѣди твоя, Богъ имиже вѣсть судьбами сохранилъ ты есть въ мірѣ даже доселѣ отъ великихъ грѣхопадений. И аще бы житіе твое было нѣгдѣ въ пустынной обители, подѣ наставленіемъ искуснаго старца, то негли помощію Божією возмогъ бы еси сохранитися душею и тѣломъ и до смерти, поне отъ главнѣйшихъ согрѣшеній. А понеже произволилъ еси въ сей святѣй Лаврѣ, яже посреде міра обрѣтается съ нами грѣшными пребывати, то зѣло боюся да не како яко младъ еще сый постраждеши послѣднее и крайнее души твоя разореніе, егоже и въ мірѣ живый не пострадалъ еси. Разоренію же такому вина есть, аще дружество будеши имѣти съ такими иже юни суть и лѣти и разумомъ, и неутверждени душами въ страсъ Божіи. Дружеству же такому и душегубителному вину подаси, аще будеши употребляти каковоелибо пїянственное питіе. Аще убо хочеши отъ всея души твоя спасенія души твоей, то совѣтъ тебѣ по Бозѣ преподаю отнюдъ не пити никоегоже пїянственного питія: тако бо помощію Божією и отъ дружества погубительнаго, и отъ крайняго разоренія души твоя убѣгнути возмо-

жеши. Сія рекъ вопроси его глаголя: можеш ли, чадо, такому совѣту моему послѣдовати дѣломъ? Онъ же извѣсти ему, яко отъ рожденія своего горѣлки не пивъ, зане и естеству его таковое питіе противно есть, и отнюдъ не можетъ его употреблять. И яко совѣтъ таковъ душеполезный отъ него, яко отъ устъ Божіихъ съ неизреченною радостію вседушнѣ пріемлетъ, и самимъ дѣломъ Богу укрѣпляющу его исполняти будетъ. Онъ же о семъ зѣло возрадовался рече къ нему: аще, чадо, совѣту моему по обѣщанію твоему дѣломъ послѣдовати будеши, то вѣрую Богови яко благодатію Своею сохранить тя отъ всякаго душевнаго вреда. Извѣстно же да вѣси яко тѣи иже восхотятъ тебе къ содружеству своему привлеци, много сотворятъ тебѣ стуженіе, къ себѣ зазывающе, и всякимъ образомъ убѣждающе тебе пити пѣяственный напитокъ съ ними; аще же на сіе отнюдъ не повинешися, то будутъ укоряти тебе и безчестити, гнѣватися на тебе и злопомнѣти. Но ты Богомъ укрѣпляемъ вся претерпѣвай, воли же ихъ никакоже покаряйся. Но елико возможеш бѣгаи отъ еже съ таковыми дружество имѣти, отъ сего бо вся злая раждаются, сіе же искушеніе будеши имѣти до нѣкоего времени. Увидѣвше бо ты таковіи яко отнюдъ не піеши пѣяственного питія, еже есть вина неполезному дружеству, престануть тебѣ о семъ стужати, и дадутъ ти покой, и будеши имѣти преглубокій миръ въ души твоей. Онъ же пріемъ таковый душеполезный совѣтъ зѣло возрадовался, и поблагодаривъ ему изыде прославляя Бога яко сподобилъ его отъ таковаго святаго мужа наставленіе духовное пріяти. Не піяше же по совѣту его ни единого пѣяственного питія, кромѣ води или кваса каковаголибо. По слову же его вся сбышася: и стуженіе бо не малое доволное время отъ таковыхъ имѣяше, и миръ глубокъ послѣжде отвсюду обрѣте, тихо и мирно въ Лаврѣ святѣй пребывая. Любяху же его и вси началствующіи отцы тоя святыя Лавры.

**Повесть о матери его,
что случися ей по отшествіи его отъ нея**

Мребывающу ему въ сей святѣй Кіевопечерской Лаврѣ, наставшу лѣту, прииде на поклоненіе въ Кіевъ невѣстка его, сожителница покойнаго брата его Іоанна священника, съ братомъ своимъ роднымъ Θεодоромъ и дядею его Сумеономъ. Пришедшымъ же имъ на поклоненіе во святую Кіевопечерскую Лавру, придоша и къ нему въ келлію его, и сѣдшымъ по обычаю и бесѣдующымъ съ нимъ, начатъ невѣстка его повѣдати ему о матери его: яко мати твоя, рече, по отшествіи твоємъ въ Кіевъ ученія ради, пребываше въ дому своемъ со мною, овогда плакаше яко не видяше тебе, овогда же и утѣшая себе надеждою яко не оставиши ея. Егда же чрезъ надежду ея прииде вѣсть изъ Кіева къ ней яко уже ты невѣдомо гдѣ изъ Кіева отшелъ еси, толь неисповѣдимая печаль объять душу ея, яко неутѣшимо плакаше и рыдаше. Таже не могуци утѣшити себе отъиде въ Кіевъ на взысканіе твое зимѣ належашей великой, идѣже прихавшей ей, искаше тебе всюду прилѣжно по святымъ обителемъ Кіевскимъ и скитамъ. Егда же отнюдъ не обрѣте тебе, возвратися въ домъ свой съ неизреченною нуждею, мало бо не умре въ пути отъ зѣло прелютыхъ мразовъ. Прихавши же въ домъ непрестанно плакаше и рыдаше день и ночь никомуже могущу утѣшити ея. Таже егда по доволномъ времени нестерпимая печаль и скорбь пооблада душою ея, не могуци уже болѣе терпѣти, умысли дотолѣ не ясти ни пити дондеже умреть. И оттолѣ никтоже можаше увѣщати ея, или убѣдити поне мало вкусити пищи или питія, по малѣхъ же днехъ толь изнеможе отъ неяденія яко умъ ея не можаше уже здраво дѣйствіе свое совершати, но начатъ мѣшатися, тѣмже и бесѣдоваше овогда здраво, овогда же невѣдомо что. Таже изнемогши въ конецъ ляже на одрѣ своемъ, чая уже

скоро умрети. Собрашася же и мнози отъ сродникъ ея, и не отходно присѣдаху при ней зѣло сожалѣюще о ней. Таже увидѣвши нѣкое видѣніе ужасеся, и начать зѣло прилѣжно молити сродниковъ, яко да скоро дадять ей книгу глаголемую Акаѳистикъ¹, давшимъ же ей начать гласно чести Акаѳистъ Пресвятѣй Богородицѣ безъ всякаго погрѣшенія, яко всѣмъ о семъ удивитися; и егда совершаше, паки начинаше чести тойжде Акаѳистъ. Егда же прочте нѣколико кратъ, восхотѣша взяти книгу тую изъ рукъ ея, но не возмогоша: зѣло бо крѣпко держаше ю въ рукахъ своихъ непрестанно чтущи тойжде Акаѳистъ. И познаваху сродницы яко видящи нѣчто, чтеніемъ непрестаннымъ Акаѳиста защищаше себе. Егда же преиде день единъ и ноцъ чтущей ей Акаѳистъ, сѣдящимъ близь ея сродникомъ и взырающимъ на ню, лежащсй ей на одрѣ, абіе внезапно воззрѣ очима своима горѣ, и стояху очи ея неподвижно водружени зрѣніемъ горѣ мало не на полъ часа, всѣмъ удивляющимся о семъ и недоумѣвающимъ, что имать быти. Таже воззва велегласно: аще тако есть воля Божія, то уже отселѣ не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ. Сродницы же со ужасомъ вкупѣ и радостію услышавше сіе начаша прилѣжно вопрошати ю, что видѣла есть. Она же ничтоже на сіе отвѣщавающи, моляше ихъ, яко да призовутъ къ ней духовника ея. Призвану же бывшу духовнику, исповѣда ему вся яже имѣяше, по исповѣди же обратися совершенно умъ ея къ ней. Отшедшу же духовнику внидоша къ ней сродницы, и начаша паки вопрошати ю, что видѣла есть, уразумѣвше же яко превеликія ради слабости тѣлесныя, отъ нея же едва жива остася, не можаше съ ними бесѣдовати. Начаша убо первѣе пещися о укрѣпленіи ея, вливающе ей ложницею воду во уста, таже и пицу подаваху ей зѣло легкую, варяще вареніе рѣдкое и ложницею питающе ю своими руками, аки малое отроча, дондеже по малу и сама начать

¹ Так в рукописи.

пріимати пищу. Егда же укрѣпися мало воздвигоша ю на одрѣ и посадиша, сѣдящи же начать повѣдати имъ видѣніе свое еже видѣ. «Яко азъ, — рече, — егда уже отъ толь много неяденія въ конецъ ослабѣхъ, и чаяхъ скоро умрети, пріидохъ во ужасъ великій, и увидѣхъ множество бѣсовъ зѣло престашныхъ и мрачныхъ, покушающихся напасти на мя, отъ ихже видѣнія зѣло ужасшейся душѣ моеи, начахъ просити книги Акафѣстика, пріемши же ю, прилѣжно чтяхъ Акаѣистъ Пресвятѣй Богородицѣ непрестанно, всю мою на Ню по Бозѣ возвергши надежду, и чтеніемъ Акаѣиста защищахъ себе отъ нападенія бѣсовъ: слышаще бо мя чтуща Акаѣистъ трепетаху отъ страха, и стояще издалеча отнюдь не смѣяху приблизитися ко мнѣ. Сего ради и егда хотѣсте книгу ту изъ рукъ моихъ взяти зѣло крѣпко держащи ю рукама моима не дахъ ея вамъ: въ таковой бо нуждѣ суши, чтеніемъ точію Акаѣиста защищахъ себе отъ бѣсовъ. Егда же преиде день и ночь чтущей мнѣ непрестанно Акаѣистъ, абіе быхъ въ восторзѣ и воззрѣвши горѣ видѣхъ небеса разверста и Ангела Божія аки молнію зѣло пресвѣтла шедша съ небесе, иже ставъ близъ мене начать глаголати ко мнѣ: "О окаянная, что сотворила еси. Вмѣсто бо еже отъ всея души и отъ всего сердца твоего возлюбити тебѣ Хріста Господа и Создателя твоего паче всякаго созданія, ты созданіе Его, сына твоего паче Его Создателя твоего возлюбила еси его, и богопротивныя ради и неразумныя любве твоя юже къ сыну твоему имаши, умыслила еси саму себе гладомъ уморити, и за сіе вѣчному осужденію Божію подпасти. Аще бы сынъ твой оставивъ тебе, уклонился въ разбойническое житіе, или во иное беззаконное, то и тако не подобаше тебѣ безмѣрно скорбѣти, всякъ бо о себѣ воздасть отвѣтъ въ день судный. Сынъ же твой по воли Божіей отшедъ отъ тебе въ монашеское житіе, подобаше ли тебѣ тако отчаянно скорбѣти и погубляти душу твою. Извѣстно же вѣжды яко сынъ твой благодати Божіей споспѣшествующей

непремѣнно будетъ монахомъ. Подобаеть же и тебѣ подражающей въ семь сына твоего, отринути всю о немъ скорбь, и отрещися міра и всѣхъ яже въ мірѣ и быти монахиною: тако бо есть воля Божія. Аще ли же таковой воли Божіей будеши противна, и печали и скорби таковыя отчаянныя, юже о сынѣ твоємъ имаши, отъ всего сердца и души твоя не отринеша, то тако Христа Господа Бога и Создателя моего, яко абіе ты предамъ бѣсовомъ ждущымъ пояти тя, яко да поругаються отъ души и тѣла твоего, яко да научатся и прочіи родителіе не любити чадъ своихъ паче Бога". Таковая и подобная симъ Ангелу Божію рекшу ко мнѣ, возопихъ, аще тако есть воля Божія, то уже отсель не имамъ скорбѣти о сынѣ моемъ, и абіе исчезоша бѣсы, Ангель же Господень радуясь взыде на небо». Сродницы же слышавше сія отъ нея ужасающеса прославляху Бога, яко имиже вѣсть судьбами Своими избави ю отъ таковыя отчаянныя скорби и самоизвольныя смерти, и даде ей животь и здравіе и произволеніе къ монашескому житію. И веселящеса о семь отъидоша въ дома своя. Мати же твоя, рече къ нему невѣстка, помощію Божією пришедши въ совершенное здравіе, аще и часто о тебѣ плачетъ отъ естественныя къ тебѣ любве, но поминая обѣтъ данный предъ Богомъ не скорбѣти о тебѣ безмѣрно, удержаваетъ себе отъ таковыя скорби по силѣ своей, и приуготовляется вседушнѣ оставити міръ и вся яже въ мірѣ и пойти въ монастырь дѣвичій Святопокровскій, пять верствъ отъ града Полтавы отстоящій, во еже сподобитися тамо святаго и ангелскаго монашескаго образа, идѣже и мати ея, твоя же баба начальница монастыря того, еще въ живыхъ обрѣтается, и сестра ея родная, твоя же тѣтка госпожа Агапіа монахиня въ томъже монастыри пребываетъ. Сія же ему повѣдавши невѣстка его и совершивше поклоненіе святымъ мощемъ возвратися съ миромъ въ Полтаву въ домъ къ матери его. Блаженный же вся сія и подобная симъ отъ нея услышавъ, зѣло ужасеса душею

своею о семь, яко отшествиємъ своимъ отъ матере своея, толь превеликую и нестерпимую и ненадежную скорбь нанесъ души ея, яко гладомъ умыслила бѣ саму себе уморити, аще не бы всемогущій промысль Божій дивнѣ отъ смерти таковыя избавилъ. Возрадовася же и радостию неисповѣдимую, яко повинувшися воли Божіей, воспріяла намѣреніе быти монахиною. Вшедши бо въ монастырь той пострижеса, и пребывши во иночествѣ подвижащися о спасеніи души своея съ десять лѣтъ и болѣе, преставися ко Господу.

Пребывающу же блаженному во святѣй Кіевопечерской Лаврѣ зѣло пользовашеса душою, видѣ бо тамо изъ святыхъ отецъ онѣхъ подвижники великія и постники дивныя, изъ нихже первый бѣ предреченный начальникъ Далныя пещеры отецъ Іоаннъ іеросхимонахъ прозваніемъ Кмита, иже бѣ соборный духовникъ. Сей закупѣ съ покойнымъ блаженныя памяти старцемъ отцемъ Васіліемъ прежде пришествія еще его во Угровлахійскую землю въ пустынѣ поживе лѣтъ три.

Вторый, всечестный отецъ Павелъ іеросхимонахъ, и въ мірскомъ житіи бѣ священникъ великія похвалы достойнаго житія, постригся же монахомъ, и за великую его добродѣтель посланъ бѣ въ Китайское государство во обрѣтающійся тамо монастырь, идѣже преживъ определенное время, отпросился на житіе въ Кіевопечерскую Лавру, въ нейже богоугодно пребывая, имѣяше отчасти и книги отеческія, отъ нихже нѣкія и даяше на прочтеніе удостояя его и душеполезныя своя бесѣды и много пользоваше.

Третый, сынъ святаго мужа сего по плоти, Θεоктість іеромонахъ¹ начальникъ иконописцевъ, зѣло благоговѣйнѣйшаго житія, кроткій и смиренный и всѣми добродѣтелми украшенный и великій воздержникъ.

¹ В рукописи: іермонахъ.

Четвертый, отецъ Іларій іеромонахъ Великороссіецъ, иже близъ Далнія пещеры въ саду въ келліи пребываше, крайнымъ воздержаніемъ и пощеніемъ зѣло истая тѣло свое, яко взирая на священнолѣпное лице его ужасашеся о истаяніи его, мняшеся бо мнѣ, кожею точію покровено быти, и отъ самага воззрѣнія на него всякъ пользу великую пріимаше.

Пятый, иже на тойжде Далней пещерѣ пребываше схимонахъ единъ, иже чотыредесять лѣтъ и болѣе вождаше поклонниковъ по святѣй пещерѣ сей, крайнее воздержаніе и пощеніе проходя, ношаше на голомъ тѣлѣ своемъ срачицу сплетену съ толстаго дрота¹ обращену острою внутрь, долготою до пояса; иже остроты ради тоя отнюдъ на одрѣ не лежаше, но сѣдя мало пріимаше сна.

Шестый, подначалій ковалскій², великій воздержникъ и подвижникъ, иже желѣзо на себѣ ношаше чотыредесяти фунтовъ тяготою, сей по Бозѣ любяше его, къ немуже приходя пользовашеся отъ духовныя бесѣды его.

Седмый, отецъ Никандръ началникъ надъ варивомъ, такожде великій подвижникъ, и сей по Бозѣ его любя, частѣ къ себѣ призываше и бесѣдоваше словеса душеполезная, ношаше же и сей на себѣ поясъ желѣзный тринадесяти фунтовъ тяготою.

И прочіи же мнози тамо бяху велицыи подвижницы, на нихже взирая радовашеся и прославляше Бога, яко сподобилъ его съ таковыми святыми мужы пребывати. Умиляшеся же блаженный, пребывая тамо, отъ внѣшнія красоты, и отъ внутренняго церковнаго благочинія, сладкопѣнія и чтенія, наипаче же отъ мощей преподобныхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ чудотворцовъ Печерскихъ, и весь растопляшеся любовію къ тому святому мѣсту.

¹ Дротъ — проволока.

² Подначалій ковалскій — помощник кузнеца.

А понеже не исполнися первоначальное его намѣреніе, еже бы изыти изъ міра въ странничество, съ предреченными возлюбленными своими други, и пребыти въ безмолвіи у нѣкоего богоугоднаго мужа во святѣмъ послушаніи. Ниже самъ изшедъ въ странничество сподобися, аще и отъ всея души поискавъ принять быти въ послушаніе отъ пустынножителя Ісѹхїа, того ради положилъ бѣ вседушнѣ во святѣй той Лаврѣ неисходно даже и до послѣдняго своего издыханія пребыти. Пребывая же въ ней съ неизреченною радостію болѣе года, не имѣя прочее ни тончайшаго помысла изыти нѣгдѣ когда отъ нея.

Единою же повидѣвъ его всечестный въ монастѣхъ предреченный подъяначалый ковалскій позва въ келлію свою; и повелѣвъ сѣсти взирая нань съ жалостію, начать глаголати къ нему: «Брате возлюбленный, зѣло жалѣю о тебѣ за сіе, яко ты отъ сея святыя Лавры и отъ насъ отъидеши, и пойдеши во ино мѣсто, идѣже тя Богъ наставитъ». Онъ же паче чаянію слышавъ сія отъ него, зѣло удивився о семъ, глагола къ нему: «Вѣру ми ими, пречестный отче, яко азъ и тончайшаго помысла о исхожденіи отъ сея святыя Лавры не имамъ, но предложеніе имѣю, аще мнѣ Богъ поможетъ, и до послѣдняго моего издыханія неисходно пребыти въ ней, и живу здѣ съ радостію благодаря вседушнѣ Богови, яко сподоби мя въ семъ святѣмъ мѣстѣ со святыми отцы пребывати». Онъ же рече къ нему: «Извѣстно да вѣси, брате, яко по малѣ времени слово мое самымъ собудетъ дѣломъ, и инако не будетъ, и тогда вѣровати имаша яко истинну тебѣ глаголахъ». Онъ же, вѣдая его велика подвижника суца, не смѣя болѣе прекословити ему, поклонися ему изыде изъ келліи; и пришедъ въ келлію свою зѣло удивляшеся о словеси его, помышляя како можетъ сіе быти, идѣже и помысла тончайша о исхожденіи моемъ отъ сего святаго мѣста не имамъ. Пребывшу же ему въ непрестанномъ

размышленіи семь нѣколико дней, приде посѣтити его любезный и единомушный другъ Алексій родимецъ Кіевскій, по обычномъ же другъ друга поздравленіи сѣдѣющимъ имъ вкупѣ и бесѣдующимъ, начать глаголати къ нему: «Возлюбленный мой отче и единомушный о Господѣ друже, помяни, яковъ мы завѣтъ въ душахъ нашихъ положили бѣхомъ не постригаться и не жити въ таковыхъ обителехъ, идѣже всякое изобиліе во всякомъ тѣлесномъ упокоеніи обрѣтается. Но изшедшимъ изъ міра въ странничество и постригшимся на безмолвіи отъ нѣкоего мужа, пребывати у него во святѣмъ послушаніи другъ со другомъ неразлучно до послѣдняго издыханія, нужную пищу и одежду отъ праведнаго труда рукъ своихъ стяжавающимъ. Таковъ завѣтъ въ душахъ нашихъ имѣхомъ утверждень. И се якоже вижду оставилъ еси намѣреніе оно, изшедъ бо въ странничество и сподобився монашескаго образа вмѣсто еже пребывати въ безмолвіи, паки во отечество наше возвратився, въ сей святѣй обители противу завѣту нашему пребываеши». Онъ же рече къ нему: «Таковъ воистинну завѣтъ, возлюбленный друже, якоже реклъ еси, имѣхомъ въ себѣ, но исходя изъ міра, ни со единымъ отъ любезныхъ нашихъ друзей не сподобихся въ странничество изыти. Возлюбленный бо нашъ другъ Димитрій, исходящу мнѣ изъ міра въ странничество, не послушавъ моего совѣта остася въ мірѣ. Азь же самъ изшедъ въ странничество, и не сподобився у нѣкоего свята мужа на безмолвіи пребывающаго, аще и со многими слезами молихъ его, во святое послушаніе принять быти. И аще въ нѣкоей пустынной обители и сподобихся начало святаго монашескаго образа воспріяти, но ово не имѣя единомушнаго друга, ово же приключившейся и нѣкоей во обители онѣй благословной винѣ, возвратився во отечество свое пребываю въ сей святѣй обители». Онъ же рече къ нему: «То уже отселѣ не имаша ли намѣренія нѣкогда изыти

отсюда?» Блаженный рече къ нему, яко и тончайшаго помысла о семъ не имамъ. Онъ же рече къ нему: «Аще ли же быхъ азъ восхотѣхъ съ тобою изшедь въ странничество пребывати неразлучно на пустыни, то не изшелъ ли бы еси со мною?» Блаженный рече къ нему: «О возлюбленный друже, аще бы могло сіе быти, то абіе съ радостию изшелъ быхъ съ тобою». И тако согласившеся изыдоша: и прешедшу предѣль¹, удержани быша отъ сродника Алексіева, таже приехала мати и взяла Алексіа; и кто можетъ изрещи, яково тогда между ими слезное бяше разлученіе. Алексій взять матерію въ домъ и не хотящъ, плача и рыдая о друзѣ своемъ. Блаженный же слезя и плача разлучився, со инѣми поиде, и приидоша въ монастырь Живоначалныя Троицы именуемый Мотренинъ, благополучно: идѣже и пріять ихъ съ радостию создатель тоя обители пречестнѣйшій схимонахъ отецъ Игнатій. Приидоша же въ началѣ Святаго и Великаго поста. И обрѣтоша тамо пречестнѣйшаго іеросхимонаха отца Міхаила старца; къ немуже частѣе приходя пользовая, между прочіими же бесѣдами, объяви старецъ, яко на нѣкое время точію прииде тамо, имѣеть же въ Монтянскоѣ земли скитъ свой и братію, и по времени возвратитися имать къ нимъ. Тогда и блаженный возвѣсти ему намѣреніе свое, яко имѣеть желаніе тамо ити и жити въ оной земли, идѣже Богъ благоволить. Старецъ же зѣло возрадовался, и похваливъ намѣреніе его, совѣтовавъ же ему ити въ скитъ свой именуемый Треистены, въ немже ученикъ его отецъ Дометій іеромонахъ съ братією пребываше, и тамо ожидати пришествія его.

Блаженный же таковый совѣтъ отъ него услышавъ возрадовался, и ожидаше дондеже святой и Великий постъ скончится. По пресвѣтлѣмъ же праздницѣ Воскресенія Хрїстова, приспѣвшу уже времени отшествовїа,

¹ Глосса на полях: границу.

согласившеся со спутники честными троими монахи, и приготоуишася въ путь, поблагодаривше же строителю тоя святыа обители и взявше благословеніе, придоша въ пустынную келлію къ старцу, иже съ великою радостію и любовію пріять ихъ, учредивъ сугубо тѣлесною пищею, и духовною душеполезною бесѣдою; моливъ же блаженный онаго святаго старца и о предреченнѣмъ своемъ духовнѣмъ друзѣ Алексіи, аще Богъ неисповѣдимыми Своими судьбами изведъ его къ святыни его приведетъ, да пріиметь его яко отецъ чадолюбивый, яко чадо свое духовное къ себѣ, и съ собою возьмъ въ предреченный свой скитъ приведетъ, повѣдавъ ему подробну вся о немъ. Старець же с радостію обѣщася прошеніе его исполнити. Таже взявше благословеніе на путь изыдоша. Шестующе же многи дни, благополучно достигоша въ Монтянскую землю, и придоша во единъ скитъ святыхъ Архангель именуемый Долгоуцы, иже бѣ подъ духовнымъ управленіемъ блаженныа памяти старца отца Васіліа схимонаха; въ немже начальникъ бѣше честный отецъ іеромонахъ ученикъ его, иже съ великою радостію пріять ихъ и упокои страннолюбнѣ. Увидѣша же тамо и нѣкихъ честныхъ отецъ на отшелствѣ сѣдящихъ, разума и разсужденія духовнаго исполненныхъ, и польовашеся отъ бесѣды ихъ. Пребываше же тамо нѣколько дней, и благодаривше отцу начальнику отыдоша, и Божіимъ поспѣшествомъ придоша въ скитъ святителя Хрїстоуа Николаа именуемый Трейстены, отъ предреченнаго скита мало не одинаго дне разстояніе имущій. Егоже начальникъ вышереченный отецъ Дометій іеромонахъ съ великою любовію пріять ихъ и упокои. Въ скитѣ онѣмъ во общинѣ до дванадесяти братій пребываху, прочіи же до пятнадцати братій на отшелствѣ близъ скита сѣдаху, все окормленіе житія своего въ пици и одежди отъ праведнаго труда рукъ своихъ имуще. На все правило же церковное вси обще и общежителніи и отшел-

ницы собирахуся. Воспомяну же единого изъ отшелниковъ: бѣ тамо схимонахъ Протерій родомъ Малоросіанинъ Полтавскаго полку изъ града Решетилówki, въ мѣрѣ художествомъ бѣ златарь. Сей въ монашествомъ зѣло прекрасныя ложки дѣлая и продая, съ неисповѣдимою любовію странныхъ монаховъ пріемля угощаваше. Отъ веліяго же милосердія¹ своего, многоразличныхъ по воздуху летающихъ птицъ питаше, изобилную имъ во время приличное подавая пищу, яже собирающеса къ келліи его на всякъ день ожидаху времене онаго, емуже пришедшу отверзаше окно келліи своя, и влетающе въ келлію его безъ всякаго страха, ядоху подаваемую имъ пищу; изъ нихже яковулюбо хоташе браше на руцѣ свои и поглаждаше и выпускаше, и отнюдъ не бояхуся его. Насыщешся же пищи, излетаху вонь. Егда же идяше на правило церковное, множество изъ нихъ собирающеса провождаху его идуща къ церкви, овы же окрестъ его летающе, и многоразличными гласы своими поюще. Егда же имѣаше въ дѣры церковныя внити, то вси возлетающе на церковъ, ждуще изшествія его. Изшедшу же ему изъ церкви, абіе слетаху и сѣдаху на немъ подобнымъ чиномъ провождающе его даже до келліи. Сіе видя азъ, рече блаженный, со всѣми, веліимъ удивленіемъ удивляхся и прославляхъ Бога, яко сподоби мя такового Своего угодника узрѣти. Въ скитѣ же ономъ пребывающіи созидаху келліи, самому началнику въ семь и во всякомъ дѣлѣ первому со братією труждающемуся, иже ему яко немощну и слабосилну легшее вручаше дѣло, еже по силѣ моеи со усердіемъ тщашеса и совершати. Пребываніе же его бѣ въ трапезѣ, яже за скудость келлій таяжде бѣ и поварня и пекарня. Въ нейже пребывая, и видя на тое святое послушаніе опредѣляемыхъ братій по единому, сирѣчь варити снѣди и хлѣбъ пекти, зѣло

¹ В рукописи: милоседія.

бояшеся, да не како и онъ опредѣленъ будеть нѣкогда на сіе святое послушаніе: не яко презирая тое, да не будетъ, но яко отнюдь въ семь дѣлѣ невѣжда сый, и мнѣніе имый яко сего святаго дѣла отнюдь не возможе научитися. И чего бояшя, того не убѣже. Единою бо случися всѣмъ братіямъ съ начальникомъ готовящимся нѣколько дней ходити въ лѣсъ уготовленія ради древесъ на строеніе келлій, призвавъ его начальникъ повелѣ нѣколькое время варити ястія на братію, онъ же за крайнее неискусство свое ужасеся, съ великимъ стыдѣніемъ извѣстивъ ему совершенное свое въ семь святомъ послушаніи невѣжество. Онъ же уразумѣвъ о семь, остави со нимъ единаго брата яко да покажетъ ему чинъ сего послушанія. Той же научивъ его отчасти, отъиде въ лѣсъ ко братіи. Онъ же отъ неискусства забывъ его наставленіе: не вѣдяше, что на предѣ, чтоже послѣжде подобаеть творити, и овогда варенію избѣгающе хотя отъ огня отставить опаляше руцѣ и превращаше горщокъ, и изливашеся вареніе, и въздыхаше о семь и плакаше. И паки уготавлиаше зеліе, полагаше горщокъ на огни и варяше снѣдь. И братія во обычное приходяще время и не обрѣтающе готово вареніе отчасти скорбяху. И сами доваривше поставляху трапезу. Таже помощію Божіею приучися мало сему святому послушанію и радовашеся благодаря Богови, яко сподобилъ его упокоевати братій службою своею. Егда же приучився мало поварстѣй службѣ, восхотѣ начальникъ да обучится и хлѣбъ пекти. Идущымъ убо паки всѣмъ у лѣсъ предреченныя ради potrzeby, повелѣ единому брату да покажетъ ему чинъ како хлѣбъ пекти подобаеть, и да будетъ на трапезу готовъ. Братъ же онъ показавъ ему якоже подобаеть, но онъ не внявъ и замѣсивъ круто и поставивъ на печи, да скорѣе возможетъ взыти, квасъ же забилъ¹ положить;

¹ То есть: забылъ.

пришедъ же единъ братъ изъ лѣса увидѣти готовъ ли хлѣбъ, и увидѣвъ яко и тѣсто не взыде, вопросы его, квась положилъ ли еси, тогда онъ отъ страха и стыдѣнія не точію отвѣщати, но и на лице его возрѣти не могій, братъ же той видя его ужасшася утѣши его и снявши ношвы¹ съ печи вложи квась и премѣсили второе, и научивъ отъиде въ лѣсъ. Онъ же безмѣрно печь разжегъ отъ неискusstва и спаливъ хлѣбъ на два персты сверху и съ исподу. Таже избравъ хлѣбъ отвсюду обгорѣлый съ печи, ожидавъ со страхомъ пришествія братій. Пришедшимъ же имъ съ лѣса и увидѣвшимъ, и разрѣзавше единъ не можаху ясти, онъ же отъ страха и стыдѣнія не вѣдая что сотворити, припадъ къ ногамъ ихъ со слезами прося прощенія, отецъ же начальникъ со братією простиша его, и сваривше мамалигу² потрапезоваша. И болѣе не полагаху его хлѣбъ пекти. Онъ же единою пострадавъ, оттолѣ прилѣжно внимая како хлѣбъ печется, и тако Богу поспѣшествующу научився и хлѣбъ пекти. И еже въ таковой вещи пострадавъ дѣломъ, за мое неискusstво, то тое и написавъ онъ саморучно братіи приходящей во общество наше, да не ужасаются за свое въ таковыхъ и прочіихъ послушаніихъ неискusstво, Божією бо помощію и своимъ усердіемъ возмогутъ во искусъ опредѣленныхъ тѣмъ послушаній пріити. По малѣмъ же убо времени пріѣде тамо на посѣщеніе братій блаженныя памяти общій всѣхъ учитель и наставникъ старецъ Василій схимонахъ, иже тамо пребывая, многая душеполезная къ братіи изглаголавъ словеса, яже и онъ слышавъ зѣло пользовася и благодаривъ Бога. Зваше же старецъ Василій, чрезъ отца Дометіа, и блаженнаго отца нашего къ себѣ въ сожитіе, онъ же, бояся да не понужденъ будетъ отъ него пріняти священство, тако отвѣща

¹ Ношвы — лоток.

² Мамали(ы)га — каша из кукурузной муки.

чрезъ него, яко азъ не имамъ намѣренія и по исполненіи уставленныхъ лѣтъ, еще живъ буду, въ таковой страшный и ужасный санъ до смерти моя вступить. Сказаша бо блаженному, яко имать тебе и безвременно увѣщавати къ тому. И се вина бысть яко не восхотѣ съ таковымъ мужемъ пребывати. Занеже еще бы у него въ послушаніи пребылъ, то всячески принужденъ бы былъ. Обаче Богу благоволящу того не убѣжа. По отшествіи же старца Васіліа, прешедшу малу времени, прииде всерадостная вѣсть, яко пречестнѣйшій старецъ отецъ Міхаиль іеросхимонахъ, со другомъ его возлюбленнымъ Алексіемъ, и съ прочіими послушники уже приближается ко обители, еже услышавъ отецъ начальникъ и вся о Христѣ братія возрадовашася, и изшедше въ срѣтеніе сподобившася благословенія; вшедше въ церковь Богу о благополучномъ ихъ пришествіи благодареніе сотворше изыдоша. И бысть радость всѣмъ: таже обрѣте блаженный время приличное позвавъ особъ возлюбленнаго своего друга, и давшѣ о Господѣ другъ другу цѣлованіе, моливъ его повѣдати ему, како сподобилъ его Господь изъ своего отечества изыти. Онъ же ему вся подробну повѣдавъ. И прославиша Бога, дивная и преславная творящаго съ ними. Пребывающу же ему во обители оной со другомъ своимъ прежде пострига его, съ велимъ желаніемъ ждаше сего, не подвигнетъ ли когда бесѣды, о намѣреніи ихъ данномъ въ мірѣ бывшемъ, паче же въ Кіевопечерской Лаврѣ данномъ предъ Богомъ, да по изшествіи ихъ изъ отечества ихъ неразлучно другъ со другомъ до послѣдняго своего издыханія пребывати; еяже ради вины, а не коея иная, и изъ Кіевопечерскія Лавры изыде, оставивъ намѣреніе оно еже тамо и жизнь свою скончати, надѣяся съ таковымъ единомышленнымъ другомъ вся дни живота своего пребывая другъ друга побуждати на ревность божественную и на подвигъ духовный монашескій, и на всякое дѣло благое, выну упрядняюще-

ся въ чтеніи Божественнаго Писанія, и ученіи богоносныхъ отецъ, пищу и вся нужная стяжавающе отъ праведнаго труда рукъ своихъ. О такомъ намѣреніи съ великимъ желаніемъ собесѣдованія отъ него ожидая, не случися отъ него ни поне единое слово почути прежде пострига его, колми паче по постризѣ; но видя его о семь ни слѣда имуща предложенія, удивляшеся удивленіемъ не малымъ, како намѣреніе свое, во всесовершенное положилъ есть забвеніе. И недоумѣвашеся что творити. Уже бо отъчасти и раскаявашеся о изшествіи своемъ отъ святыя Кіевопечерскія Лавры, яко Божиими недовѣдомыми судьбами не сподобився житіе свое препровождати съ возлюбленнымъ другомъ своимъ. Воспоманути же ему о обѣщанномъ предъ Богомъ намѣреніи отнюдь не смѣяше, занеже въ юности своей зѣло несмѣлый и срамжливый обычай имѣяше. Но возложивъ себе на всемогущій промыслъ Божій моляше Его благостыню устроити о житіи его, якоже угодно есть святой Его воли. Намѣреніе его о совокупномъ и нераздѣльномъ пребываніи съ предреченнымъ своимъ другомъ, не бѣ таковое, да отлучившеся отъ отецъ и братій наединѣ гдѣ безъ послушанія и совѣта духовнаго отца пребываютъ, или да онъ ему будетъ наставникъ; но да въ послушаніи нѣкоего богодухновеннаго и въ Писаніи Святомъ, и ученіи богоносныхъ отецъ искуснаго мужа пребывающе, другъ друга побуждаютъ на всякое дѣло благое. Таковое его бѣ намѣреніе, а не инаково. Обаче промысломъ Божиимъ сего не получивъ. О несбытіи же сего его намѣренія, ни тончайшаго помысла скорбна на друга своего не имѣяше, но всю вину возлагая на себе и укоряя яко недостойна таковаго житія. Преходя же тамо общее послушаніе, даде ему отецъ начальникъ едину келлію не весьма далече отъ скита отъстоящую надъ потокомъ, отъ неяже не видяшеся церковъ. Въ нейже пребывая, случися единою спящу ему въ нощи не почути клепанія на утреню, бѣ же

день недѣльный. Егда же пробудився, абіе прииде въ церковь, и услышавъ яко уже прочтеша Евангеліе, и начаша пѣти канонъ, не дерзнувъ срама ради внити въ церковь, возвратися въ келлію свою, сѣтуя и скорбя о такомъ не надежномъ случившемся ему искушеніи. И толико объять его срамъ неисповѣдимый, яко и на Божественную Літургію отнюдь не можаше пойти, но отшедь далече отъ келліи сѣдшаше на земли и плакаше неутѣшно. По отпустѣ же Божественныя Літургіи, приближившуся времени трапезы, всечестный старецъ Міхаиль, и началникъ со братією не видѣвше его пришедша ни на утреню ни на святую Літургію, удивляхуся о семъ. И рече старецъ ко братіи: отцы святіи и братіе, молю васъ Господа ради потерпите мало съ трапезою, дондеже увѣмы о братѣ нашемъ Платонѣ, что съ нимъ содѣся, и сіе рекъ посла единаго монаха Аѳанасіа, писца книгъ отеческихъ, искати его, иже не безъ труда обрѣтъ его плачуща, вопрошаше вины плача его. Онъ же не могій срама ради что отвѣщати ему, еще болше плакаше, и едва возмогъ, зѣло убѣждаемъ отъ него, исповѣсти вину скорби своея. Онъ же духовнѣ утѣшая его, моляше прилѣжно не скорбѣти о семъ, и пріити въ скитъ ко отцемъ святымъ вскорѣ, нарочнѣ ждущимъ тебе, и не трапезующимъ. Онъ же едва возможе провѣщати къ нему: и како могу, отче святой, пріити ко святымъ, и кіимъ лицемъ явлюся предъ ними, сотворивъ такое согрѣшеніе на вѣчное мое предъ Богомъ и предъ ними посрамленіе? И моляше его со слезами оставить, и не нудити его ити ко отцемъ святымъ. Онъ же не послабляя прилѣжно увѣщаваше его не скорбѣти, и едва понуди его и не хотяща, пріити въ скитъ. Воставъ убо идяше съ нимъ плача и рыдая; егда же прииде въ скитъ и видѣвъ старца со всею братією сѣдящихъ предъ трапезою, о каковъ тогда паче нападе на него страхъ и срамъ безмѣрный, и паде предъ ними на землю, плача и рыдая неутѣшимо. Воставъ же

старець и отець начальникъ съ братією, возставиша его отъ земли, выну¹ плача его уразумѣвше отъ монаха, приведшаго его къ нимъ; и начать старецъ яко отець чадолюбивый, утѣшати его словесы духовными, моля и прося отнюдъ не скорбѣти о такомъ невольномъ случаи. И воздавше Богу благодареніе, яко обрѣтоша его: начаша трапезовати, повелѣвше и ему сѣсти съ ними на трапезѣ и ясти. Обаче отнюдъ тогда за обѣмшій его срамъ не можаше ясти, по востаніи же отъ трапезы едва може мало причаститися пищи. И оттолѣ не дерзаше на одрѣ лежа спати въ нощи, бояся подобнаго случая, но сѣдя на лавѣ спаше мало. Сіе же и написавъ онъ побужденія ради отецъ и братій наипаче же юныхъ, во святѣмъ послушаніи у него пребывающихъ: ко усердному на правило церковное воставанію и хожденію. Пребывая же тамо онъ во общемъ святомъ послушаніи до времени прииде всечестный отецъ Онуфрій схимонахъ, отъ скита нарицаемаго Кирнуль, иже бѣ въ горахъ, отстоящъ отъ сего скита Трейстены тріехъ дней ходу разстояніемъ, посѣтити всечестнаго старца отца Міхаила іеросхимонаха, и отца начальника съ братією; бывшей же бесѣдѣ при всей братіи, привнесе бесѣду честный онъ схимонахъ отецъ Онуфрій, о положеніи скита Кирнула возвѣсти, красоту мѣста онаго и здравіе воздуха и воды, множество различныхъ овощей, и прочая угодія къ житію, и яко великая тишина и безмолвіе; подвиже на ревность и блаженнаго. Онъ бо видя, яко уже не бѣ надежды, о совокупномъ его съ возлюбленнымъ своимъ другомъ, по бывшему намѣренію ихъ, пребываніи, умыслихъ прейти на иное мѣсто до времени дондеже усмотритъ о немъ промыслъ Божій полезное души его. Егда же увѣдаша братія, яко воспріять намѣреніе съ предреченнымъ схимонахомъ прейти въ скитъ оный, тогда и ини пять мона-

¹ То есть: вину (причину).

ховъ, тожде намѣреніе воспріяша о преходѣ въ скитъ Кирнуль. Благодаривше убо честному старцу за его любовь, и отцу начальнику за пріятіе во святую обитель, и толикое время въ любви содержаніе, и взявше отъ нихъ на путь благословеніе, и попростившесе со всѣми братіями, пачеже онъ съ возлюбленнымъ другомъ своимъ, плача неутѣшнѣ о своемъ отъ него разлученіи, поидохомъ въ подлежащій путь превеликими горами, и помощію Божією третіяго дне придоша въ предреченный скитъ, идѣже начальникъ честный Θεодосій іеромонахъ пріять ихъ съ радостію и упокоивъ отъ труда. Во утріе же опредѣли имъ и келліи пустынножителныя къ пребыванію, и сѣдоша кійждо въ келліи своей. Чинъ же скита онаго бѣ таковъ, во вся недѣли и въ праздничныя дни точію собирахуся вси братія на все правило церковное, и по Божественнѣй Літургіи поставляшесе всѣмъ трапеза общая; по вечерни же разходяхуся вси въ келліи своя, въ нихже кійждо правило свое совершаше. Хождаше же блаженный и до предреченнаго честнаго отца Онуфріа пустынножителя, иже на горѣ отъ скита разстояніемъ яко одинаго часа, въ пустынной своей келліи безмолвнѣ пребываше; бѣ же мужъ сей и въ словесѣхъ зѣло утѣшителенъ, вопрошающимъ бо его братіямъ сказоваше подробну, како пребываше на пустыни на превсочайшихъ горахъ, и въ преглубочайшихъ пустыняхъ, идѣже въ лѣтнія мѣсяцы зановаше себѣ пищу, елика можаше довѣсти ему на осмь мѣсяцей; чрезъ вся бо осмь мѣсяцы, отнюдъ не можаше видѣти лица чловѣческаго; отъ негоже святаыя бесѣды зѣло пользовашесе, и аки углми огненными разжизашесе ревностію божественною къ подвигомъ духовнымъ; не могій же себе предати въ послушаніе нѣкому отъ богодухновенныхъ отецъ, въ скитахъ онѣхъ пребывающимъ, ихже мимоходно видѣхъ, и отъ бесѣды ихъ пользовася, со инѣми же и поживъ мало или многое время, предреченныхъ

ради винъ: ово яко лишився друговъ своихъ возлюблен-
ныхъ, съ ними же намѣреніе имѣвъ неразлучно до кон-
чины жизни своея, въ нѣкоего духовнаго отца въ без-
молвіи сѣдѣща, въ послушаніи пребывати. Ово же и
наипаче яко бояшеся тамо пребывающе, да не понуж-
денъ будетъ по времени страшное иго священства и не
хотящъ пріяти. Пребывая убо тамо уподобися пчелѣ
благоразумнѣй, тая бо собирая отъ различныхъ цвѣтовъ
дѣлаеть медъ сладкій и полагаетъ и въ сокровищахъ
своихъ и запечатлѣваетъ; блаженный же нашъ отецъ, со-
бравъ отъ онѣхъ святыхъ отецъ духовный медъ отъ язы-
ковъ ихъ истекшій, насладися самъ до ситости, и поло-
живъ въ сокровищи сердца своего, и запечатлѣвъ мол-
чаніемъ до времени, имже имѣяше прилѣпившихся къ
нему по Бозѣ вѣроу и повиновеніемъ, души усладити
и насытити, и къ добродѣтелямъ подвизати; тамо научи-
ся онъ, что есть дѣяніе, и видѣніе, и умное безмолвіе ис-
тинное; тамо трезвѣнія и вниманія, и умныя молитвы
умомъ въ сердцѣ совершаемыя, не точію научився, но и
божественнаго отъ нея въ сердцѣ приснодвижущагося
насладися дѣйства. Не бо могль бы со удобствомъ вся-
ку скорбь, и крайнюю нищету юже имѣяше въ безмол-
віи тамо сѣдѣ претерпѣвати благодарно, и радоватися
яко сподобися подражатель бити¹ Владыки, насъ ради
обнищавшаго; аще не бы сердце его разжизалося отъ
божественныя молитвы къ любви Божіей и ближняго,
еяже начало еще во отрочествѣ своемъ, отъ чтенія книж-
наго богоносныхъ отецъ нашихъ имѣяше аки сѣмя бо-
жественно. Тамо же между онѣми подвижники истин-
ными пребывая дѣланіемъ заповѣдей Божіихъ, и прилѣ-
жаніемъ нравственныхъ добродѣтелей, и непрестанною
умною молитвою сотвори прозябнути въ сердцѣ своемъ
оному, многими же слезами поливая процвѣте, и воз-

¹ То есть: быти.

блиста блистаніемъ божественнымъ умнымъ, исполняя душу его радости неизреченныя и воспалая его ревностію къ подвигамъ духовнымъ и крайнему безмолвію, аки елень жаждущую ко источнику водъ. Тамо убо за предреченныя вины со святыми отцы пребывати, аще и всѣмъ сердцемъ желая, но не могій.

Всѣхъ же въ тамошнихъ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ посѣтивъ, прощенія со слезами прося, и благословенія, и молитвъ на путь, благодаря имъ за оказанную къ нему милость и любовь, и духовное отеческое наставленіе. Овіи же святіи отцы кѣихъ словесъ, кѣихъ моленій, кѣихъ совѣтованій не употребиша: не хотяще сподвижника своего лишиться, егоже, между собою бесѣдуя, юнымъ старцемъ нарицаху; таже сотворше молитву благословиша, и вручиша его воли Божіей, отпустиша съ миромъ. Кто бо уразумѣ Умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть: божественнымъ Своимъ промысломъ, возьмъ отъ отечества его, истиннаго угодника Своего блаженнаго отца нашего Паісія, преводя многія страны, да собереть купечествомъ духовнымъ многое богатство духовное; приведъ въ сія благословенныя православныя земли, въ нихже многіи богатіи духовніи купцы тогда быша; иже видѣвше усердно отъ нихъ купити желающаго безъ цѣны дарствоваша драгоценныя духовныя бисеры, вѣдая, что и купующаго обогащаютъ, и сами не оскудѣютъ. Собравшу же ему и тамо, и наполнившу влагалище сердца своего духовнаго богатства, возьмъ божественный промысль приведе блаженнаго во Святую Аѳонскую Гору: да и тамо куплю дѣя приумножить сокровище, и дастъ независтно всѣмъ требующымъ отъ него пользы духовнаго ученія. Приготовляя его божественная благодать подражателемъ быти преподобнаго и богоноснаго отца нашего Антонія Печерскаго, прадѣда своего единоотечественна, Малороссія бо обоихъ произведе. И якоже преподобный

отець нашъ Антоній странствуя пріиде во Святую Гору, гдѣ и святой великій ангелскій образъ пріять, поживе тамо многа лѣта, и сподобися великихъ дарованій духовныхъ. Богомъ возвращень бысть во свое отечество, да насадить тамо и умножить монашеское житіе и сотворить градъ небесныхъ жителей, еже и бысть: просвѣтивъ бо сущыя во тмѣ ученіемъ своимъ, и у плодоносивъ не во сто, но въ тысящи тысящъ, принесе плодъ Богови. Тамо и нашъ блаженный отецъ поживе, и обогатися небеснымъ богатствомъ, и умноживъ плодъ до шестьдесяти, съ нимъ же и возвращень благодатію Божіею, въ сія богохранимыя земли, да обновить обветшавшій монашескій чинъ и возставитъ падшее общее житіе, и насадить въ немъ треблаженное послушаніе, просвѣтитъ ученіемъ своимъ во тмѣ невѣдѣнія сѣдящыя, вразумитъ исправленіемъ, и вновь преводомъ, изъ греческаго языка на свой, отеческихъ и богословскихъ книгъ. Но понеже далече отшелъ еси въ страну, подобаетъ тебѣ возвратитися отонуду изшелъ еси: благо есть, се и возвращаюся къ предлежащему. Посѣтивъ всѣхъ тамо въ скитахъ и на безмолвіи сѣдящихъ святыхъ отецъ, прощенія со слезами прося и благословенія и молитвъ на путь, благодаря имъ за ихъ милость и любовь явленную къ нему, отъиде оттуду искати спутниковъ во Святую Гору, надѣяшеся бо тамо обрѣсти нѣкоего искуснаго духовнаго отца сѣдяща въ безмолвіи, емуже бы предатися въ послушаніе душею и тѣломъ, и научиться отъ него духовнаго жителства. Или единомысленнаго друга, да съ нимъ живуще и внимающе Писанію, и ученію богоносныхъ отецъ, другъ другу повинующеся, и другъ предъ другомъ отсѣкающе волю свою, увидѣвъ нѣкій плодъ послушанія въ души своей, упокоитъ желаніе свое. Не имѣя же на путь точію двадесять парь¹, но ниже имѣяше попеченія о

¹ Пара — монета.

томъ, но якоже отъ начала странствія, тако и тогда возложивъ всю свою надежду на всемогущій промысль Божій, искаше спутниковъ себѣ; обрѣтъ же единого іеромонаха именемъ Трифона, согласився съ нимъ и яшася пути благодаряще Бога; пришедше же въ Галацы сѣдоша въ корабль. Колико же бѣдствій, колико страховъ отъ смертныхъ случаевъ, ово отъ моря, ово отъ глада, ово отъ вошей, наипачеже отъ варваръ трепеташе блаженный. Пришедши же въ Царь Градъ, препочиша тамо нѣколико дней, и обрѣтше спутниковъ сѣдоша въ корабль и плиша удобнѣ Бѣлимъ¹ моремъ нѣсколко дней, придоша во Святую Гору, в пристанище Лаврское, тамо изшедше изъ корабля, внидоша во Святую Лавру предъ праздникомъ преподобнаго Аванасія; препочиша тамо и празноваша праздникъ благодаряще Бога, и упокоившеся мало отъ пути. Кто же отъ здѣ исповѣсть можетъ плачевную сію повѣсть? Подъ Пантократоромъ монастыремъ пребыша братія русскаго языка: тамо они потрѣбу имѣли ити къ своимъ единоземцемъ, да отъ нихъ совѣтъ и наставленіе примуть. Пантократоръ же монастырь разстояніемъ отъ Лавры осми часовъ ходу: путь тамо зѣло жестокій, горюватый и каменистый, много и лѣсу, солнечный варъ въ тое время таковъ, что вся трава такъ стгорить отъ солнца, якоже въ сихъ странахъ зимою отъ мраза; обычая тамошняго не знали, какъ хранитися отъ ядовитаго тамо воздуха, и совѣтъ охранительный аще бы кто и подавалъ, невѣроятенъ явится ново пришедшымъ изъ сихъ странъ. Изшедше убо они изъ Лавры испотѣша зѣло, почиваша потніи въ лѣсѣ и спали на камени прохлады ради; пиша воду хладную въ пути не вѣдая, какъ отъ нея хранитися; ночевали потніи въ лѣсѣ, и заразили-

¹ Бѣлое море — название Эгейского моря (шире — восточного бассейна Средиземного моря) у греков и некоторых других соседних народов.

ся за единъ день и ночь смертною заразою и неисцѣлною. И едва съ великою нуждою болніи придоша до Пантократора монастыря къ своимъ братіямъ. Егда же увидѣша оніи два отцы пришедшихъ изъ своего отечества, возрадовашася велию радостію о пришествіи ихъ, мнѣша яко отъ моря болѣзнь ихъ, оная бо удобоисцѣльна есть; а когда уразумѣша, яко во Святѣй Горѣ заразились, тогда восплакашася горко о смерти ихъ. Чтоже не творили уврачевати хотяще, огонь возгнѣщавающе и разгрѣвающе ихъ, мазаху спиртомъ и растираху, и мало блаженнаго отца нашего оттерли предъ огнемъ; іеромонаха же Трифона не могоша ни мало уврачевати. Точію призвавше духовника причастили Божественныхъ Таинъ, и въ третій день скончася. О блаженномъ же отцѣ нашемъ, братолюбивіи отцы они что сотворили: уготаваша трапезу хорошу и принудиша его насилно ясти и віно пити егоже онъ никогда піяше, и егда яде и пи віно, возмутися утроба его отъ необычнаго питія, изблева; они же принудиша его еще пити и не хотяща, онъ же пивъ изблева паки, и съ блевотиною и ядъ изъ себе изверже совершенно. И тако Божіимъ милосердіемъ по малѣхъ днехъ здравъ бысть. Тамо же и вселися въ едину каливу¹ близъ онихъ братій.

Пребывающу же ему тамо и обходящу монастыри и скиты, ищущу нѣкоего духовнаго отца, сѣдяща въ безмолвіи и внимающа себѣ емуже бы могль предати себе въ послушаніе, но не обрѣте: яко мало бяше нашего Россійскаго народа тамо, и вѣдущаго Святое Писаніе, и тако желасмаго души своей не получи. Возложивъ же себе на Божій промысль, сѣдыше единъ. Кто же можаше исчислити колѣнопреклоненія яже творяше въ ношеденствіи? Воздержаніе же блаженнаго таково бѣ, чрезъ день бо ядыше единою, и то мало сухарей самыхъ. Нестяжа-

¹ Глосса на полях: келлію.

ніе крайнее, не имѣяше бо ни срачицы, точію едину дуламу¹ и то ветхую: не можаше бо упражднитися въ рукодѣліи, да не останется нѣчто отъ правила; постеля его доска голая: о нищетѣ же своєї толико радовашеся, яко же бы кто радовался о богатствѣ своемъ.

Благодаряше всегда Христа Господа, яко сподоби его въ семъ подражателя быти нищеты Его. Душевныя же его подвиги, смиреніе глубокое, самоукореніе всегдашнєе, о всемъ благодареніе, сокрушеніе сердца и слезы потокоподобны, молитва сердечная приснодвижная, любви ко Богу и ко ближнему, память смертная, псалмопѣніе, и чтеніе Писаній. Взимаше же книги отъ обители Сербскія и чтяше: скорбѣше² же и плакаше горко яко лишився великія благодати Божія послушанія, не обрѣтъ такового отца, емуже бы предалъ себе въ послушаніе. Пребысть же блаженный единъ сѣдя, подвизаяся и преуспѣвая отъ силы въ силу духовную, восхожденія творя въ сердцѣ своемъ: разжизаяся ревностію божественною къ болшымъ подвигомъ, наслаждаяся безмолвія два лѣта и поль. Приіде же во Святую Гору единъ братъ отъ земли Мункянскія³, иже обшедь нѣкія монастыри тамошныя, приіде къ нему и моляше его да примать отъ него будетъ въ послушаніе; онъ же ни слышати о семъ хотяше, да будетъ кому начальникъ, самъ подъ началомъ желаше быти, а не началствовати. Братъ же той прилѣжнѣе и со слезами моляше примати его, блаженный видя таковое брата смиреніе и слезы, умилился и преклонився примати его, не во ученика, но въ товарища: и емуже Богъ даруетъ болѣе разумѣти въ Писаніи, другъ другу открывати волю Божию, и подвизати на дѣланіе заповѣдей Божіихъ, и на всякое дѣло благое. И отсѣкати другъ

¹ Дулама — долгополая суконная верхняя одежда.

² В рукописи: скрбѣше.

³ То есть: Мунтянскія.

предь другомъ волю свою, и послушати другъ друга и повинутися, душу едину и сердце едино имѣти, и вся къ состоянію своего живота имѣти обща. И тако начаша жити единократно царскимъ путемъ. Имя же брату оному бѣ Висаріонъ. И радовашеся блаженный, яко благодатию Христовою обрѣте многожеланный покой и утѣшеніе души своей послушаніемъ, чрезъ отсѣченіе другъ предь другомъ воли своея; и имѣяху въ мѣсто отца и наставника ученіе святыхъ отецъ; и пребываша въ любви Божіей. Но ненадолзѣ наслаждахуся такового житія, и друзи бо братія приходящіи отъ міра во иночество, видяще таковое ихъ со братомъ любовное житіе, ревностію возревноваша къ таковомужде житію себе присоединити, и зѣло ему веліимъ своимъ моленіемъ начаша стужати приняти ихъ во свое житіе и ученичество. Блаженный же надолзѣ отрицашеся сего, бояся и трепеща приняти во ученичество, укоряя себе и глаголя къ нимъ, яко сіе дѣло совершенныхъ и безстрастныхъ есть, азъ же немощенъ сый и страстенъ. И не принимаше ихъ надолзѣ: послѣжде¹ же, ово ихъ великимъ стуженіемъ, еже ему своимъ моленіемъ творили. Ово же и брата съ нимъ живущаго братолюбива зѣло суца, слезнымъ моленіемъ убѣждень, начать и не хотящъ принимати во свое сожитіе по единому, коемуждо отъ нихъ открывая силу святаго послушанія, отъ Писанія Святаго и ученія святыхъ отецъ. И видя ихъ неизреченную имущихъ вѣру и любовь ко Святому Писанію и къ нему, другъ же ко другу миръ и единомысліе; и всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, зѣло о ихъ таковомъ благомъ произволеніи радовашеся душею, и прославляше Бога. И возложися на неизреченный промысль Божій, о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи, приѣмля по едыному. Нужда же бяше и другую каливу вышшую

¹ В рукописи: пслѣжде.

купити, яже разстояніемъ единого верженія камене отъ нижнія. Таже приумножившуся числу братій, и не вмѣщающимся въ двоихъ каливахъ, купили и святаго Константина келлію съ церковію, близь яко на два верженія камене разстояніемъ. Нужда же за священника, и начаша братія великимъ и смиреннымъ своимъ моленіемъ стужати ему пріяти священство и духовничество, блаженный же отнюдь не хотяше, глаголя, яко сего ради и съ Мунтянскія земли убѣже, отъ предреченныхъ оныхъ святыхъ отецъ, да не принужденъ будетъ отъ нихъ и не хотящъ пріяти священство. Елико же блаженный со слезами отрицашеся, недостойна себе глаголя быти такового великаго сана, то они паче и паче со слезами на нозѣ падая, моля и прося не презирати моленія ихъ, предлагая ему многія причины благословныя. Еще же и честніи духовники святогорскіи, съ зѣлымъ моленіемъ увѣщавали не отрицатися, зане въ преслушаніе вмѣнитися ему презирающему ихъ совѣтъ: вѣдая его достойна суща, и могуща многія души привести ко Господу наставленіемъ своимъ, и просвѣтити ученіемъ во тмѣ невѣдѣнія пребывающыя, обновити же и обвѣтшавшее общее житіе, и насадити въ немъ древо жизни, треблаженное послушаніе, еже есть аки душа общему житію. И не послабляя молителнымъ своимъ совѣтованіемъ и угроженіемъ преслушанія предреченніи честніи духовники глаголаша къ нему: «Како ты научиши братій послушанія и отсѣченія воли своя и разсужденія, самъ преслушая и презирая совѣтъ толикихъ молителей; отъ сего явно есть, что волю свою любиши и вѣруеши разсужденію своему, паче старѣйшихъ тебе и лѣты и разумомъ; и не вѣси ли, что родило есть преслушаніе?» Тогда блаженный отецъ нашъ видя себе въ такомъ отвсюду неизбѣжномъ утѣсненіи, и не хотящъ повинувся, со слезами рече: «Буди воля Божія». И произведенъ бысть въ священничество и духовничество. Тогда бысть радость

велія не точію чадомъ его духовнымъ, но и прочіимъ святогорцамъ, иже и прежде прихождаху пользы ради къ нему, а тогда быти имъ имуща его и отца духовнаго.

Живяше убо блаженный прежде въ каливахъ съ братіями волосаго¹ языка нѣколико лѣтъ, и правило тѣмъ языкомъ чтяху; таже прешедшымъ въ келлію святаго Константина и пожившымъ нѣкое время, начаша приходити и присоединятися ко обществу и славенскаго языка братія, тогда начаша чести и пѣти и славенскимъ языкомъ въ церкви, зане не имѣяху еще нужныхъ на волоскомъ языцѣ церковныхъ книгъ. Живяху же нужнымъ житіемъ, отъ труда рукъ своихъ стяжавашу дневную пищу. Егда же умноживъ Господь братію, и не вмѣщавшася и тамо бѣ бо братій уже дванадесять, семь волосаго языка, а пять славенскаго. Еще же и иніи братія зѣлнымъ своимъ моленіемъ стужаху блаженному о пріятіи во общество. Тогда блаженный сотворивъ совѣтъ со братіями, тогожде монастыря Пантократора купивъ пустую келлію святаго пророка Іліи; и возложивше надежду на промыслъ Божій начаша здати все отъ основанія: церковь, ограду, а на оградѣ келліи, все зданіе каменное, хрістолюбцовъ подаяніемъ и своихъ братій трудомъ безмѣрнымъ, и поспѣшествомъ убо Божиимъ создаша церковь прекрасну, трапезу, пекарню, кухню, архондерикъ², келлійъ шестнадцать, и воду привели въ скитъ. Намѣреніе имѣвъ блаженный отнюдь болѣе пятнадцати братій, якоже и келліи создашася на толикое число, не принимати. Разстояніемъ же святаго пророка Іліи скитъ, отъ келліи святаго Константина полъ часа ходу; и преселишася вси обще въ скитъ, благодаря и славя Бога о неизслѣдимыхъ судьбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко отъ царскаго пути, благо-

¹ Воло(ш)скій — румынскій.

² Архондерикъ — жильё для паломников.

воливъ быти общему житію. Тогда раздѣлися совершенно и правило церковное на два языки, на единомъ криласъ по славенскій, на другомъ по волоскій чли и пѣли. Надѣявся же блаженный, яко по такомъ безмѣрномъ трудѣ и попеченіи о зданіи скита упокоится мало, но въ большыя спаде: увидѣвше бо многіи святогорскіи братія и новопришедшіи съ Россіи, и съ сихъ странъ хотящии въ монашескомъ образѣ Богу работати, благочиніе церковное въ пѣннїи и чтеніи, во общемъ послушаніи и руководѣлїи молчаніе, благоговѣніе, миръ и любви между братіями, ко блаженному же старцу со смиреніемъ повиновеніе, и съ вѣрою послушаніе, его же къ чадомъ своимъ духовнымъ отеческое милосердіе, въ службахъ благо-разсмотрителное опредѣленіе, въ немощехъ состраданіе, и любви ко всѣмъ нелицемѣрну: возжелаша приобщитися къ такому житію. Зѣлымъ же своимъ моленіемъ и слезнымъ прошеніемъ убѣдиша и не хотяща прїимати по единому; блаженный же возложися на Божественный промысль о душевномъ и тѣлесномъ ихъ окормленіи прїимаше, и видя всеусерднѣ себе предающихъ душею и тѣломъ во блаженное послушаніе, радовашеся. И не точію бояся труда, но готовъ и душу свою положить за братію. Не имѣя же келлїй, аки ластовицы гнѣзда, тако братія келлїйки внизу къ муру¹ прилѣпляху сами труждающеся. И тако въ маломъ времени умножилось число братїй великое. Труждахуся же вси въ руководѣлїи, и блаженный съ ними, дѣлаше ложицы и продаяху, и тѣмъ окормляху и снабдѣваху себе, и странныхъ прїимаху и упокоеваху. Труждашеся же отецъ нашъ блаженный въ руководѣлїи, удвое дѣлая противу братїй; въ нощи же переписоваше книги: вся бо жизнь его во бдѣннїи бяше всенощномъ, и болѣе трїехъ часовъ не могій спати. Зане отъ Господа испроси себѣ сіе, еще въ юности своей, яко-

¹ Муръ — каменная стена.

же азъ написахъ въ началѣ, еже отъ усть его слысахъ. Произыде же слава во всей Святѣй Горѣ о немъ, и вси въ чести и любви имѣяху Паісія, удивляхуся многимъ дарованіямъ Божиимъ въ немъ. Приходиша къ нему, иніи пользы ради, болѣе же исповѣди ради; и бѣ странныхъ всегда толико, яко и своимъ братіямъ не бѣ време пріити къ нему возвѣстити о помыслѣхъ своихъ, и стужаху въ себѣ нѣкии. Бысть многимъ тамо духовникъ, и самому святѣйшему Патріарху Серафіму, пребывающу тогда въ монастыри Пантократорѣ. Часто пріиздя въ скитъ посѣщаше блаженнаго, и въ сладость послушаше его. И бысть образъ добродѣтелнаго житія всѣмъ во Святѣй Горѣ, и новый обветшавшаго монашескаго общаго житія обновитель, божественнаго послушанія наставникъ и учитель, истинный руководитель ко спасенію слушающихъ его, и новое чудо. Діаволь же растерзавшеся видя себе побѣждаема отъ него, и многія души отъ усть его исхитивша, и ко Богу приведша ученіемъ своимъ; и не бѣ стерпимо лукавому. Обрѣтѣ нѣкоего схимонаха Аѳанасія молдованула¹, яко самому, неприступенъ бѣ блаженный, ограждаемъ божественною благодатію: подвиже на зависть, начать сѣяти чрезъ него сѣмена своя лукавая многимъ во ушы, не точію лестцемъ и прелестникомъ нарицая его, но и еретикомъ; еще же и священную умную молитву хуляше. Блаженный же слыша о томъ долготерпя, ожидаше прозябенія, тутъ и плодъ злобы приспѣ. Не бѣ доволенъ клеветами легкомысленный онъ Аѳанасій молдовануль, удивляющеся славицѣ преходящей, и распаялся болѣе завистію на блаженнаго; не вѣдая сего, яко гонящіися за славою бѣгаетъ отъ нихъ, и иже удаляются отъ нея, напреди ихъ идетъ, и проповѣдница подвиговъ и добродѣтелей ихъ бываетъ. Разжегся нестерпимо, и написа посланіе ко блаженно-

¹ Молдовануль — молдаванин.

му, подъ видомъ дружескаго наставленія съ начала, таже внутрь многія блевотины, хулы, укоризны, и прочая многая неправая своя мудрованія, Церкви святѣй противная и вѣрѣ православнѣй. И имже хотяше уловити блаженнаго, самъ увязе, ископа ровъ и впаде во нь; и тако обратися болѣзнь его на главу его. Получивъ блаженный посланіе отъ друга своего притворнаго, чтя предъ братіями съ начала радовашеся; внутрь же вшедь восплакася горько о погибели его, и умолче. Разсмотрѣвъ вся, иде къ духовнику своему, объявивъ и прочте; таже съ духовникомъ иде ко инымъ духовникамъ, разсмотрѣша все и уразумѣвше непорочна блаженнаго въ сихъ; еще же яко хваляшеся и изъ Святыя Горы изгнати, оскорбишася, и повелѣша блаженному отвѣтъ къ нему написати, обличивъ его заблужденія. И аще не покается, и не проситиметь¹ прощенія о своемъ заблужденіи, тогда соборно обличится. Сотворивъ блаженный якоже повелѣша ему духовники: обличивъ его невѣжество и противное мудрованіе Церкви святѣй, шестнадцатію главами, изъяснивъ его заблужденіе, и опровергъ хули и клеветы, посла къ нему; он же прочель познавъ свой грѣхъ зазрѣвъ покаяся: и пришедъ проси прощенія. Простивъ блаженный и поучивъ его отпусти съ миромъ. Пребывающимъ же въ скиту и умножающимся день отъ дне братіямъ и не вмѣшающимся, совѣтоваша ему честніи святогорцы взяти монастырь Сумопетръ, бѣ же монастырь той задолженъ, и въ немъ братій мало бѣше; предложивъ собору прошеніе блаженный о немъ, рѣшеніе со благословеніемъ вскорѣ вишло. Преселися блаженный въ монастырь, возьмъ поль братій, а прочіи оставивъ въ скиту; мало время пребылъ тамо; егда же услышали заимодавцы, яко собрася соборъ монаховъ, абіе

¹ Проситиметь — попросит (укр. форма буд. времени с глаголом *имѣти*).

прихали требовати долга; и заплативъ блаженный неповинно седьмь сотъ левов: убося же прочіихъ заимодавцовъ, возвратися въ скитъ оставивъ монастырь. Пребывая же въ скиту, и видя утѣсненіе братій, разсуждая и притрудность мѣста, и яко такому собору во Святѣй Горѣ, въ такомъ притрудномъ и зѣло жестокомъ мѣстѣ не подасть руки ко утвержденію; еще же бояся и власти агарянскія, да не возложатъ и на его убогое общество даней подобныхъ прочимъ монастыремъ святогорскимъ. Еже отъ многихъ уже и слышавъ блаженный хотящее быти. И бояшеся, таковыхъ ради винъ, и иныхъ многихъ, да не будетъ крайняго разоренія такому его житію: совѣтъ сотворше начаша готовитися. Егда же увѣдѣ святѣйшій Патріархъ Серафимъ, и прочіи честніи святогорцы, зѣло сожалѣша о изшествіи блаженнаго, и увѣщаваша и молиша не исходити изъ Святыя Горы; обаче ничтоже успѣша. Онъ же собрався изыде со всѣмъ соборомъ, и прииде въ сію православную Молдовлахійскую землю. Приведъ божественный промысль угодника своего блаженнаго отца нашего во Святую Аѳонскую Гору, да покажетъ тамо путь истиннаго монашескаго житія; и будетъ всѣмъ образъ добродѣтели, и начало общаго житія; здѣ же возвративъ, да утвердитъ¹, и многихъ просвѣтитъ и научитъ словомъ и дѣломъ добродѣтельнаго житія. Прииде здѣ и пріять бысть отъ благочестиваго Господаря и Преосвященнаго Митрополита, и дадоша блаженному монастырь Драгомирну со всѣми угодіями, хотя онъ подвижимымъ имѣніемъ и скудень бяше отъ многихъ нашествій и разореній варварскихъ, мало бо книгъ точію обрѣли въ немъ, келлій пять, трапеза не покровенна, и воловъ шесть; обаче пространный и безмолвный, и зѣло приличный собору и утвержденію общаго житія, и расположенію общежителныхъ уставовъ.

¹ В рукописи: увердить.

Вселися тамо блаженный со всѣмъ соборомъ братій, благодаря и славя Бога со слезами, о непостижимыхъ судьбахъ Его, и безконечномъ милосердіи, яко устрои тако, чего имъ и во умъ пріяти невозможно было, молитвами угодника Своего блаженнаго отца нашего. Преклонивъ премилостивый Господь всѣхъ къ любви и милосердію къ страннымъ, благочестивый воевода первый обрѣтесе киторь, отъ основанія воздвиже два ряда келлій, особливо ради блаженнаго старца, и архондерикъ; уволнивъ же и отъ всякихъ даней, и грамотою утвердивъ отъ всего быти свободну монастырю. Хрістолюбви же бояре овіи скотами рабочими, иніи кривами, овцами, віноградями, другіи одѣянїями и обувеніемъ, иніи пшеницею, и віномъ, и прочіи благочестивіи Хрістіане всякъ по возможности своей, отъ произволенія своего; никомуже стужающе, къ подаянію, но сами радующеся снабдѣваху, и веселящеся благодаряху Бога, приведшаго въ благочестивую ихъ землю угодника Своего съ братією его; и аки Ангеловъ Божіихъ почитаху его и братій и охранителей молитвами своими земли ихъ. Зѣло бо страннолюбивая сія богохранимая земля Молдавія.

Препочивъ же блаженный нашъ отецъ съ братією въ монастыри мало отъ труда путнаго, начать располагати чинъ своего общаго житія и утверждати по уставу богоносныхъ отецъ нашихъ Васіліа Великаго, отъ негоже пріявъ Ѳеодосій Великій, и Ѳеодоръ Студить началницы общихъ житій, не яко не бывый начинашеся: уже бо въ Святѣй Горѣ прежде многими лѣты начать бѣ и храняшеся. Но по преселеніи аки вновь начинашеся пришедше здѣ, и первѣе въ церкви устрои чинъ во всемъ святогорскій: пѣніе же на правой странѣ по славенскій, на лѣвой же по волоскій опредѣли. Таже никаковымъ образомъ да не дерзнетъ кто отъ братій нѣчто отъ имѣній именовати мое или твое, но вся отъ Бога посылаемая имѣти обща, опасно завѣщавая; зане отъ сего между бра-

тіями единомысліе и любовь пребываетъ, нужная же подавахуся всѣмъ отъ блаженнаго старца, трапеза всѣмъ обща, послушаніе ко старцу и другъ ко другу со отсѣченіемъ своя воли и разсужденія своего, и повиновеніе со страхомъ Божиимъ да хранится. Внутри монастыря послушанія въ кухнѣ, пекарнѣ и прочая самыми братіями, не употребляюще рабовъ или наемниковъ, да совершаются. Различная рукодѣлія нужная къ житію братія да дѣлають со страхомъ Божиимъ, угождающе другъ другу якоже Самому Господеву. Преслушаніе, прекословіе и самочиніе въ службахъ общихъ, имиже разоряются заповѣди Божія, да изгнанна будутъ; но благоговѣніе, смиреніе, единомысліе и любви да царствуютъ въ соборѣ, зане клеветы, осужденія, зависть, роптанія и памятозлобіе мѣста не возмогутъ имѣти. Во общихъ послушаніяхъ молчаніе, во устѣхъ молитва да хранится; и самъ блаженный часто съ братіями исхождаше и дѣлаше купно со всѣми на городахъ и на прочіихъ послушаніяхъ, всѣмъ себе во образъ представляя и заповѣдая, да никтоже празденъ будетъ, зане отъ тоя всякое зло. Въ келліяхъ же чтеніе богоносныхъ отецъ нашихъ, и молитва умная, умомъ въ сердцѣ художнѣ дѣйствуемая и опасно аки дыханіе со страхомъ Божиимъ да хранится, яко та есть источникъ любви Божія и ближняго, и всякихъ добродѣтелей, исповѣданіе помысловъ на всякъ вечеръ да бываетъ, ово къ самому блаженному, ово же къ духовникамъ на то опредѣленнымъ, и братіямъ къ нимъ распоряденнымъ, вѣдая яко то есть основаніе спасенія, мира, тишины и любви въ соборѣ; и прочія вся чины, по уставу святаго Васіліа Великаго, и иныхъ святыхъ отецъ общежителныхъ въ соборѣ распредѣливъ и не нарушимо хранимымъ быти утвердивъ; за преступленіе же, духовными наказаніями угрожая запечатлѣвъ. Самъ же блаженный отецъ нашъ, на всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ отеческое свое милосердіе изливая, нели-

цемѣрною любовію объемя и согрѣвая, якоже кокошь птенцы своя, послушанія благоразсмотрително и по силѣ всякаго опредѣляя. Въ немощехъ состраданіе являя. Болныхъ въ болницѣ врачуя и упокоевая всякимъ упокоеніемъ: соболѣзнуя о нихъ тако, аки бы самъ былъ боленъ. Приспѣвшу же времени жнивѣ, опредѣляше братій на послушаніе въ степь жати пшеницы иногда седмьдесятъ, иногда и осмьдесятъ, сами бо братія всякое лѣто жали и молотили коньми пшеницу и прочая сѣмена. Съ ними посилаше и духовника, ради правила церковнаго и иныхъ нуждъ душевныхъ, имѣя съ собою и Божественныя Тайны; дохтора присилая частѣ; и самъ блаженный отецъ нашъ, посѣщая чадъ своихъ единою, приѣздя и пребывая съ нами три или четири дни, благословляя труды наша, утѣшашеся, утѣшая и насъ и ублажая, яко и мы въ семъ трудѣ подражатели есмы святыхъ отецъ Египетскихъ, иже на всякое лѣто исхождаху на жатву. Таже поучивъ о послушаніи и трудѣ, единомыслии и любви, о терпѣнни и благодареніи, и о исповѣди помысловъ, и благословивъ всѣхъ отѣздыше, радуяся и благодаря Бога, яко видѣвъ насъ и послушаніе наше, и моля укрѣпити совершити дѣло, и возвратити насъ здравыхъ въ монастырь Своею благодатію. Мы же вси провождахомъ, лобизая руцѣ его и нозѣ, возвращаемся веселяся и славя Бога, яко сподобилъ насъ видѣти ангеловидное лице отца нашего посѣтившаго насъ, и радостныя слезы изливаемъ, от любве къ нему. Блаженный же нашъ старецъ, аще и всегда поучаше приходящихъ къ нему въ келлію братій, потребъ ради или тѣлесныхъ или духовныхъ, открывая силу заповѣдей Божіихъ, и разумъ святаго послушанія: отъ Святаго Писанія, и ученія святыхъ отецъ нашихъ, и наставляя и подвизая на всякое дѣло благое; обаче тогда наипаче, егда соберутся вси братія отъ внѣшнихъ послушаній, и придетъ святой постъ Хрїстова Рождества, начиная соборно поученіе

отъ первыя седмицы поста и продолжая до субботы Лазаревы, егда не пресѣчетъ зимою какова болѣзнь: на всякій день кромѣ недѣлѣ и праздникова, собирающимся братіямъ въ вечеръ въ трапезу зажженнымъ бывшимъ свѣщамъ приходяше блаженный нашъ отецъ, и сѣдяше на обычномъ своемъ мѣстѣ, разгнувъ книгу отеческую, или святаго Василія Великаго постническую, или святаго Іоанна Лѣствичника, или святаго Дорофея, или святаго Феодора Студита; въ единъ вечеръ по рускій бываше чтеніе, а волоскаго языка братія чтяху павечеріе; аще же кто знаеше обѣма языки, то слушаше и оба чтенія; толковаше же блаженный едину книгу единому языку, а другую другому, а иногда и обоимъ едину. Толкуя же приводяше свидѣтельства отъ Писанія Святаго, и отъ ученія богоносныхъ отецъ нашихъ, и прилагаше при всякомъ чтеніи и нѣкое нравоученіе, о исправленіи случающихся немощей, и обличаше покровенно, да оный зарѣвъ себѣ покается, не согрѣшивый же да хранится отъ поползновенія; и тако пользоваше всѣхъ, единыхъ исправляя а другихъ охраняя. Таковое же его бяше толкованіе, что и самый простѣйшій братъ разумѣти можаше силу словесъ; и таковое дарованіе святыи нашъ отецъ имѣяше, что и самага унылаго воздвигнути можаше къ ревности, и печалнаго утѣшити; и аще не можаше оскорбленнаго примирити словомъ, то слезами: и не отходяше отъ него не исцѣленъ никтоже. Краснорѣчіе же кто можетъ изрещи, всякій день бы вси готови предъ нимъ стояти, да насладимся святаго его лицезрѣнія и сладчайшихъ словесъ; разсужденіе блаженнаго мужа таково бѣ, егда братъ внидетъ въ келлію, то разумѣваше что иматъ внутрь; давъ благословеніе, начинаше самъ бесѣду къ нему, и сладчайшими своими словесы отведеть умъ его далеко, не дая ему глаголати. Бесѣда же его смотряющая лице и устроеніе брата, или художество онаго, къ разумнѣйшему, привведе нѣкій глаголь

Писанія высокій, таже и толкованіе онаго отъ Писанія, къ тому приложитъ еще и высочайшее нѣчто и удивитъ его: къ простѣйшему отъ художествъ, или отъ службы его, и восхититъ намѣреніе его отъ ума во иное, и утѣшитъ его толико, что онъ забудетъ и себе и нужду свою, за чимъ пришелъ, отъ сладости словесъ его, послѣжде братъ приникъ внутрь себе и видѣвъ душу свою, мира и радости исполненную, а бывшую тму или печаль, аки дымъ отъ вѣтра исчезнувшую, тогда не воспоминая ничтоже, но возьмъ благословеніе отходитъ радуясь и благодаря Бога; якоже и азъ многократно въ себѣ видѣхъ. Сіе основаніе ученія его бѣ, да вси общее всѣмъ сердцемъ и всею душею нудятся хранить заповѣди Божія, и преданія святыхъ отецъ; аще же случилось бы между братьями нѣкое смущеніе, то всеконечно того дне примиреніе да будетъ истинное, по Писанію: да не зайдетъ солнце во гнѣвъ вашемъ; буди же нѣкто ожесточился бы, и не хотяй примиритися, таковаго отлучаше да и на прагъ церковный не ступитъ, и Отче нашъ Иже еси на небесѣхъ, да не чтеть; и являшеса тогда аки нѣкій судія жестокъ на таковаго непокориваго, аще и кротокъ и всѣмъ приступень зѣло бяше, устроеная всѣми образы спасеніе, по Апостолу, и десными и шуими. На внѣшняя послушанія опредѣляше и посилаше братій таковыхъ, отъ нихъ же не могль бы послѣдовати нѣкій соблазнь, ниже души ихъ пострадати вредъ. Аще же бы слѣдовало нѣчто къ разоренію заповѣдей Божіихъ, то повелѣваше да останется и не будетъ лучше дѣло оное, неже разорити заповѣди Божіи, и подпасти вѣчному осужденію. Въ соборѣ же присно тщашеса да будетъ миръ и любви, и отсѣченіе своя воли другъ предъ другомъ и разсужденія; прекословіе аще бы о чесомъ слѣдовало, то уступати прекословящему повелѣваетъ оное послушаніе, да не произыдетъ сварь, отъ негоже вражда и злопомнѣніе, аще и заповѣдь его не исполнится. Точію да возвѣститъ

ему, исправленія ради брата онаго, а не отмщенія: и онъ исправляше по богоданному ему разуму. Трудяшеся блаженный отецъ нашъ день и ночь, весь день исполняя дѣла духовныя и внѣшняя економическая, яко иногда до девятого часа двери не затворяемы быша; иніи братія за тѣлесными нуждами прихождаху, а иніи за душевными, со инымъ плакаше, отправивъ же онаго, съ другимъ радовашеся, аки бы ни когда не имѣль нѣкую скорбь: якоже отроча незлобиво устроениемъ душевнымъ бѣ блаженный онъ мужъ, безстрастенъ воистинну и святъ. Тридесять бо лѣтъ азъ при немъ пожилъ, аще и отхождахъ на нѣкое время во Святую Гору, но паки возвращахся къ нему, и не видѣхъ его скорбяща когда о чемомъ вещественномъ, аще бы и велико нѣчто случилось погнубити; точію тогда скорбяше зѣло, егда видяше въ чемъ заповѣди Божія престапующыя: и за едину бо малѣйшую заповѣдь Владычнюю душу свою полагаше, и аки огонь противу не хранящихъ бываше; и глаголаше да разорится все, и тѣло наше, точію да сохранятся заповѣди Божія. Ночь блаженному во всей жизни бдѣніе бѣ, всю бо ночь въ переводѣ, съ еллиногреческаго языка на славенскій языкъ, отеческихъ и богословскихъ книгъ пребывая, яковыя еще не бяху на нашемъ языкѣ; любяше же зѣло блаженный и чтеніе книжное, и насъ увѣщаваше къ преписанію и чтенію книжному, и прочіимъ духовнымъ подвигомъ. И бѣ видѣти монашеское общее житіе, имущее нѣкій слѣдъ общихъ житій святыхъ отецъ, елико возможно баше немощи нашей послѣдовать и подражати имъ, и хранить чины и уставы ихъ, въ сія бѣдная времена плачу и рыданію достойная. И толко окончили нуждныя потребности, церковь теплую, зане великая церковь зѣло хладна баше, келліи, архондрики¹, болницу и прочая. Входъ внутрь монастыря отнюдь

¹ Так в рукописи.

женску полу возбраненъ бысть. И отдохнули мало, начаша братія подвизатися, и другъ друга подвизати во еже возлюбити Господа и заповѣди Его животворныя хранити, вѣроу по Бозѣ и любовію ко отцу прилѣплятися, ученіе его дѣломъ исполняти, волю свою и расужденіе свое предъ нимъ отсѣкати, и другъ предъ другомъ: душу едину и едино сердце со отцемъ, и со всѣми братіями тщася имѣти, и послушаніе со страхомъ Божиимъ проходити. Молитву всеусердно во умѣ внимательно храняще трезвенно и художно молящася. И нудящася на всякое дѣло благое благодатію Хрїстовою, и успѣвающе въ духовныхъ подвизѣхъ. И бѣ въ соборѣ между братіями видѣти крадбу безгрѣшную, и похищеніе духовное, яко крадущій изобиловаше, и окраденный не оскудеваше, и похищающій богатѣяше, и у похищаемаго цѣло сокровище: вси обогащася другъ отъ друга и оставляху похищати хотящему съ радостію. Единъ похищаше смиреніе, а той у инаго послушаніе, инъ украдый отъ другаго отсѣченіе воли, а той такожде отъ него самоукореніе и слезы, инъ отъ инаго во укоризнахъ и искушеніяхъ терпѣніе, а той у другаго память смерти и страхъ Божій, инъ у инаго братолюбіе, а той отъ инаго молчаніе и незлобіе. И въ таковой независтной брани радовахуся и веселяхуся и славляху Бога. Веселяшеся же и блаженный старецъ нашъ, видя чадъ своихъ духовныхъ тако усердно подвизающихся и благодаряше со слезами Бога, моляше же укрѣпити и на болшій подвигъ благодатію Своею; непрестанно поуча воздвизаше къ болшему подвигу и усердію, глаголя: «Не унывайте, чада, куплю дѣюще, нынѣ время благопріятно, нынѣ день спасенія». Тако пребывающимъ се воста страшная буря, къ тому и огонь ужасный, и возжеся полъ вселенныя. Горы, лѣси и степь поपालяющыя: самыя главныя и первыя въ свѣтѣ двѣ имперіи, Россійская и Турецкая, возмутились ярящася, огнедышуще возвигошася другъ на друга;

Молдавія и Мунтянская земля восколебашася, жителіе вострепеташа отъ страха смертнаго и разбѣгошася: гори, лѣси и монастыри наполнишася народомъ. Боляре и простой народъ бѣжаще упрежаху другъ друга, гдѣ бы возможно было скрытися отъ турокъ и татаръ. Тогда и нашему монастырю, яко крѣпчайшему отъ всѣхъ Молдавскихъ монастырей, въ лѣсу сущу превеликому, и мѣстѣ неудобопреступному, притекоша богатіи и убогіи, множество безчисленное людей, и подѣ покровомъ молитвъ блаженнаго, и всего собора, паче величайшія крѣпости, въ постѣ Рождества Христова первыя седмицы, исполниша монастырь, что и пройти невозможно, такожде окрестъ монастыря и лѣсъ. Тогда блаженный старецъ, видя таковую неисповѣдимую нужду и бѣдствіе людей, зима бо бѣ и снѣгъ, они же полунаги и боси многіи, не могуще ни одѣянія ни пищи отъ страха взяти, точію съ душами и дѣтми избѣгоша. Даде боляромъ поль монастыря, а поль за братіи, и пребываху по три и четыри и пять братіи въ келліи, идѣже по единому прежде сѣдяху. Трапеза великая и теплая, ону даде простому народу, а наипаче бѣднымъ женска пола: о всѣхъ блаженный отечески соболѣзноваше, и аки самъ стражда со всѣми и требователенъ нуждныхъ, милосердіе свое изливая на всѣхъ. Повелѣ блаженный келарю, пекарю, поварю и прочіимъ братіямъ службу имущимъ надъ вещми ядомыми, да всѣмъ входящимъ и требующимъ безпрекословно обрѣтающаяся ядомая вещества, чесога кто востребуеть, подаяти, сушымъ и внѣ, кто бы не пришелъ: овіи взымаху сировое¹ вариво и сами варяху, овіи готовое вареніе и хлѣбъ печеный еже и братія ядяху, тое взымаху. Непрестанно бо хлѣбъ печажу и вареніе варяху упокоити желающе бѣдствующихъ, боляре же и вино взымаху. И бѣ видѣти благодать Божія молитвами бла-

¹ То есть: сырое, неуваренное.

женнаго, яко годовыя собираемыя собору ядомыя и пи-теиныя вещи, бяху доволны и толикому многому народу бѣдствующему, и намъ до уреченнаго времени. Пребысть же весь той народъ въ монастыри и внѣ монастыря дней яко пятнадцать и разыдошася во свояси, а боляре остались въ монастыри. Блеснувъ бо свѣтъ благодати Божія, луна убо помрачися, врази же смутишася, и ужаснися даша плещы¹. Толко бо что вступила Россійская армія въ Молдавію, вострепеташа безбожніи агаряне и яшася бѣгу. Тогда безбоязненно людіе возвратишася въ дома своя радующеся славя Бога; боляре же боящеся пребыли въ монастыри множае года. Егда же милосердіемъ Божиимъ свободихомся отъ страха турецкаго, и изыдоша изъ монастыря, тогда паки воспріяхомъ миръ, и не много пребывъ, иное смущеніе приспѣло, иная болѣзнь и страхъ смертный, моровая язва, а съ нею и неврожай хлѣба три года бысть. Потомъ благодатию Хрїстовою прешедшымъ всѣмъ болѣзнемъ онымъ воспріяхомъ тишину, и устроися житіе наше по первому расположенію. Прешедшей убо шестолѣтной брани, сотворися между Россією и Оттоманскою Портою миръ; и егда убо возвратися армія Россійская изъ Молдавіи во отечество свое, абіе Римская императрица Марія Терезія начатъ требовати отъ Порты Оттоманскія обѣщанныя ей части Молдавскія земли за спомоществованіе ему отъ нея бывшее во время съ Россією брани, юже и даде ей. Начаша граничити господа Молдавскіи и Нѣмецкіи, и бѣ монастырь нашъ отъ границы ихъ разстояніемъ яко три часа. Діаволь убо, аще и прежде распростиравъ козни своя лукавыя, имиже возмогъ бы повредити соборъ и опечалити блаженнаго отца нашего, но молитвами его святыми покрывала благодать Божія, не обрѣтъ себѣ ни откуду помощи, тогда обрѣтъ нѣмцовъ,

¹ Даша плещы — обратились в бегство.

подвигъ ихъ еже болше взяти земли, отъ опредѣленнаго имъ, да съ нею и монастырь Драгомирну подъ свое владѣніе возьмутъ; напругоша мѣрило свое къ намѣренію своему, но бояре Молдавскіи не соизволяху, и не даяху болѣе отъ опредѣленнаго имъ, хотяще защитити монастырь и не ввести въ смущеніе блаженнаго старца и соборъ, но не можаху противу великія власти; таже мольбами и обѣщаніями, кѣихъ словесъ не употребляху, яковыхъ даровъ не даяху, но не можаху преодолѣти, и остася монастырь во власти ихъ совершенно. Тогда блаженный нашъ старецъ много изливъ слезъ, такожде и братія скорбяху о обители яко прекрасна бѣ ради собора братій, плача и о разореніи и трудѣ братій яко кривавый потъ изліяша въ строеніи келлій и въ прочіихъ нужныхъ дѣлѣхъ монастырскихъ, и плача яко подъ владѣніемъ еретиковъ остася, съ ними же миръ быти никогдаже можаше, и яко слѣдуетъ великое собору разореніе, и труды кривавіи во иномъ мѣстѣ въ строеніи келлій, и трудно изъ рукъ нѣмецкихъ избѣгти. Таже написа къ Преосвященному Митрополиту писаніе, и ко благочестивому Господарю Григорію Гики, жалуяся яко подъ папистами не можетъ пребывати, и прося милости дати монастырь святаго Іоанна Предтечи Секуль. Они же зѣло сожалѣша о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій, даша монастырь, егоже просяше, и утвердиша грамотою. Получивъ блаженный грамоту печашеся о вивезеніи церковныхъ вещей, и Богу содѣйствующу вивезли все ушедреніемъ стражей. Таже и братія именемъ на послушаніе посылаеми изыдоша. Осталося въ монастыри сто пятьдесятъ братій. Блаженный же нашъ отецъ оставивъ въ монастыри двоихъ духовниковъ, единаго волосаго языка, другаго рускаго, онаго аки игумена, да по волоскому языку отвѣты даетъ и прочая дѣла исправляетъ, сегоже аки помощника оному до времени: да не како смущеніе нѣкое случится, оставивши единою пустой монастырь,

ктому яко и келлій въ Секулѣ мало бѣше. Распредѣливъ блаженный и устроивъ вся якоже подобаетъ, самъ же иде въ церковь съ горкими слезами плача и рыдая помолвися Господеви, хотя разлучитися отъ обители и братій, братіямъ же давъ миръ и благословеніе яся пути. Приѣхавъ до границы, давъ нѣмцямъ знаменіе, аки до млиновъ¹ ѣдетъ, пропустиша чрезъ рѣку, тамо же и млини въ нихже и пребысть, ожидая братій дондеже соберутся, ихже прежде разославъ аки на послушаніе. Собравшимся братіямъ, воздвигошася оттуду и придоша въ монастырь Секулъ, 1775 года мѣсяца октомврія 14-го дня, и благодаривше Бога со слезами вселишася тамо. Бѣ же тогда всѣхъ братій въ соборѣ двѣстѣ монаховъ и мало множае, кромѣ послушниковъ еще не постриженныхъ. Остася братій въ монастырѣ Драгомирнѣ сто пятьдесятъ, съ братіями своими духовными старѣйшими, обоего языка, славенскаго и волоскаго, духовниками; обаче, якоже плотскіи дѣти отлучившымся на нѣкое время отъ дому своего родителемъ ихъ, аще и утѣшаеми бывають отъ старшихъ своихъ братій, любезными разговорами и надеждою скорого возвращенія ихъ въ домъ свой, но на мало время престають отъ плача, ниже пища подаваема имъ сладка бываетъ, всегда бо взырають слезъ исполненными очесы на путь, на немже имѣють родителей своихъ возвращающихся въ домъ увидѣти, и возрадоватися лицезрѣніемъ и сладкою бесѣдою ихъ; но несравненно болѣе оставшіися тогда въ Драгомирнѣ монастырѣ братія, аще и упокоеваеми бяху, и утѣшаеми духовными любезными словесы, и скорымъ отшествіемъ всѣхъ къ блаженному отцу своему отъ братій своихъ старѣйшихъ духовниковъ, но малу отраду душъ своихъ имуще: всегда печалуя съ горкими воздыханіи, отъ разжженныхъ любви и по Бозѣ вѣры ко святому отцу своему

¹ Мли(ы)нѣ — мельница.

и взырая на путь имже отшедъ отъ нихъ, плакаху о лишеніи святаго лицезрѣнія его, аки свѣта очесъ своихъ, сладкія же его духовныя бесѣды, радости и веселія сердца своего, и присно воображая лице любимаго, иніи приѣмлюще малу отраду, другіи же множае печаловаху, отъ нихже и являшеся нѣкіимъ во снѣ блаженный, утѣшая ихъ скорымъ собраніемъ всѣхъ къ себѣ во едину обитель Секуль. Колико же скорбя плакаше и самъ блаженный, о¹ отлученіи и раздѣленіи возлюбленныхъ чадъ своихъ духовныхъ, яко не видитъ предъ собою всѣхъ: ихже зря, яко Ангеловъ Божіихъ зрѣти вмѣняше, и радости неизреченныя святая душа его исполняшеся отъ любви ко братіи, приглаголя сіе, яко нетѣсно всѣхъ васъ въ себѣ вмѣщаю, подражая святаго Апостола Павла рекшаго къ коринфяномъ: яко не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ²; таковая бѣ любви и святаго отца нашего къ намъ, и ко всѣмъ Хрістіаномъ. Многажды же на поученіи глаголаше къ намъ блаженный и сіе, яко, егда вижду азъ чадъ моихъ духовныхъ, подвизающихся и нудящихся хранить заповѣди Божія, и отсѣкати волю свою, не вѣровати же разсужденію своему, и со страхомъ Божіимъ проходить послушаніе, тогда таковую неизреченную въ души моей духовную радость имѣю, что ниже въ Царствіи Небеснѣмъ болшія радости имѣти не желаю. Аще же вижду нѣкіихъ не радящихъ о заповѣдехъ Божіихъ, и держащихъ волю свою, вѣрующихъ разсужденію своему, и божественное послушаніе презирающихъ, отъ самочинія и самоугодія объятыхъ лѣнностію и ропщущихъ, тогда таковая печаль объемлетъ душу мою, что и во адѣ не можетъ болшая быти, дондеже не увижду ихъ покаявшихся. Оставшіися же братія въ Драгомирнѣ довольно келлій имѣяху, а пришедшіи съ блаженнымъ старцемъ въ

¹ В рукописи: отъ.

² Пометка на полях: глава 7. (Ср.: 2 Кор. 6, 12.)

монастирь Секуль великую нужду претерпѣваху безъ келлій: точію бо всѣхъ чetyренадeсять келлій бѣ, братій же множае пятидесяти, кромѣ нѣкихъ секулскихъ стариковъ; вмѣщавшя же по три, по чetyри и по пять братій во единой келліи, и претерпѣваху страждущe зѣло зѣло чрезъ зиму. Едино точію утѣшеніe и радость имъ бѣ лицезрѣніe отца своего святаго, и ученіe духовное облегчающее всяку скорбь и тѣсноту, терпяху же вся случившаяся славяще Бога. Пришедшей убо веснѣ, начаша братія переходити изъ монастыря Драгомирны въ Секуль, и толикая бѣ теснота, яко не имѣяху гдѣ и главы подклонити, тогда паки бѣ скорбь и смущеніe, видя имущее быти послѣдующее разореніe душевное, отъ безмѣрнаго труда и попеченія въ строеніи келлій; но избѣгнути отъ онаго не бѣ возможно, еже бы не строити своими руками. Возложившеся убо на помощь Божию, и на молитвы блаженнаго отца своего яшася дѣла: овии внутрь монастыря въ пиргахъ¹ созидаху, овии къ муру прилѣпляху аки ластовицы гнѣзда, инии внѣ монастыря, зане не имѣяху мѣста внутрь тѣсноты ради, другии въ лѣсу; и труждаяся проливаша потъ свой. Помоществоваше же и блаженный старецъ подая коeмуждо денги, да взыскавъ нѣкоего работника отъ мѣрскихъ людей имать помощь себѣ. И бяху братія въ такомъ попеченіи, молвъ и трудѣ три лѣта, зиждущe и строяще келліи. Инии по два во единой, другии по единому пребываху. И соороща своими руками, внутрь монастыря и внѣ до ста келлій, и собращася во едино; мало число ошася въ Драгомирнѣ. Таже оставиша нѣмцамъ и монастырь Драгомирну издавше изъ рукъ якоже подобаетъ, придоша вси въ монастырь Секуль, идѣже храмъ святаго Пророка, Предтечи и Крестителя Іоанна Усекновеніe честныя главы. Отдохнуша мало братія отъ попеченія и труда безмѣр-

¹ Пиргъ — башня.

наго яко единъ годъ. Мѣсто оно зѣло тихое и безмолвное, по обою страну горы исполнены лѣсомъ, внизу рѣка малая, надъ неюже стоитъ монастырь на раздолѣ между горами. Мѣсто зѣло притрудное, обаче со всею притрудностию и великою нуждою блаженный старецъ и братія благодарни быша, яко мѣсто тихое и безмолвное; аще и церковь мала не вмѣщающая такового собора, и зимою трудно бѣ отъ хлада, но терпяху съ надеждою обновленія другія церкви теплыя въ трапезѣ. Блаженный же и о томъ доволенъ бѣ, яко никтоже стужаше пріиздомъ посѣщенія ради его: вси бо великіи бояре всеусердно желашу посѣтити и видѣти святаго мужа, сподобитися благословенія отъ него и насладитися духовныя бесѣды; но бояхуся жестокаго и притруднаго онаго пути. Пребывающимъ убо намъ въ Секулѣ и упокоившимся мало отъ попеченія и труда въ строеніи келлій, безмолвствомъ исправляясь на первое духовное устроеніе, еже бѣхомъ погубили смущеніемъ нѣмцовъ, переходомъ въ Секулъ, трилѣтнимъ въ строеніи попеченіи трудомъ и молвою, благодарихомъ Бога. Радовашеся же и блаженный отецъ, видя насъ подвижающихся и успѣвающихъ и другъ друга воздвигающихъ къ подвигомъ духовнымъ. Соборъ же день отъ дне умножашеся и никакоже можаше блаженный отказатися не пріимати приходящихъ, слезнымъ моленіемъ стужающихъ пріяти ихъ въ послушаніе и ученичество: что не предлагаше, что не глаголаше, тѣсноту келлій, трудъ послушанія, нужду въ тѣлесныхъ потребахъ и во всемъ скудость. Но елико онъ отъказывая отсылалаше ихъ, то они паче и паче припадающе къ ногамъ его плачуще и рыдающе моляху пріятными быти. Убѣждаемъ бысть слезами ихъ милосердный нашъ отецъ и любве ко ближнему исполненный, пріимаше. Исполняя Евангелское слово: грядущаго ко Мнѣ не иждуду вонъ. Всѣхъ поучая, всѣмъ открывая волю Божию, всѣхъ наставляя на путь спасенія, соборнѣ всякій годъ

чрезъ всю зиму въ трапезу собирая и поучая отъ Писанія, о дѣланіи заповѣдей Божіихъ, и о послушаніи и о иныхъ подвижѣхъ: единъ вечеръ по славенску языку, другій по волоску; такожде и въ келліи о томъ же бѣше бесѣда сго всегда: возлагая на всемогущій промыслъ Божій о тѣлесномъ и душевномъ окормленіи. Тако пребывающымъ, придоша братія паки во устроеніе Драгомирское ученіемъ его, и мирствоваша подвижающихся и успѣвающе благодатію Хрїстовою, и молитвами блаженнаго. Миренъ же бѣше зѣло и отецъ нашъ святой въ Секулѣ, и благодаря со слезами Бога, изведшаго безъ вреда изъ владѣнія паписташовъ. Увѣщаваая же всѣхъ терпѣти всякую нужду безмолвія ради сущаго въ Секулѣ. И ни единого помысла не имѣяше искати иныя обители пространнѣйшія или доволнѣйшія, паче же радовашеся о нищетѣ, скудости и тѣснотѣ, яже отъ юности своя возлюбивъ блаженный Хрїста ради, и всѣхъ того поучая. Невѣдомо же откуда сіе смущеніе случися, Богъ вѣсть. Единою сѣдящу въ Сенатѣ Свѣтлѣйшему благочестивому и Хрїстолюбивому князю Константину Мурузу, со всѣмъ свѣтлымъ и боголюбивымъ своимъ Сенатомъ, привниде бесѣда о блаженномъ отцѣ нашемъ, и о соборѣ братій; вопросы благочестивый и Хрїстолюбивый князь своего Сената, каковъ монастырь въ немъ же пребываетъ старецъ Паісій со братіями, тогда единъ отъ первѣйшихъ сенаторовъ, бывый прежде въ монастырѣ Секулѣ и вѣдый вся, воставъ отвѣща: «Ваше Свѣтлѣйшество, аки въ заточеніи нынѣ пребываетъ старецъ Паісій со братіями». Князь же удивлся о словеси рече: «Какъ въ заточеніи?» Онъ же отвѣща, зане монастырь Секулъ тѣсенъ и церковь малая, не ради таковаго собора онъ созданъ: мѣсто зѣло притрудное и путь къ нему прежде стокій и неудобосносный въ превезеній извнѣ нужныхъ къ житію потребностей. Хрїстолюбивый же князь съ соболѣзнованіемъ глагола къ Сенату: «То нѣсть ли

убо въ нашей державѣ такового монастыря, въ немже бы возмогли святаго сего старца Паісія со братіями упокоити?» Отвѣщаша отъ Сената: «Во всей нашей земли нѣсть болшаго пространствомъ и великостію церкви, красотою внѣ положеніемъ мѣста, и удобнымъ приездомъ, къ привезенію потребностей нужныхъ отъ внѣ собору, паче монастыря Нямца, который разстояніемъ отъ Секула двоихъ часовъ». Тогда Свѣтлѣйшій князь зѣло возрадовался, написа къ старцу, повелѣвая преходити въ монастырь Нямецъ безъ всякаго сумнѣнія, не смотря ни на кого. Егда же прочте блаженный оное писаніе, тогда воистинну подобіе бысть морскаго волненія: егда бо найдеть нечаянная буря, то абіе воскипитъ море, восколеблются корабли, корабленницы смутятся, и вси въ страсъ; тако и тогда бѣ. Прочеть блаженный писаніе и увидѣ въ немъ не надѣемое хрістолюбиваго князя повелѣніе пріяти монастырь Нямецъ во свое правленіе, восколебася аки корабль душа его, скрыся миръ, отбѣже тишина и безмолвіе еже имѣяше въ сердцѣ своемъ: нападе буря помысловъ печальныхъ, окружиша горестъ и скорбь безмѣрная душу его, восплакася горькими слезами неутѣшимо до изнеможенія и недоумѣвая что творити. Смутишася же и братія увидѣвше нечаянный вѣтръ разорити имущъ душевное ихъ устроеніе, погубити миръ егоже имѣяху отъ безмолвія, искоренити до конца отъ ума и сердца ихъ вниманіе, трезвѣніе и молитву, юже по смущеніи Драгомирскомъ, и попеченіи и трудѣ Секулскомъ отдохнувшу мало стяжали быша. Нѣкіи же легчайшіи умомъ, и разсужденіемъ недостаточніи, о трезвѣніи же и молитвѣ не зѣло пекущіися, безмолвіе имъ не за велико почитаемо, зане не быша причастни пользы душевнаго безмолвія, о славицы удивляющіися, воскрилія и покой любящии, имже богъ чрево и слава ихъ въ студѣ, тогда возрадовашася аки о пріобрѣтеніи нѣкоего государства, Нямецкаго монастыря. Чтоже по томъ, ум-

ножившейся превеликой печали и скорби, яковья блаженный нашъ отецъ отъ рожденія своего не имѣяше, плакаше рыдая горько, первѣе о семъ яко слѣдуетъ раздѣленіе собора, и не можетъ имѣти предъ лицомъ своимъ всѣхъ чадъ своихъ духовныхъ, иже быша ему утѣшеніе, и лицезрѣніе ихъ веселіе сердца его, бесѣда же съ ними слаждша меда и сота, а раздѣленіе собора горестъ души его. Таже предвидя разореніе устроенія душевнаго, молитвы и вниманія погубленіе отъ смущенія, юже стяжаша многими подвиги въ Секулѣ: въ трудѣхъ строенія келлій, изнеможеніе и скорбь, немощнымъ же сѣтъ готову, зане обитель она поклонна есть, иконы ради чудотворныя Пречистыя Богоматере, и входу всегда всѣмъ обоего полу невозбранный, ктому разсуждая обители оныя смущеніе, началствующыхъ въ ней роптаніе, укоризны и клеветы, подначалныхъ скорбь и негодованіе, и иныя многія причины, плакаше сѣтуя зѣло зѣло, и изнемогая; и яко имать разоритися общее поученіе ко братіи, еже творяше всякія зимы собирающимся въ вечеръ въ трапезу. Ово яко невозможно будетъ собратися всѣмъ и слушати, зане раздѣленни имуть быти, и болшая видеть между ихъ скорбь; ово же (якоже самъ мнѣ рече блаженный послѣжде въ Нямцѣ), яко имуть быти гостѣ мірскіи великіи лица, и невозможно возбранити не приходити имъ слушати, и пресѣчется его нравоученіе, еже обикль бѣ творити по всякомъ поученіи отъ Писанія, о исправленіи случающихся въ соборѣ причинъ, о ихже подобаетъ въ соборѣ обличити не являя лицъ, да согрѣшившіи посрамятся, и убоявшеса исправятся и покаются, неповинніи же болшее храненіе и опасность возымуть. И скорбляше неутѣшно день и ночь. И толко готовящеса писати къ Свѣтлѣйшему князю молителный отказъ, се пріихали изъ монастыря Нямца начальницы онаго, ко блаженному: услышавше бо о дѣлѣ семъ отъ нѣкихъ извѣщеніе, и смутишася зѣло, начаша молити

прилѣжнымъ моленіемъ и смиреннымъ прошеніемъ не обидѣти ихъ и не разорити житія ихъ, идѣже они отъ юности до старости пребываютъ, и труды своя и поты въ немъ положиша, во всякихъ службахъ, а нынѣ, глаголаша, на старость гдѣ поидемъ? Плакати же на васъ будутъ и другіи наши братія, утѣшенни отъ васъ, и каю вамъ польза отъ сего будетъ? И едва возможе блаженный вислушати словеса сія, уязвляющая паче стрѣль разжженныхъ святую душу его миролюбивую воистинну и кротку, всѣмъ мира, пользы и спасенія желающую, никогоже когда обыдевшую или опечалившую, ниже пожелавшую чуждаго труда, но и свой обыдѣющимъ оставляющую непамятозлобно. Начать къ нимъ бесѣду, плача предъ ними горько, объявляя ненадѣемое и великое искушеніе, несносную печаль, и неутѣшимую скорбь, насылованіе и принужденіе, смущеніе братій въ переходѣ изъ Драгомирны, труды и поты, положенныя въ Секулѣ, малое успокоеніе отъ трудовъ, тишину и миръ душъ ихъ. «Се буря, глаголетъ, нечаемая, се волны понуждающыя и влекущыя корабль душъ нашихъ во слѣдъ себе, мы же вѣтрила наша елико силы на право держимъ не послабляя произволенію нашему послѣдовати имъ. Видите, отцы святіи, — показуя имъ писаніе отъ князя и глагола со слезами, — се буря ненадѣемая, се волна смущенія и скорби нашея и вашея, се насылованіе и бремя вышше силы нашея. Но да извѣститъ вамъ Христось Господь, яко никогда мнѣ и въ помыслъ сіе не приходило, еже бы сотворити таковое беззаконіе насылованіемъ и опечалити души вашея, и подпасти вѣчному осужденію за преступленіе заповѣди Божія. Вы сами, отцы святіи, вѣсте, яко и Секулъ не по насылію нашему держимъ, но бывшій игумень честный отецъ Нифонтъ, видя наше смущеніе подъ нѣмцями, самъ насъ звавъ по любви своей къ намъ, и волею своею отдававъ прежде писанія ко властемъ. Къ тому же и самъ съ нами пребы-

вати желавъ, еже и исполни. Тогда мы съ любовнымъ согласіемъ писали къ Преосвященному Митрополиту, и прочіимъ властемъ, и получили просимое. Како бы азъ дерзнулъ таковое злодѣйство сотворити, кѣимъ лицомъ воззрѣлъ бы на святая лица ваша, совѣсть свою судію и обличителя о обыдѣ ближняго имущу, юже во всей жизни моей тшуся упокоити миромъ и любовію ко всѣмъ благодатію Христовою? Како же и приступилъ бы азъ ко Престолу Божію причаститися страшныхъ и Божественныхъ Таинъ, имущу плачущихъ и вопіющихъ ко Господу за насиліе на мя? Не буди то, да не дасть мнѣ Господь и помyslити такового зла дѣла. Но и писати имамъ къ его Свѣтлѣйшему слезно моля и прося оставити насъ, и васъ мирно пребывать во своихъ обителехъ. Мы бо въ Секулѣ во своей обители глубокой миръ нынѣ имамы благодатію Божіею, аще притруднаго ради пути, въ привезеніи нужныхъ собору потребъ и бываютъ тяжестны, и зѣло притрудно во время зимы, и наводненія рѣкъ; обаче безмолвія ради и тишины съ радостію вся терпимъ благодаряще и славяще Бога». Таковыми и иными множайшими словесы началницы Нямецкіи утѣшившеся, отъидоша. Блаженный же нашъ отецъ написавъ слезное писаніе къ Свѣтлѣйшему князю. Кѣихъ словесъ умиленныхъ не употреби, кѣихъ благословныхъ причинъ обоихъ монастырехъ не представи, кѣихъ прошеній слезныхъ отъ всего собора братій о отказѣ отъ монастыря Нянца, и о благодареніи тихаго и безмолвнаго монастыря Секула не принесе, моля не утрудати старости его, и сотворити милость съ болѣзнію его, да не умножится болшая отъ прехожденія попеченія и безмѣрныхъ тягостей и трудовъ, о вредѣ душевномъ имущемъ послѣдовати братіи, о разореніи тишины и безмолвіи ихъ и о¹ иныхъ многихъ причинахъ имущихъ быти о нихже

¹ В рукописи: отъ.

предречеса, о разореніи и смущеніи Нямецкаго собора, о роптаніи, непримирителной враждѣ и ненависти ихъ, отъ чего обоимъ странамъ слѣдуетъ великій вредъ душевный. Тако написавъ, посла съ нимъ перваго духовника волоскаго языка, вѣдущаго и греческій, и другаго брата при немъ: да при писаніи сами объявляетъ по тонку о всемъ, и молятъ со слезами помиловати, и оставити безъ смущенія пребывати въ Секулѣ. И ожидая съ надеждою прошенія своего, получения отвѣта. И таково прошеніе бѣ, что не точію таковаго милостиваго благодѣтеля, и вѣру по Бозѣ и любовь ко святому отцу нашему, и ко всему собору имущаго, но аще бы каковъ не былъ властелинъ умягчилося бы и умилилося сердце его. Но точію Единъ Богъ вѣсть, чесо ради содѣяся тако: кто бо уразумѣ умъ Господень, или кто совѣтникъ Ему бысть, творить бо елика хочетъ, божественнымъ и недомысленнымъ Своимъ промысломъ. Придоша посланніи съ писаніемъ ко князю и возвѣщено бысть о нихъ, повелѣ внити къ себѣ; вшедшымъ же имъ, съ достодолжнымъ поклоненіемъ вдаша писаніе. Прочтенну же бывшу, начаша словесно возвѣщати подробну о всемъ, и со слезами къ ногамъ его припадая молити, представляя многія причины, еже бы преложити Свѣтлѣйшаго князя отъ сего начинанія, и оставити старца и братій въ Секулѣ безъ смущенія пребывати, и Нямецкій соборъ не разоряти, да не будетъ вражда и вредъ душевный обоимъ монастыремъ, но никакоже умолити можаху. Нямецкому бо собору обѣщавая князь инъ монастырь дати, старцу же повелѣваше переходити въ монастырь Нямецъ. И вопросы духовника: «Имѣете ли вы послушаніе ко старцу?» Отвѣща духовникъ: «Всяко должны есмы слушати и во всемъ повиноватися ему, и всѣмъ братіямъ даже до смерти, якоже и на постризѣ нашемъ предъ Богомъ, и предъ нимъ обѣщавомся». Тогда благочестивый князь рече: «Аще убо святой вашъ отецъ таковаго ищетъ по-

слушанія отъ васъ, то не подобаеть ли и ему поне единою послушати насъ, тѣмже въ преслушаніи самъ, каковъ образъ послушанія подати можетъ, и научити васъ послушанія?» И повелѣ написати къ старцу писаніе, въ немже къ прочіимъ словесемъ приложи и сія: «Сотвори послушаніе, иди въ Нямецъ, ничтоже разсуждая». И утвердивъ рукописаніемъ и печатію своею, давъ духовнику, отпусти съ миромъ.

Блаженный же, ожидая милостивнаго отъ князя отвѣта, се придоша и братія съ писаніемъ. Егда же прочте и увидѣ написано послушаніе съ повелѣніемъ, тогда восплакася горко и не вѣдѣше что творити; и толико умножися и объять душу его безмѣрная печаль, что не можаше ни ясти, ни пити, ни спати и изнеможе тѣломъ зѣло. Мы же вси быхомъ въ скорби и смущеніи великомъ, да не умреть отъ безмѣрныхъ печали, и останемся безвременно сыроты, таже собрашася старѣйшіи братія изъ духовниковъ, идоша къ нему болну сущу, и начаша слезно молити его оставити таковую безмѣрную печаль и укрѣпитися пищею: «Кая бо полза намъ, аще вы умрете безвременно, а мы безъ васъ останемся сыроты, то тогда что имамы творити? И аще воля Божія таковая есть, противитися не подобаеть. Когда бо Свѣтлѣйшій князь презрѣвъ ваше писаніе не исполнь прошенія, о чемъ возвѣщали, но и безъ прошенія колико намъ благодѣтельствуеть и всѣмъ насъ снабдѣваетъ, одеждами и ядомыми вещми, и иными многими. Како бы онъ презрѣвъ любовь свою, юже имѣеть къ вамъ, аще не бы подвигль его на сіе нѣкій Божественный промыслъ? И что сотворимъ противяся, буди воля Божія, пойдёмъ». Онъ же яко благоразумный мужъ, внявъ словесемъ чадъ своихъ духовныхъ, воздвигся отъ одра и воста, сотвори же крестное знаменіе, поклонися иконѣ Пречистыя Богоматере, и рече: «При двою или тріехъ свидѣтелехъ станеть всякъ глаголь, глаголетъ Писаніе. Аще тако вы, братіе,

глаголете, то буди воля Божія, идемъ и нехотяще». Укрѣпився же мало пищею, спати же не можаше. Призвавъ же тріехъ духовниковъ и нѣколико братій, посла въ монастырь Нямецъ, давъ отъ князя и писаніе да прочтенно будетъ тамо, и уготують келлію за него и за прочіихъ братій нужднѣйшихъ, священниковъ и пѣвцовъ. Сіе же бысть предъ навечеріемъ праздника Успенія Пресвятыя Богородицы. Сотворивше же братія якоже повелѣно бысть, возвратилися; онъ же распредѣливъ кіимъ ити съ нимъ въ Нямецъ монастырь, кіимъ оставатися въ Секулѣ, и прочая вся якоже подобаеть; вниде въ церковь, помолися со слезами, лобизавъ святія иконы изыде. Давъ же всѣмъ благословеніе, плача изыде изъ монастыря, и сѣдъ на колесницу яся пути. Мы же аки нѣкій полкъ окруживше колесницу, овѣи провождающе, овѣи съ нимъ идуще. Приидохомъ въ монастырь Нямецъ въ навечеріе праздника Успенія Пресвятыя Богородицы 1779 года, мѣсяца Августа 14-го дня. Вшедъ же въ церковь пѣту бывшу Достойно есть, и ектеніи; блаженный же поклонився иконамъ, таже прииде до иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, плакася много, вручая себе и братій заступленію, храненію, покрову, окормленію и всю надежду о всемъ по Бозѣ на Ню возложъ лобизавъ со слезами; прииде въ келлію и почи мало, обаче уснути не можаше отъ многія печали, и уже многимъ днемъ и нощемъ прешедшымъ безъ сна. Приспѣвшу же бдѣнію, аще и съ великимъ трудомъ, болѣзни ради и слабости, но прииде въ церковь сѣдя слушая пѣнія, и молящися Пречистѣй Богоматери дати ему мало уснути; кончащейся же вечерни, и начинающейся утрени, начать приходити ему сонъ. Изшедъ же изъ церкви вниде въ келлію, почи, скоро уснувъ и спаше три часы; возбудившуся же отъ сна ощутивъ облегченіе главы и малое нѣкое здравіе въ тѣлѣ, печаль же всю исчезнувшу, благодаривъ со слезами Бога и Пречистую Богоматерь.

По Літургїи собравъ начальниковъ бывшихъ Нямецкихъ, побесѣдовавъ съ ними любезно, обѣщавъ ихъ во всемъ упокоити, и самовластіе ихъ ни въ чемъ не насыловати. Прїявъ же все церковное и внѣшнее имѣніе изъ рукъ ихъ, что они издали ему во владѣніе его, не истязуя ихъ ни о чемъ. И таковымъ образомъ примирились глубоко. Единъ по многихъ лѣтѣхъ прїявъ схиму, отдавъ и имѣніе свое собору, живъ нѣколико лѣтъ преставися ко Господу. Другій же еще въ жизни пребываетъ благодатію Хрїстовою. Нѣкіи же отъ меншихъ отъидоша, прочїи же вси приобщисася собору, предавше себе въ послушаніе, и бысть единъ отъ двою собору, и миръ душевный.

Тогда блаженный написавъ къ Свѣтлѣйшему князю о прїятїи монастыря, о примиренїи и соединенїи бывшего Нямецкаго собора во едино, и о нуждѣ за келліи, зане соборъ бѣ малъ, то и келлій точїю всѣхъ изъ дванадцять, братїямъ же вмѣстатися не бѣ гдѣ. Таково писаніе князь егда получивъ отъ блаженнаго старца, зѣло возрадовался о послушанїи его и о примиренїи и соединенїи Нямецкаго собора во едино; съ нимже и прочїи сенатори радовалися. Точїю Преосвященный Митрополїтъ не весма, зане отсѣчєся приходъ, бываемый отъ монастыря Нямца въ Митрополїю на всякъ годъ. Отъ нашего же собора ничтоже взымашєся, ни въ Митрополїю, ни во общественныя зборы. Но все отъ прежде бывшихъ князей, и отъ сего Хрїстолюбиваго князя, даровася собору, скудости ради нашея, и превеликихъ иждивенїй. Повелѣ же князь написати грамоту и утвердитися подписами, Митрополїта, князя и Сената, такожде и печатми, даде посланнымъ братїямъ. Приложивъ и отъ себе написати ко старцу, благодаря ему за послушаніе, и за примиреніе и соединеніе прежде бывшего собора Нямецкаго благодарумїемъ своимъ, моля его молитися о здравїи и спасенїи, о мирной державѣ его, и о всея земли здравїи и благополучїи, обѣщаваяся нѣсколко келлій

устроити, и во иныхъ нуждахъ помоществовати. Еже и творяше приснопоминаемый блаженный оный князь во время своего владѣнія Молдавіею. И таковъ бѣ собору благодѣтель, что не бѣ прежде его, ни по немъ обрѣтается подобень ему. Господь да упокоитъ душу его во Царствіи Своемъ. Получивъ же блаженный нашъ отецъ граммату и писаніе отъ князя, начатъ управлять по богоданному ему разуму оба монастыри, и приложишася труды удвое прежде бывшихъ ему трудовъ и попеченій. Паки и братія внидоша и сами въ труды и попеченія о строеніи келлій молваху зиждуше; другіи же оставше своя монастыри придоша со слезами святаго моляще пріятымъ быти, обѣщавающесе самѣмъ и келліи состроити себѣ своими руками; блаженный же не могій отрещися, всѣхъ пріимаше; и труждахуся вси строяще келліи внутрь монастыря и внѣ, зане не бѣ возможно всѣмъ внутрь вмѣститися. Устрои же и болницы и страннопріимницы: зане старіи, и хроміи и слѣпії, не имущіи гдѣ и главы подклонити, къ нему приходяду плачуще и рыдающе моляху его Христа ради помилувати ихъ, и сотворити милость съ ними. Пріимаше святой, якоже и здравыхъ, опредѣляше въ болницу, и упокоевая яко отецъ чадолубивый всѣхъ по возможности: дохтору повелѣваше врачевати требующихъ врачеванія; служащимъ заповѣдая аки Самому Господеву служить старымъ, хромымъ, слѣпымъ, болнымъ. По вся субботы главы мыти и одежды, и отъ всего очищати, кровати горячею водою парити да не умножатся блощицы, постели на солнце и на вѣтеръ полагая часто; внутрь болницъ чистоту блюсти, и всякій день ладаномъ или инымъ кореніемъ курити, да не будетъ воздухъ тяжелый; пищу отраднѣйшу готовить, такожде и хлѣбъ, и вино. И бяху вси благодарни и со слезами славяху Бога, благодаряще всегда и отцу своему истинному за призрѣніе о нихъ. Приходящіи же странніи монахи препочиваху елико хо-

тяху, седмицу, двѣ и мѣсяць, никтоже рече и едино слово, почто сѣдиши праздно ядый общій хлѣбъ; иніи же моляху и презимовати, не отвращаше и оныхъ, но пріимая благословяше; отходящихъ же не истязоваше, но давъ на путь отпускаше съ миромъ. Хранится же тоє и до нынѣ въ соборѣ благодатію Хрїстовою. И умножися соборъ въ монастырѣ Нямцѣ чрезъ нѣсколко лѣтъ множає трієхъ сотъ и зъ скитами близъ сущими. Въ Секулѣ же всегда сто шестьдесятъ, бываетъ, и сто осмьдесятъ братіи. Зане иныхъ взымаше блаженный оттуду къ себѣ, иныхъ же посылаше тамо. За келліи въ Секулѣ братія безмолствоваху, зане доволно бѣ: въ Нямцѣ же непрестанно строяще; и бѣ видѣти окрестъ монастыря аки градъ нѣкій: мѣсто тамо пространное равное, горы въ отдаленности, лѣса на всяку потребу изобилно, сѣнокоси близъ прекрасни, и пріездъ не трудень. Устроивъ блаженный отецъ нашъ и ину церковь внутрь монастыря, святаго Великомученика Георгіа, и украсивъ дивнымъ благолѣпіємъ, кромѣ великія церкви Вознесенія Господня. На той же праздникъ отъдревле бываетъ и собраніє народа, множество безчисленное обоєго полу и чина: не точію отъ Молдавіи, но и отъ иныхъ странъ далекихъ приходящихъ поклоненія ради иконы чудотворныя Пресвятыя Богородицы, богатыхъ и убогихъ, монаховъ и мірскихъ; всѣхъ же по возможности, вторый страннолюбіємъ Авраамъ тщашеся упокоевати. И иждивеніє бываетъ великое, приходъ же едва въ полъ; тогда и утѣсненіє дней три или чєтыри братіи бываетъ. Иніи же аще и останутся по праздницѣ, но въ гостинницѣ упокоеваются. А блаженный чєтыри дны¹ не имать покоя, отъ утра до вечера двери отверзты и всякому желающему пріити невозбранно къ нему; всѣхъ же приходящихъ привѣтствованіє любезно благодаря за посѣщеніє, обѣщавая отъ

¹ То есть: дни.

Господа и Богоматере награжденіе за труды подъемшья въ пути, и благословляя отпускаше въ гостинницы и другія на то уготованныя и убранныя ради покоя гостей келліи. Самъ же въ нощи вкушаше пищи, весь день не ядый пребывая, зане аще и мало что вкусылъ бы пищи, тогда непременно требоваше почити, гладень же весь день отправляше дѣла. Еще же творяше и сіе премудрости Божія исполненный мужъ: начинающуся празднику опредѣляше братій благоговѣйныхъ и страха Божія исполненныхъ надзирати за братьями обходяще день и ночь, да не произыдетъ нѣкій соблазнъ. И братія же вѣдуще волю отца своего, другъ друга оберегаху. Совершившуся же празднику, не негодоваше о иждивеніи блаженный, но благодаряше Господа и Матерь Божию, удостоившую праздновати пресвѣтлый праздникъ, и моляше удостоитися и предбудущаго еще въ жизни сей празднованія. Пребывающимъ въ монастырѣ Нямецѣ яко девять лѣтъ, и мало почившимъ и отъ труда отдохнувшимъ, се страшная буря огнемъ дышущая, се страхъ смертный, мечъ над главою старымъ, ременіе и вервѣе въ рукахъ враговъ, готовое на связаніе юныхъ и отведеніе въ плѣнъ: брань тріехъ Имперій воздвижесе лютая, степи исполненни воинства, море кораблями покрыся, гради и села пусты оставшася: вси разбѣгошася гдѣ кто можаше скрытися отъ ярости турецкія. Отцы и матери погубившихъ дѣтей ищутъ, дѣти плачущіи родителей своихъ, мужіе женъ, и жены мужей своихъ. Вси во изумленіи отъ страха, бѣжаще путемъ и полемъ, попирающе другъ друга въ горы и лѣсы спѣшаше гдѣ бы возможно било¹ скрытися. Тогда и монастырь Нямецъ наполнися народа, внутрь и внѣ, великородныхъ и худородныхъ. Таже нѣмецъ придоша въ мѣстечко прежде турковъ и ополчишася въ немъ, тогда мало отъиде страхъ. Пре-

¹ То есть: было.

шедшымъ же малымъ днемъ се и турки свѣтающе дню
идоша къ нимъ, нѣмцѣ же увидѣвше издалеча идущихъ,
и свое оставиша отъ страха съ душами точію убѣгоша
назадъ; турки же вшедше въ мѣстечко одержали побѣду
надъ нѣмцами безъ огня и безъ пролитія крове, взяша
все нѣмецкое въ добичь себѣ, тріехъ человекъ въ мѣс-
течку убиша противящихся имъ, прочіимъ же ничтоже
творяху. Сѣдяще же тамо хотяху въ монастырь Нямецъ
ити разстояніемъ пути оттуду тріехъ часовъ. Тогда въ
монастирѣ вси полумертви бяху, и никтоже можаше со-
вершенно увѣрити, суть ли турки въ мѣстечку или отъ-
идоша; аще и посылаху господіе своихъ воиновъ, но
бояхуся приближати тамо, и въ недоумѣніи и страсѣ
бяху великомъ. Нѣкіи глаголаху не затворяти монасти-
ря, но изшедше къ нимъ молити ихъ не творити зла; дру-
гій же отнюдь не повинушася, но заключити монастырь
глаголаху, и съ монастыря бити не допуская приближи-
тися. Таковому смущенію бывшу, единъ отъ общихъ
братій монахъ, вниде къ блаженному отцу нашему, вземъ
благословеніе ѣхати прямо въ мѣстечко и увидѣти, суть
ли въ немъ турки, или отъдоша; избра же и коня егоже
знаяше, всѣдъ нань отъиде прямо въ мѣстечко, и вшедъ
внутри небоязненно преходя семо и овамо, ни единого
турка видѣ; обрѣтъ же нѣкоего человекъ извѣстися отъ
него, яко отъидоша. Возвратися съ благимъ извѣстіемъ,
и возрадовашася вси. На другій же день услышавше, что
турки возвратилися, убѣжали въ Секуль монастырь гос-
пода, и старецъ, братія же по лѣсахъ разсипалися, и тамъ
страдали, не бѣ бо мѣста въ монастырѣ. А время студено
вторыя седмицы Великаго поста; и пребывали тамо
дондеже пришли нѣмцы, прогнали турковъ и завладѣ-
ли сами, тогда изъ монастыря странній разъидошася во
своеси. Обаче и отъ нѣмцовъ велико утѣшеніе имѣли,
но смертнаго страха не бѣ. Таковое бѣ страдателное жи-
тіе блаженнаго отца нашего, и наше съ нимъ, въ пре-

хожденіяхъ, смущеніяхъ, попеченіяхъ, трудѣхъ вышше
сылы нашея и страѣхъ смертныхъ. О нещасливы мы,
что завистию бѣсовскою, грѣхъ ради нашихъ, изгнани
быхомъ отъ нѣмцовъ, или и сами удалихомся изъ мона-
стиря Драгомирны, да бы не пострадали нѣчто и въ вѣрѣ
нашей православнѣй, отъ ересоначалниковъ, и мірскихъ
властей ихъ, якоже оставшіися монастыри тамо постра-
дали, и мірскіи власти и духовніи отъ еретиковъ. О тце-
ты ненадѣмая юже подъяхомъ, о убитка и разоренія
душевнаго, еже пострадахомъ, странствуя, молвя, скита-
яся, бѣдствуя, страждуще! Якоже бо садъ древесный,
часто пресажаемый, помалу увядая совершенно изси-
хаеть, тако воистинну и нашего собора садъ душевный
пострада прехожденіемъ и премѣненіемъ монастырей.
О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утѣшеніе душъ
нашихъ, поминая въ тебѣ наше житіе, или лучше мол-
чати да не исполнятся горести сердца наша лишившеся
тебе. Преидохомъ въ Секуль, увяде устроеніе, и ослабѣ
страдалческое душъ нашихъ произволеніе, отъ молвы,
трудоу и попеченій въ строеніи келлій, и прочіихъ.
Аще источникъ медоточный духовный исходящій отъ
святыхъ устъ отца нашего и напаяше, но не могій скоро
охладѣвшая и ожесточившаяся сердца наша разгрѣти и
умягчити, и умъ, отемненный отъ предреченныхъ при-
чинъ, трезвень, бистрозрителень и мужественно хра-
нящъ сердце свое отъ прилоговъ вражіихъ, посѣкая я
аки мечемъ огненнымъ, непрестанною умною въ серд-
цахъ дѣйствуемою молитвою сотворити; зане погуби-
хомъ, отбѣже отъ молвы и попеченій: пресѣклися жилы
душевныя и увядоша, якоже и въ древесѣхъ пресѣка-
ются кореніе¹. О Драгомирно, Драгомирно! Тебе намъ

¹ После этих слов повторяется фрагмент предыдущего текста от слов: «О Драгомирно, Драгомирно! Сладосте и утешеніе» по «пресѣкаются кореніе». Весь повторяющийся текст перечёркнут.

точію въ праздникъ воспоминати за бывшее въ тебѣ наше житіе подобаеть, ты намъ была аки садъ, при водахъ насажденный скоро вкореняющся, различныя благоуханныя цвѣты и плодъ издающъ. Въ тебѣ благоуханіе различныхъ добродѣтелей между братіями благоухало: аки шипокъ¹, любы по Богу ко отцу и другъ ко другу; аки кринь чистота совѣсти; въ тебѣ аки смърна, умерщвленіе своя воли и разсужденія своего; аки кадило благовонное, молитва приснодвижимая благоухала; послушаніе съ самоукореніемъ преуспѣвало; смиреніе съ незлобіемъ, и теченіе слезъ отъ очесъ братій царствовало въ тебѣ; страждущи плотскою страстію облегченіе имѣяху, зане не бѣ женскому полу внутрь тебе. Увы намъ, что пострадахомъ изшедше изъ тебе! Увы намъ, колико богатство духовное погубихомъ: каковое же бы имѣхомъ приобрѣсти сокровище духовное, въ тебѣ сѣдяще со отцемъ нашимъ святымъ до кончины его не странствующе нигдѣже! О нещастія нашего! что сотвори зависть вражія: не всеу бо тамо въ пиргу восточномъ рыдавъ діаволь ношцію, терзаяся завистию, и ищай разорити наше тамо житіе, еже и получи супостать, обрѣтъ сосудовъ своихъ нѣмцовъ попущеніемъ Божиимъ. Пребывающимъ убо намъ въ Секулѣ три годы въ молвѣ и попеченіи, аще саодѣлатель духовный, блаженный отецъ нашъ и труждашеса очищая и напаяя садъ нашъ душевный божественнымъ ученіемъ, на всякъ день въ келліи, и соборно всякую зиму собирая по вечерамъ въ трапезу, чтя и толкуя о заповѣдехъ Божіихъ и о прочіихъ нужныхъ и полезныхъ, но мало успѣваше за разоренный оплотъ душъ нашихъ, и не имущихъ крѣпкаго стража, трезвенна ума, держаща аки оружіе непрестанную молитву въ сердцахъ нашихъ, и отгоняющую звѣры и птыцы, злыя помыслы, входящія отъ смущенія и молвы.

¹ Шипокъ — дикая роза, шиповник.

Егда бо въ Драгомирнѣ бѣхомъ, тогда аки на степенехъ высоко стояхомъ, егда же преселихомся оттуду, изступили внизъ третію часть, отъ успѣянiя нашего. Блаженный же непрестанно труждався въ поученiи, а наипаче соборно, зане инiи братiя часто приходили къ нему въ келлію случай нѣкiй имуще, и слышаще отъ него нѣчто полезное; нѣкiимъ не случашеся и единою въ годъ быти у него и бесѣдовати съ нимъ. Того ради бысть и соборное поученіе, да вси всякiй вечеръ чрезъ цѣлую зиму слушаютъ и исправляются, наченнымъ убо четвертаго лѣта сердцемъ развлагатися и кореніе испускати, таже и малые вѣтви израстати утишившимся намъ отъ хлопотъ¹. Се внезапно мразъ и попали младое вѣтвиѣ прехожденіемъ въ монастырь Нямецъ. Тогда поступило житіе наше внизъ еще множае перваго. Заключися медоточный источникъ ученiя божественнаго, исходящiй отъ устъ святаго отца нашего, точію мало нѣчто случашеся нѣкiимъ бывающимъ въ келліи слышати; инѣмъ никогда же и одинаго словесе не слышащихъ отъ устъ его. Ибо отсѣклося совершенно соборное поученіе, винъ ради предреченныхъ, точію отъ чтенiя книжнаго пользованію умѣющіи чести и имущіи усердіе къ чтенію. Сего ради и блаженный отецъ нашъ болѣе въ переводѣ книгъ труждашеся, и во исправленіи древныхъ попорченныхъ: да оставитъ намъ на пользу и окормленіе жизни нашея, хотящимъ подвизатися, и внимати ученію богоносныхъ отецъ нашихъ. Тужаше же блаженный многожды о Секулѣ монастырѣ, поминая въ немъ тишину; здѣ же стуженіе, и вредъ юнымъ, не хранящимъ опасно чувства своя. Зане тогда открылся путь великороднымъ прииздти въ Нямецъ, ово поклоненiя ради иконы, ово посѣщенiя ради блаженнаго. Прииздяху же обоюго пола съ домашними своими великими и малыми и сѣдяху елико

¹ Клопоты — заботы, хлопоты.

хотяху; въ церковь же вси вкупѣ: юнымъ, не хранящимъ чувства своя, сѣть готова погибели, старымъ негодова-ніе не хотящимъ ниже слышати о прїиздѣ ихъ, блаженному старцу стуженіе и о вредѣ братїй соболѣзнованіе и скорбь; отсѣкти же прїиздъ, и возбранити входъ внутрь монастыря женску полу не бѣ возможно, зане отъдревле обитель она поклонна бѣ иконы ради чудотворныя. Сего ради и поученія соборно говорити не можаше, въ немже бы обличилъ немощныхъ устрашая гнѣвомъ Божїимъ, насаждая же страхъ Божїй въ сердцахъ ихъ и храненіе чувствъ, исповѣданіе помысловъ злыхъ и блюденіе отъ нихъ, имже бы исправляхуся немощніи, укрѣпляхуся же здравїи душами, и къ подвигу воздвизахуся болшему и усердно хранити заповѣди Божїя и преданія святыхъ отецъ нашихъ, учащихъ истиннаго монашескаго жителства. Оттолѣ внизъ пошло житіе наше, якоже блаженный самъ рече, единому іеромонаху¹ отъ странныхъ въ насъ живуще въ Секулѣ, вопросившу блаженнаго: «Како, отче, житіе нынѣшнее противу Драгомирскаго?» Онъ же яко всегда истинну любя, лжи и тщеславія съ лицемѣріемъ чуждъ, отвеща: «На всякій годъ нїже идетъ, и удержати въ единой мѣрѣ, аще и тщуся, невозможно. Сему всему вина невозбранный входъ женску полу внутрь монастыря и оставленіе еже соборно поучати. То какъ намъ не оплакивати Драгомирну, ибо послѣжде пришедшимъ въ соборъ нашъ и слышащимъ отъ старѣйшихъ братїй, о бывшемъ тамо житїи удивлятися вина бываетъ. И да не вѣруеть всякъ написанному здѣ: зане потребить Господь глаголющаго лжу». Глаголаше же блаженный многожды и сіе, братіе, аще будете имѣти усердіе къ чтенію отеческихъ книгъ и вниматимете² ученію еже въ нихъ, то пребудеть между вами по-

¹ В рукописи: іермонаху.

² Вниматимете — будете внимать.

виновеніе, миръ, единомысліе, и любви другъ ко другу; и устоитъ нашъ соборъ дондеже Господь восхощетъ, аще и тщится врагъ разорити, но не возможетъ. Егда же удалитесь отъ чтенія книгъ отеческихъ, то вскорѣ разорится, и не устоитъ камень на камени. Тѣмже зѣло прилѣжаше къ преводу книгъ, съ еллиногреческаго языка на славенскій, съ нашего же на волоскій языкъ братія того языка преводили. Весь день отправляше дѣла духовная, и внѣшняя, всю же ночь писаше: превыше естества трудъ имый. И аще не бы благодать Божія укрѣпляла его, невозможно естеству человѣческому понести таковаго труда, ктому и немощенъ бѣше, зѣло страждущъ отъ ранъ. Бѣху бо раны на всемъ правомъ боку до плесны ножныя, и животь выходивъ; лежати же на правой странѣ не можаше; како же писаше, удивитися подобастъ: на постели идѣже почиваше округъ оклавшися книгами, сколко Лексіконовъ, Быбліа греческая, Быбліа славенская, Граматики греческа и славенска, книга изъ неяже преводилъ, свѣща посредѣ, самъ же сѣдя аки малое отроча согнувшися, или лежа всю ночь писаше. Забывая болѣзни и труды, и отвѣта отнюдь въ тое время дати не можаше, ниже слышитъ било, аще бы къ нему что говорено, или внѣ келліи что случилось: тогда служащій ему братъ не допускаше къ нему никогоже. Егда же случашеся нѣкое дѣло нужное, то служащій идый вопрошаше, многожди глаголаше къ нему искій отвѣта, онъ же ничтоже слышаше; принудивый же отвѣцати, тогда съ болѣзнію и охтаніемъ едва можаше отвѣцати, не могій ума отвлеци отъ Писанія. Якоже самъ блаженный многожди къ намъ глаголаше: нѣсть мнѣ тяжчайшаго труда, якоже егда преводъ дѣлаю, и прииде потреба дати отвѣтъ на нѣкій вопросъ, тогда дондеже извлеку умъ отъ Писанія, то весь потень содѣлаюся. Бывшу мнѣ единою въ него, прииде и другій братъ, и бесѣдѣ бывшей, глаголаше оный братъ яко стужаютъ помыслы; блажен-

ный же осклабяся рече: «Почто вы толь неразумни, дѣлайте вы такъ якоже азъ дѣлаю: я съ вами весь день сварюся¹ и молвлю, со инымъ плачу, съ другимъ радуюся, и прочая вся обоихъ обителѣй дѣла отправляю; егда же вижену² васъ всѣхъ съ келліи, то вижену и вси помыслы съ вами вонъ; и егда возму книгу въ руки, тогда не слышу ничтоже, и аки во Иорданской пустыни безмолвствую». О безстрастнаго и святаго мужа! О души чистыя соединенныя со Богомъ! Весь любовію прилѣплень бысть ко Богу, весь и ко ближнему разливашеся любовію, и соболѣзнуя тако о всякомъ, аки бы онъ страдалъ самъ. Братъ единъ укоряемъ былъ отъ святаго нѣколько кратъ, требующъ исправленія въ нѣчесомъ, таже единою оный братъ, бывшу и мнѣ въ келліи, глагола къ нему: «Отче, скорблю на васъ, и глаголетъ мнѣ помысль, что вы ненависть имѣете, тако часто со гнѣвомъ вооружаяся укоряете мя при братіяхъ». Старецъ же вздохнувъ прослезися, и рече: «Возлюбленный брате, еже гнѣватися, чужде есть Евангелскаго житія, а еже и ненавидѣти кого, совершенныя погибели виновно. Аще божественное Евангеліе и враговъ любити повелѣваетъ, и добро творити имъ, то како азъ чадъ моихъ духовныхъ ненавидѣти имамъ: не буди то. А еже со гнѣвомъ укоряю васъ, то да дастъ Господь вамъ таковой гнѣвъ имѣти: азъ бо противу всякаго устроенію себе пристрою, предъ инымъ понуждаю показатися гнѣвающимся, егоже благодатію Хрїстовою никогдаже имамъ; предъ инымъ принуждаю себе плакати, да обоими устрою вамъ пользу, десными и шуими, а не работая страсти гнѣва». Тогда братъ припадъ со слезами къ ногама старца проси прощенія. Приложи же святой и сіе: «Егда азъ седмолѣтень, начахъ учитися Писанія, чрезъ два года изучихъ

¹ Сварюся — бранюсь.

² Вижену — выгоню.

Букварь, Часловець¹ и Псалтирь толко, и начахъ пре-
удобно абіе по книгахъ чести. Прочтохъ первѣ съ вели-
кимъ усердіемъ и вниманіемъ Священное Писаніе,
Ветхій и Новый Завѣтъ, таже святаго Златоуста книгу
Маргарить, святаго Ефрема съ святымъ Дороеемъ; и
егда чтохъ слово святаго Дороеа о клеветѣ и осужденіи
брата, уразумѣхъ, каковый тяжкій оный грѣхъ. Тогда
еще въ юности моей положихъ предъ Богомъ таковый
обѣтъ: Господи, аще и очима видя брата согрѣшающа и
оклеवेशу его, то да разверзется земля и пожретъ мене.
И положихъ устомъ моимъ хранило, еже что видя и
слыша никомуже глаголати и единого словесе, еже и со-
хранихъ во всей жизни моей благодатию Христовою, до-
нелѣже не быхъ съ братією; а нынѣ и не хотящъ судія
вамъ есмь. И братія мене научили говорити и сварити-
ся пользы ради ихъ, прежде же не говоривъ я ничтоже».

Кто отъ имущихъ разумъ не ужаснется слыша о семъ
блаженномъ мужѣ, исполненномъ бывшемъ отъ чрева
матере своя различныхъ Божіихъ дарованій? Кто же и
не вострепещетъ словесъ его дѣйствительныхъ, учащихъ
дѣланію заповѣдей Божіихъ, зане самъ онъ сосудъ бывъ
избранный Божій отъ младенства, и дѣлатель совершен-
ный заповѣдей Его. Сего ради и слово его бяше силно и
дѣйствительно исполненно благодати, проходящее внут-
ренность души, и отдѣляющее злое отъ благаго, искоре-
няющее страсти и насаждающее добродѣтели въ душахъ
съ вѣрою слушающихъ. Отрокъ десятолѣтенъ, чтый
Священное Писаніе, Ветхій и Новый Завѣтъ, Златоуста
книгу Маргарить о непостижимыхъ тайнахъ Богосло-
вія, Ефрема и Дороеа и прочая книги. Кто не удивится
о словеси семъ: отрокъ десятолѣтенъ чтый Писаніе?
Разсуди всякъ о себѣ, что ты дѣлалъ въ десятолѣтнемъ
младенствѣ, и кій тогда разумъ имѣлъ еси, склонность

¹ Так в рукописи.

же твоя чесому бяше; но и принуждаемъ убѣгалъ, не точію отъ чтенія, но и ученія, ко играмъ дѣтскимъ. Онъ же затворившись чтяше, ни къ кому хотя бесѣдовати, яко и сама родителка его рѣдко и малая словеса слышаше отъ него. Прочіи же сродницы мняху его нѣморожденна быти, ибо ни единого словесе когда отъ него слышаху. Ктоже не ужаснется чудная и болшая еще сего о немъ слыша: съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ чтяше. О удивленія! Откуда бѣ малу младенцу великое усердіе и вниманіе къ чтенію Божественнаго Писанія, аще не отъ уразумѣванія въ Писаніи таинъ? Кто же ему бысть учитель? Благодать Пресвятаго Духа, вселшася вонъ отъ утробы матери его, яко сосудъ избранъ и чистъ обрѣте себѣ; приумножилася же еще болѣе, егда положилъ онъ таковое крѣпкое основаніе дѣланія божественныхъ Его заповѣдей. Чтяше съ великимъ усердіемъ и вниманіемъ: отъ вниманія уразуменіе, отъ уразуменія желаніе. Таже ревность неизреченная воспламени душу его возлюбити Господа отъ всего сердца своего и отъ всея души своя и оставити міръ и вся яже въ мірѣ, и мать свою тогда произволеніемъ толь любящую его, толь горько плачущую и неутѣшно рыдающую, и безмѣрною печалію объятую даже до умертвія, якоже преднаписася, любви ради Его, и въ монашествѣмъ образѣ работати Ему дѣланіемъ божественныхъ Его заповѣдей усердно желая. Чтяше Писаніе: Ветхій Завѣтъ возбраняется не точію юнымъ чести, но и старимъ неразумнымъ, да не повредятся въ вѣрѣ, отъ бывшихъ пресвеликихъ и страшныхъ чудесъ Божіихъ въ родѣ еврейскомъ непокоривомъ; такожде и пророчества плотско чтуше и Пѣсни Пѣсней. Богословіи же отнюдъ святіи учителя Церкви не повелѣвають чести, да не погрѣшатъ нѣчто и малѣйше въ догматѣхъ отъ неразумія и впадутъ въ ересь. Онъ же небоязненно чтяше, имѣя въ себѣ учителя благодать Божию учащую его, и бысть дѣтищъ малъ возрас-

томъ, старецъ же разумомъ и премудростію: покоровъ ярость и похоть словесству, чувства своя отвративъ отъ всѣхъ красныхъ и сладкихъ міра сего, и аки гной вся она вмѣняя; языкъ свой, неудобопобѣждаемый удъ, но удобосогрѣшателенъ, связавъ толь крѣпко молчаніемъ, яко отъ многихъ вмѣняемъ быти нѣморожденъ; умъ свой пригвоздивъ къ Писанію, душу свою со Богомъ соединивъ любовію и молитвою; и распявся міру, и міръ ему распялся; затворяся въ дому своемъ безмолствоваше, аки въ Сінайстѣй пустыни: воистинну дивный сей мужъ блаженный нашъ отецъ, во всемъ подобенъ бѣ древнымъ святымъ отцемъ отъ юности Бога возлюблшымъ и изшедшымъ изъ міра работати Ему въ монашествѣ. Что же мы, братіе, ученицы бывшіи, такового великаго свѣтилника святаго старца нашего Паісія, отвѣщаемъ предъ Богомъ о лѣности нашей, яко не точію хотимъ подражати добродѣтелемъ его, но ниже хотимъ чести отеческія книги, яже онъ поисправилъ, а иныя и вновь преведе, отъ нихже бы возмогли уразумѣти немощи наша, и зарѣвше себѣ кійждо восплакалися бы предъ Богомъ и покаялися: аще же и чтуть нѣкіи, но точію за обычай, без всякаго вниманія. Откуда блаженный отецъ нашъ божественную ревность и небесный разумъ стяжавъ, не отъ чтенія ли книжнаго? И вси святіи о семъ учать, пачеже Самъ Спаситель рече: испитайте Писанія, яко вы мните въ немъ обрѣсти животь вѣчный. Еже бо испытати повелѣваетъ Господь, глубины разума искати заповѣдуетъ, а не мимоходно чести. Сего ради осуетихомся и забыли труды отца нашего, и ученіе его о чтеніи книжномъ, и пливемъ внизъ, аки древо за водою и аки никогдаже слышахомъ слово Божіе. Сего ради оплакахъ азъ Драгомирну. Но возбудимся и истрезвимся, положимъ начало и Господь поможетъ намъ. Быстроуміе же его и память благодатію утвержденную никтоже описати можетъ: въ высочайшихъ догматическихъ вещехъ скоро-

постижно бѣ зѣло, и егда прочте единою, то въ памяти его сокровенно будетъ во вѣки. Нѣкогда азъ быхъ у блаженнаго въ келліи, и бывшей бесѣдѣ о книгахъ, зане послушаніе мое бѣ по художеству граматическаго правописанія переписовати отеческія книги. Пріиде и другій братъ, знающій и еллиногреческій языкъ, вопрошень бывъ братъ онъ, какъ беретъ сей фразесъ, онъ же отвѣща: толковаше, отче, намъ его учитель, но не могу скоро припомнити. Блаженный же веселимъ лицемъ со ослабленіемъ рече: а я егда прочту единою, то до смерти не забуду. А въ переписаніи книгъ толикое дарованіе отецъ нашъ имѣяше, яко рѣдко и во всемъ свѣтѣ обрѣсти подобнаго. Переписалъ книгу святаго Дороеа въ юности своей: то колико она великая, а онъ всю вмѣстилъ ю на тріехъ аркушахъ¹ бумаги: единъ аркушъ на восемь листочковъ побгавъ², и бысть всѣхъ двадесять четири; на всякой же странички листочка по седьмдесятъ строкъ вмѣщавъ писмомъ уставнымъ, токмо аки власъ, ниже заплили очка въ писменахъ, но читко чисто прозрачно, край горѣ, низу и на бокахъ якоже подобаетъ оставлялъ. О ономъ же мнѣ удивлшуся вопросихъ его: «Каковымъ, отче, перомъ писали вы сію книгу, не голубинымъ ли?» Онъ же рече: «Ни, гусинымъ». Толико бѣ одаренъ превосходительными дарованіи отъ Господа внутренними и внѣшними блаженный нашъ отецъ, яко и описати я никтоже можетъ; и елико добродѣтели его хотѣлъ бы изъяснити, затемнить паче нежели изъяснить: облагодатьствованъ бо бѣ великій сей мужъ, и весь чудо. И аще кто соравнитъ его съ древними богоносными отцы, то не погрѣшитъ во истинѣ, не лишень бо бѣ ни въ чемъ отъ дарованій оныхъ. Аще къ пустыникомъ святымъ приравнымъ безмолствующимъ на-

¹ Аркушъ — лист.

² Побгати — согнуть.

единъ, то не удивленіе яко услаждахуся молитвою и со-
единяхуся со Богомъ. Но то чудо, что онъ посредѣ тако-
выя молвы, попеченій, смущеній, скорбей, умъ свой
всегда несмущенъ имущъ, и по отправленіи общихъ по-
требъ вигоняше и вси помыслы вонъ, затворивши же
двери келліи безмолствоваше аки во Иорданской пусты-
ни, ничтоже слыша внѣ келліи, аще бы что ни случилось,
отъ ражженныя любви и соединенія со Богомъ; и аще
любвы совершенство есть всѣхъ дарованій Божіихъ, то
въ немъ преизобилно вмѣщалася, яко въ сосудѣ чистѣй-
шемъ избранномъ Божіемъ. Святіи пустынники бдѣніе
нощное совершаху, то и онъ во всей жизни своей всю
нощъ трезвенно бдяше, ни въ чемъ остающа въ под-
визѣхъ богоносныхъ оныхъ. Аще же ко общежителнымъ
святымъ отцемъ древнымъ приуподобимъ его, то нелож-
ное подобіе увидимъ и въ нашемъ блаженномъ отцѣ.
Различная Божія дарованія и многія добродѣтели видѣ-
хомъ отъ Писанія во онѣхъ святыхъ великихъ, но и въ
нашемъ Израилѣ, не отъ Писанія, но очесы нашими ви-
дѣхомъ, и аки руками умомъ нашимъ осязахомъ вся да-
рованія Божія въ немъ, и добродѣтели величайшыя, аки
въ сокровищи Божіи не вредно хранимыя, и не бесплод-
но лежащія всегда: никакій вѣтръ повредить возмогъ,
ниже мразъ попалити, но присно цвѣли и плодъ пода-
вали премногій плодобирующему Владыцѣ Христу, о ихъ
же неложно и свидѣтельствуемъ. Въ немъ Премудрость
Упостасная со Безначальнымъ Своимъ Отцемъ и Пре-
святымъ Духомъ, яко въ чистѣйшей обители въ душѣ
его обиташе, отъ Неяже устнами его истекаше медоточ-
ный божественныхъ ученій источникъ, услаждающій и
исцѣляющій души, страсти же изсушающій. Въ немъ
разумъ божественный, имже догматы Православныя,
правыла святыхъ Вселенскихъ Соборовъ, и преданія
Церкве, учителей Церковныхъ и преподобныхъ отецъ
нашихъ ученія право разумѣя, крѣпко защищая, и не-

вредно аки зѣницу ока храня. Въ немъ совѣтъ, имже право и истинно по ученію святыхъ отецъ подаваше всѣмъ требующимъ отъ него, и съ вѣрою приѣмлющии невредими пребываху отъ козней вражихъ и успѣваху въ дѣланіи заповѣдей Божіихъ. Въ немъ крѣпость, еюже въ вѣрѣ и надеждѣ на промыслъ Божій непоколеблемъ пребываше, и во прочіихъ напастехъ и искушеніихъ. Въ немъ страхъ Божій, имже храняше заповѣди Божія аки зѣницу ока, и за едину малѣйшую заповѣдь душу свою полагаше, и насъ учаше. Добродѣтели же, кіими бѣ блаженный отъ древнихъ святыхъ отецъ нашихъ умаленъ, и аще независтнымъ окомъ разсмотримъ, то ни въ чемъ лишаема отъ древнихъ святыхъ узримъ и его. Въ немъ любви огненная, еюже возлюби Господа отъ юности всею душею своею, и преспѣвая воспламенися и разливашеся на всѣхъ равно, всѣхъ любя, всѣхъ согрѣвая, всѣхъ поучая, о всякомъ болѣзнуя и объемя душею своею чадъ своихъ духовныхъ, и всякаго человѣка, приходящаго къ нему и требующаго милости отъ него или духовныя или тѣлесныя, не отвращаше отъ себе и тща не отсылаше. Миръ всегда имѣяше со всѣми, никогдаже враждоваше на кого или скорбяше, аще бы и что пострадалъ отъ кого, и насъ всегда о томъ поучаше. Долготерпѣніе съ кротостію во едино совокупленны аки сраслены въ немъ бяху, никогдаже видѣся дерзость, но тихость и благоговѣніе, наказуя съ любовію, милуя съ тихостію, долготерпя съ надеждою исправленія. Смирненіе же его толь велико бѣ, яко и описати трудно зѣло, а незлобіе и простота младенческая бѣ въ немъ, умъ же божественъ, а не младенческій. Воздержаніе аки естественно бѣ въ немъ отъ юности во всемъ: яденіе зѣло малое и никогда разрѣшенія ради болѣзни и слабости и труда вышеестественнаго, егда не разрѣшаетъ Типикъ; питія пїянственнаго не пїяше отъ юности своя. Егда же нача во Святѣй Горѣ жити со братьями, совѣтоваша ему

лица великіи, и духовники тамошніи употребляти мало віна здоровія ради, зане тамо воздухъ зѣло вредителный, соболѣзнуя о немъ да не повредится, и лишатся многіи пользы происходящія отъ него; и едва повинуся, начать точію віна мало употребляти. Ибо имѣяше онъ намѣреніе до смерти не пити пїянственнаго питія. Изшедшу блаженному изъ міра съ намѣреніемъ таковымъ, еже со други своими взыскавше нѣкоего отца духовнаго въ безмолвіи сѣдяща и себѣ внимающа, емуже предавшимся въ послушаніе душею и тѣломъ сѣдѣти съ нимъ въ безмолвіи, и отъ труда рукъ своихъ нужная житію стяжати. Егда же перваго друга и согражданина своего Димитрія оставшася въ мірѣ лишився, таже и другаго Алексія въ монашествѣ не сохраниша обѣта своего къ нему, но предавшася нѣкому старцу въ послушаніе безъ совѣта его; тогда остана самъ, не могій же воспомнути другу своему о разореніи обѣта его, кротости ради и бездерзновенія своего, но молча терпяше, покрывъ смиренномудріемъ онаго, себе укоряя, яко недостойнъ съ нимъ сожитія. Предатися же самъ нѣкому отъ таковыхъ духовныхъ отецъ не могій, бояся да не понужденъ будетъ и не хотящъ прїяти великій санъ священства, о немже и напоминаху уже оніи отцы, егоже онъ бѣгаше бояся и трепеща, и во всей жизни своей прїяти не желая. Аще и чистъ и не порочень душею и тѣломъ отъ чрева матере своя бысть, разсуждая въ себѣ: аще предамся въ послушаніе нѣкому отъ сихъ честныхъ отецъ, то хотя и по времени непремѣнно понужденъ имать быти священство прїяти егоже боюся; лишуся же и намѣренія моего, еже со единымъ духовнымъ отцемъ въ пустыни въ послушаніи, царскимъ путемъ жити. И отшедъ оттуду во Святую Гору, желая тамо намѣреніе свое упокоити, но не обрѣте и тамо желаемаго. Зане Богъ не хотяше ему сокровенну быти въ пустынномъ безмолвіи, аки свѣтилнику подъ одромъ, егоже готовяше поставити на горѣ

высоцѣ на свѣщницѣ, да свѣтитъ многимъ странамъ, непорочнымъ житіемъ и правымъ своимъ ученіемъ. Ниже хотяше ему отъ челоуѣкъ научену быти, Самъ Духъ Святый отъ юности Руководитель и Учитель бывый. Самъ и всѣмъ потребнымъ научити его имѣяше, и поставити его всему міру образъ, не челоуѣкомъ написанъ, но богонписанъ, да вси хотящіи спастися отъ образа его приписують себѣ благодѣтелное житіе, а отъ ученія его учатся дѣланія божественныхъ заповѣдей и истиннаго монашескаго жителства. Благоволивъ сѣсти ему первѣе на уединеніи, дондеже приведетъ къ нему божественнымъ Своимъ промысломъ во ученичество соборъ великъ хотящихъ спастися, въ монашестѣмъ образѣ работая Ему. Да егоже онъ самъ научился отъ Него таинно, научить всѣхъ явно, всѣхъ нуждныхъ ко спасенію. По малѣ же времени приведе къ нему единого брата въ содружество, и утѣшися блаженный, благодаря Его благостыню, мня исполнитися желанію его, еже жити царскимъ путемъ, со единымъ братомъ единомушно, и вся житію потребная обща; отсѣкая же другъ предъ другомъ свою волю, будутъ причастницы и святаго послушанія. Не много же пожил тако, начаша къ нему приходити моляще его пріяти ихъ въ ученичество; онъ же отрицаяся не хотяше пріимати ни единого, обаче Богомъ приводимыхъ не бѣ возможно отрещися, пріимаше и не хотящъ, открывая имъ путь спасенія и таинство святаго послушанія. Ониже пріемлюще отъ него ученіе со радостію, и творяху послушаніе со усердіемъ, отсѣкающе волю свою, и разсужденію своему не вѣрующе. Онъ же, видя ихъ таковое усердіе къ слову Божію имущихъ, радовашеся душею и прославляше Бога со слезами. И возложившеся на всемогущій промысль Божій, о окормленіи душевномъ и тѣлесномъ, пріимаше, и не по многу времени собрася дванадесять братій и бысть начало общаго житія, отъ царскаго пути,

еже жити со единымъ или со двою въ безмолвіи. Тогда пресели его Господь оттуду до пророка Иліи въ скитъ, съ низу отъ моря на гору високо, да увидятъ и прочіи свѣтъ разума, во тмѣ невѣдѣнія спящии. Егда же возблиста силнѣе, и осія всю Святую Гору, обновленіемъ монашескаго общаго житія, и насажденіемъ въ немъ первѣйшія добродѣтели, треблаженнаго послушанія, тогда удивившеса вси святогорцы блистанію великаго онаго свѣта. Иніи, поврежденны имуще зѣницы душевныя, закрываху своя очеса завистію, да не обличится заблужденіе ихъ отъ пути праваго, избраша въ своихъ воляхъ сѣдѣти паче, нежели обличеннымъ быти. Овіи зазирающе себѣ и укоряюще себе, прихождаху къ нему, слушающе ученіе его и исповѣдающе немощи своя, приемляху исцѣленіе и наставленіе на опасное въпредь охраненіе, отходяху радующеса и славяще Бога о немъ. Иніи же аки воскресше отъ мертвыхъ, и тму невѣдѣнія оттрясше, къ свѣту идяху веселыми ногами хваляще и славяще Бога, явившаго таковаго угодника Своего и путеводителя ко спасенію. И пришедше къ нему припадаху къ ногама его моляще пріятымъ быти въ послушаніе, предающе души своя во окормленіе его, аки въ руцѣ Божіи. Умножившимся же братіямъ у пророка Иліи и не вмѣщающимся, тогда Господь изведъ его оттуду, приведе въ сію православную землю Молдавію, якоже преподобнаго отца Антонія въ Россію: да утвердитъ совершеннѣе общее житіе, и просвѣтитъ здѣ въ тмѣ невѣдѣнія истиннаго монашескаго житія пребывающихъ, оттуду же и прочіимъ странамъ да блистаетъ свѣтомъ непорочнаго своего житія, и праваго Евангелскаго ученія. Коликія же труды подъявъ блаженный въ семъ святомъ дѣлѣ, въ сія бѣдная и лютая времена, монашеству до конца ослабѣвшу и точію внѣшній образъ зримъ бѣ. Что же есть монашество, и что есть таинство послушанія, и какову пользу приносить послушнику съ разумомъ проходя-

щему, и что есть дѣянiе и видѣнiе, и умная сердечная молитва, умомъ въ сердцѣ совершаемая, не вѣдяху: онъ научивъ, самъ же отъ Бога наученъ бысть, и отъ ученiя святыхъ отецъ чтенiемъ и преводомъ книгъ ихъ. Святiи древнiи отцы имѣяху образы во многихъ странахъ, аки свѣтила сiяющыя богоугоднымъ своимъ житiемъ и правымъ ученiемъ; имѣяху же и наставниковъ своихъ отъ ихже наставляхуся отъ юна возраста, съ ними пребывающе, и аки на столпъ одушевленъ възрающе на житiе непорочное и ученiе ихъ, сами одушевляхуся, и въ столпы по преемству претворяхуся, и быша свѣтила и столпы и учителя монашескаго общаго житiя, и уединеннаго безмолвнаго. Блаженный же отецъ нашъ не имѣяше себѣ таковаго наставника, но и поискавъ не обрѣте: самъ благодатiю Божiею вразумляемый трудився, копавъ смиренiемъ и слезами, и обрѣте студенець въ сердцѣ своемъ воды живы, отъ неяже самъ напився изобилно, и всѣмъ подаяше независтно. И елико почерпаху отъ него изобилнѣ течаше, и обновися имъ монашеское житiе. Книги же отеческiя, аки ржею желѣзо снѣденное и покровенное блистанiя лишается, тако и оны лишены были блистанiя разума своего: ово неискусными древле переводчиками не изъявленъ, ово нсразумными преписателми, не вѣдушими художества граматическаго правописанiя перепорченныя, покровень бысть множае. Блаженный же видя въ нихъ такуюю неясность, потщася поискати источниковъ ихъ, откуда проистекоша, еллиногреческихъ книгъ; и первѣе началъ былъ оныя исправляти и чернити, таже уразумѣвъ яко бесполезенъ трудъ, вновь превождаше: и тако красота граматическаго художества и ясность сокровеннаго въ нихъ разума возсiяла. Многiя же и не бывшыя на нашемъ языки преведъ, нынѣшнемъ и предбудущымъ родомъ ползу препославъ.

Сей приснопоминаемый блаженный нашъ отецъ Паисiй подобенъ бѣше преподобному отцу нашему Ан-

тонію Печерскому яко истинный правнукъ его, аще и по многихъ вѣцѣхъ возсія, обаче едина Малороссія обоихъ произрасти. Онъ изъ Святыя Горы посланъ бысть въ Россію просвѣтити ю, и устроити монашеское истинное житіе: собравъ монаховъ, научивъ ихъ, сіяше во вся концы Россіи, и бысть первоначалникъ всѣхъ російскихъ монахов. Сей же не отъинуду, но первѣе въ той же Святой Горѣ возблиста, возобновивъ обветшавшее монашеское общее житіе, и насадивъ въ немъ древо жизни трєблаженное послушаніе, да имже праотець нашъ изгнанъ бысть Адамъ изъ рая чувствєннаго; симъ правнуки его право ходящїи внидуть въ Небесный рай, идѣже первоначалникъ послушанїа Христосъ Господь вниде. Таже и соборъ собравъ вящше пятидесяти братїи, съ нимже и приведе всѣхъ божественный промысл, въ сію православную и страннлюбивую землю Молдавію, идѣже благодатїю Христовою совершенно утвердися въ монастири Драгомирнѣ. Собрашася ко святому Антонію отъ російскихъ странъ множае ста братїи. Собрашася и къ нашему блаженному отцу, отъ девяти странъ разныхъ языковъ множае пяти сотъ братїи. Служаше преподобный Антоній болнымъ братїямъ. Служаше и нашъ святой отецъ болнымъ и здоровымъ, и ястіе варяше и просфоры пекїи; егда бѣ малъ соборъ и руководѣліе дѣлалаше; егда же Богъ умноживъ братїю, тогда не имѣяше покоя отъ службы день и ночь, ниже предпочель безмолвіе свое паче пользы ближняго: обаче по отправленїи общихъ дѣлъ, егда затворяшеся въ келліи и безмолствоваше тако, яко ниже слышаше глаголющаго къ нему служащаго, и требующаго отвѣта на нѣкую нуждную потребу, якоже вышше предречєся.

Подобєнь бѣ блаженный отецъ нашъ во всемъ и древнымъ преподобнымъ отцемъ, и послѣжде бывшымъ: ученїемъ, окормленїемъ собора, подвигами ду-

ховными, трудами вышеестественными, премудростію и разумомъ божественнымъ, свѣтомъ и разсужденіемъ и прочими дарованіи Божіими. Добродѣтели же всѣми преукрашенъ бѣ внутренними и внѣшними, якоже и святіи древніи отцы. Лице его свѣтло аки Ангела Божія быше, взоръ тихъ, слово смиренно и дерзости чужде, всѣхъ съ любовію привѣтствовалаше, весь благости исполненъ, весь въ милости разліянъ, привлекаше всѣхъ къ себѣ, аки магнитъ камень привлекательнымъ своимъ естествомъ желѣзо; смиренія и кротости глубина, долготерпѣніе во всемъ, весь вбоженъ и облагодатьствованъ быше великій сей мужъ, умъ его всегда соединенъ бѣ любовію со Богомъ, свидѣтель сему суть слезы. Егда бо бесѣдовалаше о богословіи, то сердце его любовію растопляшеся, лице его цвѣтало радостію, очеса его изливаху слезы утверждающе истину. Егда бо стояхомъ предъ нимъ, очеса наша не притупляхуся зрящая нань, но ненасытно зрѣти желающая, слухъ нашъ негодованіемъ не заслоняшеся ниже отягчавашеся бесѣдою его, зане сердце наше отъ радости забывая и себе бываше, якоже прежде рѣхъ, зря на лице, а слухъ нашъ всегда близъ устъ его, якоже оныхъ Авінейскихъ философовъ. Егда бо видяху нѣкоего превосходяща премудростію, хотяща бесѣдовать къ нимъ, то очи всѣхъ и слухъ къ нему вперень имѣяху, хотяще нѣчто ново о премудрости ихъ услышати отъ него. Наши же паче вперенни очи къ нашему божественному любомудрцу, зане всегда слышахомъ отъ устъ его новая о таинствахъ духовныхъ или о нравоученіи богоносныхъ отецъ; малая же сія Исторія, написанная отъ скудоумія моего, затемняетъ паче, а не описуетъ добродѣтели его: мужа премудрѣйша дѣло сіе подобало бы быти, но мню яко и той утрудился бы простираяся ко всѣмъ. Негли же и не возмогъ бы, высоты ради житія его. Буди же нѣкто завистливымъ окомъ чтущъ о нѣмъ, поносилъ бы мнѣ, яко превзыдохъ мѣру похваляя стар-

ца моего, то я молю потерпѣти мало да услышавъ слова всякія лжи кромѣ, зане отъ діавола есть всякая лжа, тогда и самъ не облѣнится похвалити мужа свята превыша похвали челоуѣческія, и речеть: «Дивень Богъ во святыхъ Своихъ»; приложитъ же и сіе: «Блаженни очи ваши видѣвши его, и уши слышавшіи слова отъ устъ его». Видѣхъ трикрати на блаженномъ и ужасаяся: единою въ Драгомирнѣ придохъ къ нему предъ вечернею, и хотѣхъ толкнути во дверь, да чрезъ служащаго возвѣщу, повелитъ ли внити къ себѣ; видѣвъ же дверь отверзсту внидохъ, и сотворивъ молитву внидохъ внутрь къ нему, видя же его лежаща поклонився и рекохъ: «Благослови отче»; онъ же не отвѣщавъ ничтоже, якоже обычай ему. Азь стоя смотряхъ нань, и видѣхъ лице его аки огненно, ужаснувся, и мало постоявъ удивляяся, и паки вышшымъ гласомъ сотворь молитву, онъ же не отвѣщаваше; смотря же азь на него удивляюща, яко никогда же видѣхъ таковаго лица его; онъ бо естествомъ бѣлъ и блѣдъ бяше лицомъ: уразумѣхъ, яко отъ молитвы разжизаемыя любовію сердце его произниче благодать и на лице его; постоявъ мало изыдохъ, и никому же рѣхъ о семъ. Паки по временамъ многимъ дважды видѣхъ бесѣдующа съ нами лице его сіяющее, самъ же отъ духовныя радости склабящася бесѣдоваше съ неизреченною любовію, отрыгая изъ себе слова духовная, и аки вливая радость въ души наша; азь же стоя и смотря нань зѣло удивляхся, и со страхомъ бесѣдовахъ къ нему. И ни единого отъ братій бывшихъ тогда вопросихъ о семъ, ниже азь рѣхъ кому, бояся да не, услышавъ послѣжде отъ кого, блаженный опечалится. Зѣло бо смиренномудръ бяше: похвалы же аки смрада нѣкоего удаляшеся, но всегда себе укоряше, и о всемъ случившемся въ соборѣ на себе вину возлагая глаголаше, яко грѣхъ ради моихъ сіе случися; аще же было бы что десныя страны, то молитвамъ собора приписоваше. И ели-

ко бѣгая удаляше себе отъ славы, гнушаяся ея аки смрада нѣкоего, толико во всѣхъ странахъ прославляше его Богъ. И имя его предъ всѣми честно бѣ и есть, бесѣда же о немъ виновна славы Божія, славяху и славятъ Бога, явившаго въ сія бѣдная и лютая времена угодника Своего истиннаго, и учителя непрелестнаго, просвѣтившаго и обновившаго монашеское общее житіе. Не неприлично же и святой Исаакъ Суринъ рече, иже текій за честію — бѣжитъ отспреди его, а бѣгаяй отъ нея — поженется за нимъ и проповѣдница бываетъ всѣмъ человѣкомъ смиренія его¹. И паки той же рече²: едва обрѣтается человѣкъ могій терпѣти честь, негли же и отнюдъ не обрѣтается. И сіе, отъ скорого подъятія измѣненія, яко же бы кто глаголалъ, ниже аще кто нравы равноангелень будетъ. Нашъ же столпъ смиренномудрія удобно терпяше славу, имѣя ю носяй безъ вреда, зане отъ юности своя убѣже отъ нея, хотящій въ мірѣ пообладати имъ, ибо видя онъ многихъ великихъ лицъ плещущихъ руками о немъ, ожидая возраста его радующеса, и ожидающе наслѣдника престола отца своего быти ему, себѣ же пастиря и учителя. Но онъ ю оплевавъ, и на лице веліару лукавому со всѣмъ смрадомъ ея повергъ, убѣже, и во всей жизни своей невредимо отъ нея пребысть, имѣяй себе прахъ и пепель подъ ногами всѣхъ и должника братій; никогдаже возмечтався о высотѣ своей, но надежду спасенія своего имѣяй на молитвы братій. Сего ради и Богъ его превознесе: прославивъ его въ жизни сей, и будущей съ преподобными отцы прославить, несумнѣнно вѣруемъ. Не лишень же бѣ и проувидѣнія дара: и о нихже прорече, собышася. Единому великому лицу провидѣ смерть лютую, тако и бысть. О единомъ вздыхавъ и плакавъ и увѣщавъ, и въ третій день утопе.

¹ Пометка на полях: Слово 57.

² Пометка на полях: Слово 30.

Единаго же увѣщававъ, бывшу и мнѣ въ келліи, на конецъ рече: «Не увидишь, брате, мѣста онаго камо хошеши ити»; и въ седмицу умре, о немже блаженный зѣло плакаше. Чтоже можемъ рещи и о семъ, яко сѣдящу блаженному въ келліи, иногда же внѣ куди кромѣ церкви ходящу, знати устроеніе всѣхъ братій, ихже никогдаже видитъ. Единою бывшу мнѣ въ келліи его, и бесѣдѣ бывшей, прииде единъ отъ первѣйшихъ духовниковъ и рече нѣчто къ нему, онъ же глагола: «Како вамъ не знати устроеніе братій, къ вамъ на всякъ день приходящихъ помысли исповѣдовати? Азь въ келліи сѣдя всѣхъ братій устроеніе знаю, а вамъ не знати». Откуда знаеши, о блаженнѣйшій отче! Аще не бы Духъ Святой, вселійся въ чистое твое сердце, открывалъ тебѣ. И иная многая, яже оставляю долготы бѣгая. О чудесахъ и исцѣленіяхъ не нужно и писати: занеже не отъ чудесъ познавается святость мужей воистинну святыхъ, яко суть святы и непорочни предъ Богомъ, но отъ истинныя православныя вѣры догматовъ, и непорочнаго житія. Ибо многіи еретицы сотвориша чудеса, о нихже Господь рече¹: *«Мнози рекуть Ми во онъ день: Господи, не въ Твое ли имя крестихомся, и не Твоимъ ли именемъ силы многи сотворихомъ?»* И речеть Судія: «Аминь, глаголю вамъ, не вѣмъ васъ, отъидите отъ Мене дѣлатели беззаконія». И къ богатому отвѣтъ отъ Господа, вопросившу, како вниду въ животь, рече: «Сохрани заповѣди». И паки: *«Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга²; якоже возлюбихъ вы, да и вы любите другъ друга. О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою»*³. И святой Златоустъ учить: не подобаетъ православна мужа отъ знаменій и пророчествъ искушати яко

¹ Пометка на полях: Мф. 7, 22–23.

² Пометка на полях: Ин. 13, 34.

³ Пометка на полях: 35. Имеется в виду: Ин. 13, 35.

святъ есть, но отъ благаго житія его. Якоже рече Господь: *отъ плодовъ ихъ познаете ихъ*. Плоды же истиннаго мужа духовнаго показа Апостоль глаголя: *«Плодь духовныйъ есть любви, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, на таковыхъ нѣсть закона»*. Аще убо таковая плоды стяжетъ человекъ, и творить знаменія, или не творить, явленъ таковой яко святъ, и другъ Божій есть. Сотвори же чудеса многа блаженный нашъ отецъ, а понеже онъ о томъ и слышати не хотяше, но все приписываше Пречистѣй Богоматери и молитвамъ собора братій, сего ради и азъ оставихъ волею, да не буду противень ему, хотя и вѣдый многая прежде смерти и по смерти бывшая чудеса. Имѣяше блаженный отецъ нашъ Паисій въ соборѣ своемъ братію успѣяніемъ различныхъ чиновъ, что и пишу отъ саморучнаго его посланія писаннаго къ первому другу своему іерею Димитрію въ Полтаву, въ 1767 лѣта изъ Драгомирны, просившему блаженнаго посланіемъ написати ему о всѣхъ чинѣхъ монашескаго житія, и о своемъ пребываніи со братією. Блаженный же добрѣйше и якоже подобаетъ описавъ чинъ безмолвія отшелническаго и вся яже въ немъ, чинъ царскаго пути, и общежителный, и истолковавъ отъ ученія преподобныхъ отецъ нашихъ зѣло ясно. Таже приложи о себѣ и о соборѣ братій, въ каковомъ устройствѣ бяху во время оно братія, и каковое успѣяніе имѣяху въ Драгомирнѣ, сиче написа: «И аще и не во единой суть мѣрѣ вси въ нашемъ общежителствѣ, сіе бо ниже есть возможно. Ови бо отъ братій иже суть и множайшии, до конца уже волю свою и разсужденіе умертвиша, во всемъ мнѣ же и братіи повинующеся, и аки Самому Господеву братіи въ страсть Божіи и смиреніи мнозѣ послушаніе приносяще, претерпѣвающе безчестіе, поруганіе, укоризну, и всякій видъ искушенія съ толикою радостію, якоже бы кто сподобился велія Божія благодати, и сего всегда желающе,

всегда и непрестанно себе предъ Богомъ втайнѣ сердца своего укоряюще и имуще себе подъ всѣми и послѣднѣйша всѣхъ. Овіи же суть паки не маліи числомъ, падающе и встающе, согрѣшающе и кающесея, претерпѣвающе укоризну и искушеніе, аще и со трудомъ, обаче нудящесея вседушнѣ первыхъ постигнути и о семъ усерднѣ Бога моляще со слезами. Овіи же суть не многіи числомъ, слабійи и немочніи, аки младенцы немогуще еще пици твердыя принять, сирѣчь, укоризны и искушенія претерпѣвати, требующіи еще млекоу милости, человѣколюбія и снисхожденія немощемъ ихъ воспитоватися, дондеже въ духовный терпѣнія пріидуть возрастъ, единымъ благимъ произволеніемъ и всегдашнимъ самоукореніемъ скудость свою исполняюще. Многажды же, и выше силы своєї нудящесея претерпѣвати безчестіе, и волю свою оставляти съ кровію: то есть трудъ велій о семъ аки кровь предъ Богомъ изливающе, и со слезами о еже помощи имъ Бога моляще. И таковіи же, аще и немощнѣйшіи суть, обаче аки нужницы Царствія Небеснаго вмѣняются предъ Богомъ. Таковіи же вси, аще и не во единой якоже речесея суть мѣрѣ, обаче обще вси нудятся Божія и святыхъ отецъ хранити заповѣди. Нерѣшимымъ союзомъ любве Божія связаны суще другъ со другомъ, и любве ради Божія и спасенія своего претерпѣвають всегдашнюю скудость тѣлесныхъ потребъ съ великодушіемъ и всегдашнимъ къ Богу благодареніемъ, на единого Бога якоже спасенія своего, тако и въ тѣлесныхъ къ состоянію житія нужныхъ потребныхъ окормленія возлагающе надежду. Нынѣшнее же наше житіе отъ онаго, якоже Ветхій Завѣтъ отъ Новаго отстоитъ».

Се, братія возлюбленная, обѣтъ мой, иже не видѣша ангеловиднаго лица святаго отца нашего, егоже въ предисловіи моемъ вамъ обѣщавъ, описаніемъ святаго житія его исполнихъ: въ немже изшествіе его изъ міра,

странствія, бѣдствія, сожитіе со братіями, труды и подвиги вышеестественныя, духовныя же никтоже можетъ описати, ниже вѣдѣти бывшая нань изліянія божественныя благодати и просвѣщенія, еже и на лице изъ сердца его происхождаше, и аки пїяній отъ духовныя радости, любовію къ намъ разливашеся. Сія единъ точію Богъ, и онъ въ себѣ видяше, закрывся аки завѣсою глубочайшимъ своимъ смиренномудріемъ.

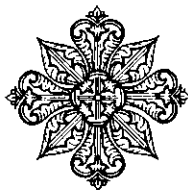
Нынѣже ко блаженной кончинѣ его гряду: пребывая божественный нашъ отецъ въ деннонощныхъ трудѣхъ и подвижѣхъ, приближився долгъ неминуемый разрѣшенія души отъ тѣла, и якоже мню, прежде многихъ дней прїявъ извѣщеніе отъ Господа о своей кончинѣ, зане оставивъ уже переводъ книгъ. Вопросихъ бо я его нѣкогда: «Что вы, отче, переводите?» Онъ же рече: «Не превожу ничтоже, но прочитываю книги и поправляю, аще нѣчто случится требующее поправки». Повелѣвъ же мнѣ нѣкое послушаніе сотворити. Азь же сотворивъ, принесохъ къ нему октомврія въ 25-й день, и случися тогда никомуже приходити. Пребывъ азь съ блаженнымъ яко полтора часа или два, бесѣдуя, зане видѣхъ его тогда отмѣнно радующася; на конецъ предложивъ ему четыре вопросы богословскія высокія, и просивъ рѣшенія отъ него. Ибо многое время искавъ случая и не обрѣтахъ. Онъ же радуяся, охотно и добрѣйше на вся мною требуемая рѣшеніе содѣлавъ и истолковавъ; тогда азь прославихъ Бога, удостоившаго мя искомое получитьи, благодаривъ же и ему, и не хотя уже болѣе утрудити сго, рѣхъ къ нему: «Благословѣте, отче, отъити мнѣ» — и сотвори молитву поклонихся ему до земли, глаголя: «Простите мя, отче святыи, и благословѣте». Онъ же простеръ святую свою десницу съ согбенными персты, іерейскимъ благословеніемъ благословляя мя и глаголя: «Богъ да благословитъ тебе и простить». Азь же люби-

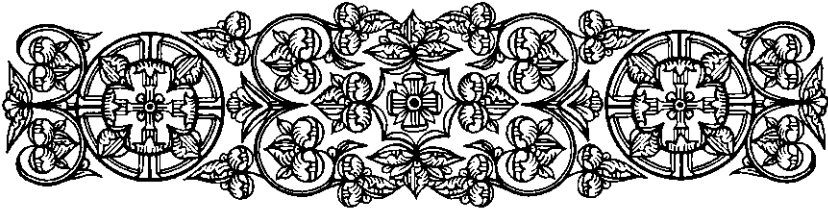
завъ святую десницу его и нозѣ, изшедъ радуюся и слава Бога. Сіе же бысть въ среду. И по изшествіи моемъ, заключивъ служащій братъ дверь, и никогоже остави внити къ нему, во второй же день и заболѣвъ; тогда и паче не оставяше никомуже стужати, да не возболѣзнуеть множае. Болѣвъ же три дни, въ недѣлю аки легчае бысть ему: восхотѣвъ выслушати Божественную Літургію; вшедъ въ церковь сѣдѣше. По совершеніи же едва возможе пріити въ келлію, служащему ведущу его и поддерживающу; и оттолѣ возболѣвъ множае, и никогоже попускахъ къ нему: желаше бо въ безмолвіи скончатися блаженный. Аще же бы свободно оставили входить къ нему братіи, то безвременно уморили бы его слезами своими и стуженіемъ. Приблизившейся же кончинѣ, причастися Божественныхъ Таинъ, и призвавъ двоихъ духовниковъ, чрезъ ихъ миръ и благословеніе всѣмъ братіямъ давъ, скончася аки уснувъ, предавъ душу свою въ руцѣ Божіи. Оставивъ собору избрати себѣ Старца и Пастиря егоже рассудятъ соборомъ. О души смиренномудры и кротки, о мужа разсужденія божественнаго исполненна! О философа духовнаго, превышша всѣхъ премудрѣйшихъ міра сего! Еже бо во всей жизни своей любомудрствовавъ, имѣя себе подъ всѣми челоуки, и раба братіи и должника, невѣжду и бездерзновенна, тако и при кончинѣ своей сотворивъ, недерзновенъ опредѣляти ничтоже. Но яко долгъ своя службы исполнивъ, отъиде съ миромъ ко Господу, оставивъ промыслу Божественному избирати и опредѣляти. Егда же произыде слухъ о преставленіи блаженнаго, стекошася множество монаховъ и мірскихъ священниковъ, и простыхъ челоуковъ, и бысть плачь общій всѣмъ, нашъ и овыхъ, и погребохомъ честно въ церкви.

Сія тебѣ, о священнѣйшій отче и учителю нашъ, отъ недостойнаго раба и ученика твоего схимонаха Митро-

фана приносимая похвала, аще и не требуеши сихъ, за-
не отъ Господа предъ Ангелы прославлень еси. Но азъ
долгъ мой, отъ собора опредѣлень бывъ, принесохъ те-
бѣ: прими яко отецъ чадолюбивый, и прости невѣднію
моему, и не престани моляся о чадѣхъ твоихъ, да спо-
добить Преплагій Владыка твоими святыми молитвами
всѣхъ насъ обрѣсти у Него на судѣ милость, и сподоби-
тися наслѣдники быти Царствія Его, Емуже подобаетъ
всякая слава, честь и поклоненіе, со Безначальнымъ Его
Отцемъ, и Пресвятымъ и Благимъ и Животворящимъ
Его Духомъ нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

Преставился блаженный отецъ нашъ 1794 года, Ноем-
врія 15-го.

Содержание

От издательства	3
А.-Е. Тахиаос. Предисловие к первому изданию автобиографии и пространного жития преподобного Паисия Величковского	6
Автобиография преподобного Паисия	12
Житие, составленное монахом Митрофаном	21
Язык текстов	36
Автобиография преподобного Паисия Величковского	39
Житие преподобного Паисия Величковского, составленное схимонахом Митрофаном	105
Повесть о матери его, что случится ей по отшествіи его отъ нея	121

